

Ставропольская
духовная семинария

**Священномученик
ИОАНН ВОСТОРГОВ**

ВО ДНИ ВОЙНЫ
ГОЛОС ПАСТЫРЯ-ПАТРИОТА

ВЫПУСК 1

Ставрополь
2024

УДК 242
ББК 86.372 + 68.1(2Рос)

По благословению
митрополита Ставропольского и Невинномысского Кирилла

Допущено к распространению
Издательским советом
Русской Православной Церкви
(ИС Р24-413-3291)

Восторгов Иоанн, священномученик

Во дни войны. Голос пастыря-патриота / ред. протоиерей П. М. Самойленко, священник Е. Н. Шишкин. Вып. 1. Ставрополь: Ставропольская духовная семинария, 2024. 240 с.

ISBN 978-5-6048187-7-0

В сборнике представлены проповеди священномученика Иоанна Восторгова (1867–1918), произнесенные в первые месяцы великой войны, впоследствии названной Первой мировой. Уроженец Кубани, воспитанник военного духовенства Кавказской армии, выпускник Ставропольской духовной семинарии, протоиерей Иоанн Восторгов встретил события 1914 года на Красной площади – настоятелем храма Василия Блаженного. Его пламенное слово к тому времени уже заслужило признание современников – Златоустом называл его святой праведный Иоанн Кронштадтский. В основу настоящего издания положен исторический памятник – прижизненный сборник проповедей протоиерея Иоанна Восторгова с его авторским заглавием, изданный в московской типографии «Русская печатня» в 1916 году. Книга будет полезна военным священникам, преподавателям учебных заведений, солдатам и офицерам Российской армии, казакам, а также широкому кругу читателей, любящих историю и духовные традиции Святой Руси.

© Ставропольская духовная семинария, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

К молитве и единодушию!	5
Ахаво-Иезавелино дело. Виноградник Навуфея	8
Единение	13
Вещий миг	15
«На нас напали»	26
Священная подать	30
Святое врачевание	34
Голос земли	37
Новый святой молитвенник за землю Русскую	44
Святой покров над Россией	46
Небесная помощь воинству	49
Житие неложное	51
Союз земли и неба	55
Новый Навуходоносор	59
Духовное преображение Родины	63
О бессмертии. Памяти убиенных на брани... ..	70
Крестовый поход	77
Значение богоданной победы	84
Тайна жизни и победы	89
Богу благодарение	
I. Судьбы Божии	96
II. Радость России	100

Радость подвига	102
Где и как выковывается победа?	105
Грядущая новая Россия	115
Школа и война	124
Знамение победы	126
Война и ее влияние на дело миссионерское	131
Историческая неправда	151
Истинный подвиг любви к Отечеству	155
Источники воодушевления	161
Явление Богоматери	167
Храм победы и его напоминания	171
Царю-Труженику, Любящему и Кроткому	178
Преступление пред христианством	181
Пересол	185
Крест воинский	190
Духовенство во французской армии	198
В поучение раненым воинам	
I. Светлая проповедь	202
II. Добрые и худые воины	203
Культурные заслуги	206
Бодрые призывы	
I. Смысл жизни и смерти	213
II. Власть тьмы и власть света	214
Мировая борьба	
I. Война	217
II. Мир	219
Усиление суеверия	223
Спокойствие	230
«Радующимся – воздержание»	237

К МОЛИТВЕ И ЕДИНОДУШИЮ!¹

Православные русские люди!

От этого памятника Минину и Пожарскому, говорящего так много русскому сердцу о святом единении русского народа; от этого памятника, напоминающего нам о святом порыве решимости, некогда охватившем русский народ, все отдать ради блага Родины, заложить жен и детей, снести все земные сокровища на алтарь Отечества; от этого памятника нашей русской свободы и избавления от тяжкого насильнического порабощения – суждено сегодня раздаться первому призыву к жителям первопрестольной столицы к молитве, единому сердцу и готовности на самопожертвования в переживаемые тревожные дни.

Славянскому мировому делу нанесен предательский удар; разбойничий набег сделан на единовенную и единоплеменную, нами освобожденную Сербию; святому Православию грозит опасность; германский мир оцетинился миллионами штыков, тайно приготовившись уже давно к войне с Россией; Россия поставлена нежданно и властно в необходимость сказать свое твердое слово пред лицом страшной угрозы общеевропейской войны; решается вопрос: быть или не быть России великою державою, стоящей на страже правды, быть ей или не быть оплотом и достойною носительницей всеславянских надежд и упований, устоять ли на высоте мирового призвания православно-христи-

¹ Речь на всенародном молебне в Москве на Красной площади 18 июля 1914 г.

анской славянской державы, или позорно и трусливо умолкнуть и отречься от жертв и подвига...

В этот великий и единственный час грозного испытания одно должно наполнить наши души: упование на Бога воинств, венчающего торжеством оружие правды; величавое спокойствие пред подвигом, как бы пред неким святым таинством, имеющим совершиться в мире, – и полное, всецелое, над всеми прочими явлениями жизни господствующее чувство и сознание *единомыслия и единокордия* всех сынов Отечества в единении с Царем, его Венценосным Вождем.

Слава Богу! Молитвою сейчас открывается народное наше дело. Спокойствие царит в русском народе; единокордия охватило всех русских людей, которые забыли сразу все свои временные и кратковременные разделения и несогласия, слились теперь в великое единство пред лицом тревожных событий.

Итак, православные русские люди, – на молитву! С нами Бог! С нами Силы Небесные невидимо служат, с нами святые угодники, в русской земле просиявшие!

На этой широко-пространной площади, выдавшей столько событий нашей русской истории, пред лицом наших всенародных святынь, в осиянии великих исторических заветов и воспоминаний, станем добре, станем с благоговейным страхом, вонем святую молитву вознести ко Господу воинств!

Боже, рассуди нашу тысячелетнюю прю, наш многовековой спор с исконным врагом нашим, – рассуди миром или бранью! ресвятая Богородица, помогай нам! Святые угодники, сотворите молитву, сотворите молитву!

Непобедимая и непостижимая и Божественная сила Честнаго и Животворящаго Креста, не остави нас грешных!

Мы на все готовы, мы все отдадим, как этот Минин и Пожарский! За Крест! За Православие! За оскорбленную правду! За угнетенное славянство! За Родину Святую!

На начинающего Бог!

Спаси, Господи, люди Твоя и благослови достояние Твое!
Аминь.

АХАВО-ИЕЗАВЕЛИНО ДЕЛО¹

ВИНОГРАДНИК НАВУФЕЯ

С чувством глубокого волнения я становлюсь сегодня на эту кафедру, в виду переживаемых Россией событий. От избытка сердца уста глаголют... Но бывают моменты, что уста в таких случаях немеют! Пусть же говорит нам теперь в душу и сердце святая Библия: это надежнейшее поучение. Сегодня – память святого пророка Божия Илии, ревнителя веры и правды.

Позвольте мне на этом образе древней Библии и на одном событии из жизни пророка Илии остановить ваше внимание. Оно, как увидите, в высшей степени подходит к переживаемому моменту.

В 21 главе 3-й Книги Царств читаем:

«У Навуфея Изреелитянина, в городе Изрееле, был виноградник подле дворца (царя) Ахава. И сказал Ахав Навуфею, говоря: «Отдай мне свой виноградник; из него будет у меня овощной сад, *ибо он близко к моему дому*». Но Навуфей сказал Ахаву: «Сохрани меня Господь, чтоб я отдал тебе наследство отцов моих». И пришел Ахав домой встревоженный и огорченный тем словом, которое сказал ему Навуфей Изреелитянин, говоря: «Не отдам тебе *наследства отцов моих*». И (в смущенном духе) лег на постель свою и отвратил лицо свое и хлеба не ел. И вошла к нему жена его Иезавель и сказала ему: «Отчего встревожен дух твой, что ты и хлеба не ешь?» Он сказал: «Когда

я стал говорить Навуфею Изреелитянину и сказал ему: «Отдай мне виноградник твой», тогда он сказал: «Не отдам тебе виноградника моего (наследства отцов моих)». И сказала ему Иезавель, жена его: «Что за царство было бы в Израиле, если бы ты так поступал? Встань, ешь хлеб и будь спокоен: я доставлю тебе виноградник Навуфея Изреелитянина». И написала она от имени Ахава письма, и запечатала их печатью, и послала эти письма к старейшинам и знатым в его городе, живущим с Навуфеем. В письмах она писала так: «Объявите пост и посадите Навуфея на первое место в народе, а против него посадите двух негодных людей, которые свидетельствовали бы на него и сказали: «Ты хулил Бога и царя», и потом выведите его и побейте его камнями, чтоб он умер». И сделали мужи города его, старейшины и знатные, жившие в городе его, как приказала им Иезавель, так, как писано в письмах, которые она послала к ним. Объявили пост, и посадили Навуфея во главе народа. И выступили два негодных человека, и сели против него, и свидетельствовали на него эти недобрые люди пред народом, и говорили: «*Навуфей хулил Бога и царя*». И вывели его за город, и побили его камнями, и он умер. И послали к Иезавели сказать: «Навуфей побит камнями и умер». Услышав, что Навуфей побит камнями и умер, Иезавель сказала Ахаву: «Встань, возьми во владение виноградник Навуфея Изреелитянина, ибо Навуфея нет в живых, он умер». Когда услышал Ахав, что Навуфей (Изреелитянин) был убит, встал Ахав, чтобы пойти в виноградник Навуфея Изреелитянина и взять его во владение. *И было слово Господне к Илии Фесвитянину: «Встань, пойд навстречу Ахаву, царю Израильскому, который в Самарии; вот он теперь в винограднике Навуфея, куда пришел, чтобы взять его во владение, и*

¹ Речь на собрании Братства Воскресения Христова 20 июля 1914 г. в Большом зале Епархиального дома в Москве.

скажи ему: так говорит Господь: «Ты убил и еще вступаешь в наследство?» и скажи ему: «Так говорит Господь: на том месте где псы лизали кровь Навуфея, псы будут лизать и твою кровь». И сказал Ахав Илии: «Нашел ты меня, враг мой!» Он сказал: «Нашел; ибо ты предался тому, чтобы делать неуютное пред очами Господа (и раздражать Его). Так говорит Господь: «Вот, Я наведу на тебя беды, и поступлю с домом твоим так, как поступил Я с домом Иеровоама и с домом Ваасы за оскорбление, которым ты раздражил Меня и ввел Израиля в грех». Также и о Иезавели сказал Господь: «Псы съедят Иезавель за стеною Изрееля. Кто умрет у Ахава в городе, того съедят псы, а кто умрет на поле, того расклюют птицы небесные». Не было еще такого, как Ахав, который предался бы тому, чтобы делать неуютное пред очами Господа, к чему подучала жена его Иезавель».

Вековечно слово Божие! События, в нем описанные, полны великого назидания и всегда приложимы к жизни людей. Это как бы вечные немеркнущие образы и символы, всегда живые и действенные, вечные подобию, которые никогда не теряют своей силы и жизненного значения, ибо при единстве человеческого рода, при единстве и неизменности человеческих духовных сил и способностей, желаний, расположений, – психология греха и добродетели остается у людей всегда одна и та же.

Ахав и Иезавель – не прообраз ли это той двуединой империи, которая всю свою долгую историческую жизнь жила только завистью, обманом, насилием, захватом и разбоем, и особенно по отношению к славянству?

Виноградник несчастного Навуфея – не образ ли маленькой Сербии, которая только в том, в сущности, оказалась и виновной, что расположена «очень близко» около Австро-Венгрии?

Требование двуединой империи, предъявленное к Сербии и послужившее поводом к войне, не есть ли Ахаво-Иезавелино требование: «Отдай мне твой виноградник; из него будет у меня овощной сад?»

Ответ Сербии не есть ли слово Навуфея – слово преданности к наследию отцов, к своим прадедним землям, политым кровью и потом предков, не есть ли слово глубокой, какой-то мистической, благочестивой, любви к родной земле?

Совет Иезавели – что иное, как не насилие самое гнусное, а прием, употребленный ею для гибели несчастного Навуфея, это лицемерие и предательство, это лукавое обвинение, это наущение старейшин, это заведомое лжесвидетельство, – все это постоянные происки Австро-Венгрии: еще не так недавно – в Галиции по отношению к православным русским подданным Австрии, а теперь – в отношении к сербам?

Но виноградник еще, слава Богу, не отнят, Навуфеем не убит. Великое дело Илии пророка волею Божию возложено на русский народ, и он, с ревностью Илии о поруганной правде, поспешил раньше, чем свершится гнусное и кровавое дело, с грозным предостережением и обличением Австро-Венгрии. Пусть на защиту и поддержку нечестивого Ахава вступила теперь родственная ему по плоти и духу Германия: этого и ожидать нужно было. В разбойнических шайках всегда есть своего рода порядок, заранее обусловленный взаимными договорами, есть и своего рода взаимная верность, основанная на общности преступления. Пусть на пути пророка Илии поставлена теперь преграда: твердо сказано слово русского правительства, крепко удумана дума Царева. В силе тяжкой, в грозном спокойствии собирается русское воинство, а в глубоко сосредоточенном, спо-

койном, как тяжкие тучи, движения и настроении народных масс уже пробегают молнии, уже клокочет внутреннее негодование, едва сдерживаемое. Оно грозно и неудержимо прольется в тот час, когда будет сказано Царское слово, повелевающее воинству «совершить свое дело».

Будем уповать, что беззаконие и неправда не увенчаются успехом, что разбойничье нападение Австро-Венгрии с Германией обратится на их собственную главу – «в лоно их возвратится».

Будем уповать, что Русь Святая, в духе и силе Илии-ревнителя, исходящая ныне на мировой подвиг, унаследует и благоволение Божие, явленное пророку; огнем с неба испепелить врагов (4 Цар. 1, 10–13); укрыта будет Богом от гонения нечестивых; прольет дождь правды на землю алчущую, как некогда Илия; посрамит современного кровожадного Ваала–тевтона, в сетях которого запутан и изнемогает мир славянский; примет силу и торжество огненной колесницы и склонит милосердие Неба к грешной земле.

Только одно для этого нам теперь нужно: верность Богу и Его святому Закону, ревность по правде Илии, твердое упование на Божью помощь.

ЕДИНЕНИЕ¹

Когда сегодня я был на пути в храм, чтобы совершить милость мира, жертву хваления, – внезапно на улицах нашего первопрестольного града раздалась весть брани: Германия объявила войну России. Когда я обдумывал поучительное слово к вам, братия, слово назидания для жизни мирной и спокойной, – мне пришлось вдруг переменить мысли и подумать о том, что сказать вам в виду наступившего бранного времени...

И вспомнилось мне, как поступали в таких случаях наши предки. Древний русский князь, почти святой, славный Владимир Мономах рассказывает нам, как он поступил однажды в час великого душевного волнения, когда пред ним и русскою землею стояло угрожающее и таинственное будущее: «И взял Псалтирю в печали, и то ми ся выня – вскую прискорбна еси, душе моя, и вскую смущаеши мя, уповай на Бога! [Пс. 41, 6]» Он обратился к первому, случайно открывшемуся пред ним месту из Священного Писания и в нем нашел ответ на волнующие его чувства.

Следуя этому примеру, и я сегодня обратился для поучения себе и вам, братия, к первому слову из того же Божьего Писания и вот что вместе с вами услышал: «Господь крепость людям Своим даст, Господь благословит люди Своя миром» [Пс. 28, 11]. Так гласит сегодня прокимен пред апостольским чтением.

Итак, вот что нам нужно: крепость людям и в конце брани – благословение мира.

¹ Речь, сказанная в соборе святого Василия Блаженного 20 июля 1914 г., в Неделю 8-ю по Пятидесятнице и в день памяти святого пророка Илии, по поводу объявления Германией войны России.

А что говорит далее апостол? Послушайте! Его слова как бы нарочно отвечают переживаемому моменту. «Умоляю вас», – пишет он христианам, – не просит, не повелевает, не заповедует, как обычно и прилично ему по званию наставника и духовного руководителя верующих, а умоляет нас; «Умоляю вас именем Господа нашего Иисуса Христа», – не сам даже от себя, а от лица нашего Спасителя: «Чтобы все вы говорили одно, и не было между вами разделений, но чтобы вы соединены были в одном духе и в одних мыслях. Ибо сделалось мне известным, братья мои, что между вами есть споры. Я разумею то, что у вас говорят: я – Павлов; я – Аполлосов; я – Кифин; а я – Христов. Разве разделился Христос? Разве Павел распялся за вас? Или во имя Павла вы крестились?» (1 Кор. 1, 10–13).

Конечно, апостол говорит здесь о разделении религиозных, но разделения везде и во всем пагубны. В переживаемое же нами время, когда пред нами стоит во всей грозе вторая Отечественная война, когда вся Европа представляет собой вооруженный лагерь, когда алчные взоры врагов направлены на Россию, чтобы сокрушить ее и с нею весь славянский мир, – о, какое нами потребно теперь единение во всем! Какое потребно единодушие и согласие!

Нет теперь ни у кого исключительного или преимущественного права, а равно и преимущественной обязанности на патриотизм, но все должны объединиться в любви к Родине и в желании умереть за нее. Нет теперь места ни для каких укоров за прошлое, ни для каких споров, ни для какого взаимного разделения. Другой великий спор – православия и инославия, славянства и германизма – теперь перед нами. За много столетий Россия не стояла пред столь важными по влиянию на ее судьбу

решениями и событиями, как теперь. И народ наш весь затих в сознании важности момента: и сознательно, и врожденным чутьем он видит и чувствует, что дело нам предстоит огромное, едва вместимое в разум. «Я счастлив и благодарю Бога, что на войну призвали меня», – сказал один наш богомолец, призванный неожиданно в армию, пришедши в наш «храм победы», чтобы получить благословение от служителя Церкви.

Да, единение нам потребно, и потребна память о том, сколько несчастий дало нам разъединение в минувшую русско-японскую войну! Не мы теперь начали войну; совесть наша спокойна. Не мы нападаем: а на начинающего Бог!

Совершим же наш подвиг. У кого взяты в армию братья, дети и вообще люди близкие: спокойно благословим их в неведомый путь и не станем разрывать на части их сердца жалостью и слезами. Великому народу подобает в мужественном спокойствии перенести испытание. У кого будут убиты родные и близкие: перетерпим и этот ужас... Вскую прискорбна еси, душе моя, и вскую смущаеши мя: уповай на Бога! [Пс. 41, 6]. Будем тогда молиться всецерковно о героях-мучениках долга.

В единении – великая сила; это стало поговоркой всех народов.

Однако, в чем же самая глубокая основа такого единения? В одном ли национальном и государственном нашем союзе?

Сегодня – память святого Илии пророка. Он жил среди народа еврейского. Один был еврейский народ, а уже разделен был на два враждебные царства. Да и то царство Израильское, в котором совершал свое служение пророк, – оно, в свою очередь, без конца разделялось, полно было раздорами, переменяло царские роды, низлагало и возводило царей, пока не было

вконец разрушено врагами. Так политический интерес не всегда объединяет людей, а чаще их даже разделяет! В чем же была причина слабости и гибели царства? Вот в чем было несчастье еврейского народа: он, при одном происхождении, при одном языке, – разделялся в вере, и одни в нем оставались верны Богу Единому и Истинному, Богу отцов своих, другие увлекались Ваалами и Астартами, языческим богопочитанием соседей-иноплеменников. И в том сила, величие и заслуга пророка Илии, что он безбоязненно и нещадно обличал за это и царя Ахава, и царицу Иезавель, и вельмож, и жрецов-обманщиков, и народ, и всем выразительно говорил: «Долго ли вам хромать на оба колена? Если Иегова есть Бог, кланяйтесь Ему, если Ваал есть бог, ему последуйте» (3 Цар. 18, 21).

Умереть хотел, смерти себе просил пророк у Бога от огорчения, при виде измены народа Богу Единому, Живому и Истинному. Но Господь утешил его и сказал, что пока еще есть в народе семь тысяч мужей, которые не склоняли колена пред Ваалом; пока есть верные Богу, хотя бы в незначительном числе, не погибнет народ.

И однако, очевидно, число это истаяло потом, и царство Израильское рухнуло.

Хотите ли крепче всего обосновать и утвердить теперь и наше единение? Мы, как и древний Израиль, имеем счастье исповедовать истину веры – истинное православное христианство; на нем и утвердим свое единство. Не станем кланяться Ваалам, не станем следовать чужеземным сектам, вроде немецкого баптизма и адвентизма, не будем хромать на оба колена, то есть колебаться между Православием, свято-преданным и отце-преданным, и какими-либо наносными, модными, по

виду увлекательными новыми религиозными учениями. И тогда крепок будет и наш народно-государственный союз, и тогда воцарится у нас единение духа, столь нам теперь потребное.

Пред лицом грозного испытания единым сердцем и едиными устами скажем мы то, что вы сейчас всецерковным и всенародным одушевленным гласом пели:

С нами Бог! Разумеете, языцы, и покарайтесь, яко с нами Бог.

Могущии покоряйтесь! Аще бо паки возможете, и паки побеждени будете!

И иже аще совет совещаваете, разорит Господь. И слово, еже аще возглаголете, не пребудет в вас.

Господа Бога нашего Того освятим и Той будет нам в страх.

И уповая будем на Него, и спасемся Им.

Яко с нами Бог! [Стихи Великого повечерия; ср.: Ис. 8, 9–14].

Аминь.

ВЕЩИЙ МИГ¹

В день памяти святого просветителя России и равноапостольного князя Владимира Великого стало известно в Москве о том, что Австро-Венгрия объявила войну – разбойничью войну маленькой славянской державе – православной Сербии. С этого начала развиваться цепь потрясающих известий и событий, которые мы теперь переживаем. Помнится, когда в день, посвященный памяти святого Владимира, мы молились, то под влиянием полученного известия само собою естественно восставала пред нами вся наша тысячелетняя история, неудержимо поднимались и теснились в душе вековые воспоминания от времен святых Мефодия и Кирилла до наших дней, восставали образ за образом из минувшей истории, восставала во всем подавляющем величии глубокого трагизма скорбная мысль об исторических путях нашего славянского племени. Теперь все это еще более стало близко нашей душе.

Прошло немного дней, совершилось еще немного событий, в сущности даже одно событие, хотя и необъятного значения, – Россия приведена в военное положение и получила вызов Германии на войну: и весь русский народ вздрогнул и оживился, трепет новой жизни после тяжелого ряда лет уныния и равнодушия вливается теперь в нашу народную душу. Улицы столиц и русских городов с утра до глубокой ночи покрыты народом, движутся величественно манифестации, нет ни у кого сомнений и недоуме-

ний. Все знают, что мы стоим пред грозною европейскою войной, все знают, что война эта потребует много тяжких жертв, все видят, что нет семьи, из которой уже не была бы взята живая жертва, – дети, братья, близкие, призванные под знамена, – и вместе с тем все понимают, что Отечество в опасности и что миг, который мы переживаем, есть в полном смысле «вещий миг».

Да, неотразимую силою исторического мирового и всеславянского призвания нашего, неотразимую и властную силою тяжелой исторической необходимости миролюбивая Россия поставлена теперь пред лицом грозной брани за славянство против наглого натиска германизма. Зреет столкновение двух миров. Европа чрез сто лет после наполеоновских войн снова готовится к изменению своей политической карты. То, что годами и десятилетиями покрывалось видимостью терпения, все, что казалось по виду благополучным, все отсроченные счета, – все это сразу и вдруг обострилось и приблизилось к развязке.

Но если у Европы – счета столетия, то у нас и у славянства – тысячелетний спор, тысячелетняя туга сердечная.

Горят наши старые раны мучительным огнем.

Болят нестерпимо удары и язвы, нанесенные славянству и России за тысячу лет от немцев.

Вопиют к небу реки предательски пролитой немцами славянской крови.

Поднимаются неудержимо в памяти и сердце вековые, забываемые обиды славянству.

Встают грозно все вековые счета.

Воспоминаются предательство, лицемерие, презрение немцев ко всему русскому и славянству, ненависть и ко всему православному, которая так ярко проявилась в последний год в Австрийской Галиции.

¹ Слово по случаю объявления Высочайшего манифеста о русско-германской войне: сказано в Большом Успенском соборе в Московском Кремле 22 июля 1914 г.

Вспоминаются унижительные поговорки немца о тождестве имени славянина и имени раба, о том, что «славянские головы годны только на то, чтобы бить их немецкими дубинками и кулаками». Все это презрение к России и славянам не воплотил ли теперь в своем слове вождь Германии, заявив на днях, что Россия – это инфузория, низший тип животной жизни, малоспособный к росту. Ей, этой инфузории, Вильгельм грозит в грубой и неумной злобе «заткнуть рот и сделать ее немой», обещает России «обрубить руки».

Да, горят, мучительно горят наши старые раны!

Святой Мефодий и теперь еще томится в тюрьме немецкой! Святой Кирилл еще в унижении и заточении! Славянский язык все еще в презрении и гонении! Славянству и донине, считая его инфузурией, не хотят дать место в культурной семье человечества, несмотря на то, что мы выросли, умножились, дали миру доказательство гениальности нашей расы, пришли к своему славянскому самосознанию. Пятьдесят лет тому назад один русский путешественник, заслуживающий полного доверия, писал с австрийских берегов Дуная: «Всему есть мера на земле, есть также мера скромности и терпению. Но никакое терпение не выдержит, глядя на преследования и страдания славян австрийских». И за что же эти страдания и гонения? Только за то, что они – славяне, и еще за то, что существует Россия, от которой немцы заставляют славян отречься не только политически, но и духовно.

Не впервые нам выступать на защиту славянства. Тут не к месту ссылка на то, как неблагодарны были к нам и донине остались болгары, как ненадежны сербы и черногорцы и т. д. Пусть бы они были в тысячу раз хуже, – и все-таки русский вопрос есть вопрос славянский, а славянский вопрос есть в сущности вопрос

русский. Таков приговор истории! Тут не к месту упоминание о междоусобной позорной войне славян между собою, зрелище которой всего год назад удивило мир. Пусть в тысячу раз будет больше этого позора, – и все-таки, и даже тем более нужно единение славянства пред лицом злорадно пожирающего его германизма. Не надо забывать и того, что в 1884 году именно Австрия натравила Сербию на Болгарию, овладев разумом и волею Милана, а в 1913 году именно та же Австрия подстрекнула Фердинанда Болгарского против Сербии и толкнула его на братоубийственную войну, и теперь она же золотом и иными соблазнами желает купить у Черногории предательство, а Германия уже купила это предательство у Болгарии, если, конечно, народно-славянское чувство болгар не сметет предателей...

Пусть не говорят нам и о том, что в минувшие наши войны за славянство, в отличие от настоящей, мы имели дело с угнетателями-мусульманами, с поработителями-турками, с их зверствами и насилиями, а не с христианским народом. Опасность от германизма для славянства теперь неизмеримо больше, чем от турок, ибо здесь она направлена уже на самый духовный облик, на самую душу славянства. Мы знаем, что гонения на древних христиан со стороны язычников, кровь мучеников, пролившаяся реками, только укрепили Церковь, а возникшие после этого периода гонений ереси и расколы внутри Церкви *разделили* целостность христианского мира и ослабляют его донине. Такое же духовное разделение и растление вводят воинствующие и политиканствующие германцы и в жизнь славянства, тогда как турецкие зверства его только объединяли.

Не впервые нам выступать в защиту славянства... Знаем, что положение наше тяжело. Не варварская Турция теперь пред

нами, а весь германский мир, сильный просвещением, сильный злобою, возведенной в идейную окраску, сильный многочисленностью, давно уже в тишине верными и систематическими мерами подготовившийся к европейской войне. Не зажили наши раны, нанесенные неудачною войной на Дальнем Востоке. Не залечены и внутренние потрясения, пережитые и отчасти переживаемые нами в последнее годы.

Но не станем унывать! Справедливо говорят, что отчаяние гораздо чаще бывает неосновательным и обманчивым, чем надежда. Справедливо говорят, что люди тонут в воде больше от страха, чем от неумения плавать. Справедливо говорят, что препятствия для того и существуют, чтобы их преодолевать. Смелым Бог владеет...

Есть и благоприятные стороны и обстоятельства в нашем положении.

Россия теперь не так политически одинока, как в минувшие войны за славянство.

Правительство теперь не проявляет такого колебания, медлительности и неуверенности, как это было, например, в 1876–77 гг.

Русско-японская война нас многому научила, и опыт ее не пройдет мимо; опытни и сербы в воинском деле, между тем соединенные армии Германии и Австрии уже 50 лет не знают искусства и опасностей брани. И очень может статься, что враг только раскричал свою силу, заставил искусно поверить в нее, а на деле она окажется мнимой.

Но самое главное – русские люди вдруг забыли всякие экономические и политические партийные счета и объединились сразу, как бы по волшебному мановению: знак, что все общество сверху и донизу уразумело историческую необходимость

и неизбежность грозящей войны, с покорностью принимает тяжкий, ниспосланный Провидением России жребий. Это знак и того, что выросло в нас славянское самосознание, что дело, нам предстоящее, есть дело общественное, это не достояние только науки, не интерес дипломатов, нет, – это дело народное, народное в полном смысле слова. Дошли до глубин нашего сознания вещие слова летописца Нестора: «А русский и словенский язык (народ) – един есть».

И больше того: здесь не только вопрос целостности и чести России – здесь вопрос народной *совести*: нам предстоит война идейная, война за православие, война за угнетенных братьев-славян, война праведная, война – подвиг, которого Бог сподобил Россию. В результате ее – одной или даже нескольких наших войн – померкнет заря на Западе, и забрезжит наша всеславянская заря на Востоке¹.

¹ Вспоминается вещее слово поэта:
«Не в пьянстве похвальбы безумной,
Не в пьянстве гордости слепой.
Не в буйстве смеха, песни шумной,
Не с звоном чаши круговой;
Но в силе трезвенной смиренья
И обновленной чистоты
На дело грозного служенья
В кровавый бой предстанешь ты.
О, Русь моя! Как муж разумный,
Сурово совесть допросив,
С душою светлой, многодумной
Ступай на Божеский призыв!
Иди! Тебя зовут народы.
И, совершив свой бранный пир,
Даруй им дар святой свободы.
Дай мысли жизнь, дай жизни мир!
Иди! Светла твоя дорога,
В душе – любовь, в деснице – гром,
Грозна, прекрасна, ангел Бога
С огнесверкающим мечом».

(Хомяков).

Не войну мы воспеваем этими словами поэта. Знаем, что нет ничего вождеднее и благороднее в порывах человеческого духа, как нанести смерть самой войне. Но и то видим, что может быть, наказанный и обессиленный германизм избавит, наконец, Европу от того невыносимого гнета милитаризма, которым германизм, и он один, в течение стольких десятилетий буквально давит все народы мира, постоянно бряцая оружием и полубоная меч...

«Дать жизни мир и мысли жизнь», – такая задача грядущей войны способна склонить пред собою какого угодно миротворца!

В доспехи веры грудь одень,
И с Богом, исполни державный!
О, Русь! Велик грядущий день,
Вселенский день и православный!

Тютчев.

Загорается, даст Бог, заря этого дня. В сознании его величия – одни, в инстинктивном предчувствии этого величия – другие, но все русские люди, Царь и народ, правительство и общество теперь – одно; все сознают, что переживаем мы «вещий миг». Наш Царь теперь говорит нам в Своем манифесте о войне как православный славянский Царь, преемник и носитель тысячелетних древних заветов, седых преданий и всех упований славянства. «Нет мгновений, – говорит один русский писатель (И. С. Аксаков), – нет мгновений возвышеннее тех, когда внезапным подъемом всенародного духа вся многовековая история страны вдруг затрепещет в ней живую движущую силой, и весь народ послушит себя единым, цельным в веках и пространстве

живым историческим организмом». Армия сильна не одною численностью: в нее будет переливаться дух единения и воодушевления, которым теперь живет русский народ, – и будет зажигать сердца воинов.

Пусть же свершится воля Божия!

Пусть славяне пребудут до конца в надежде на Россию, главу славянства.

И Россия до конца пусть исполнит свой долг.

Наступил великий исторический час борьбы двух миров, славянства и германизма. Старая-престарая славянская песня «О Любушином суде» как бы пророчески звучит нам теперь из глубины веков:

Нам не хвально у немцев искать правды,
У нас правда – по Закону святу.

И пусть свершится все по этому единому, вечному и непреложному закону! Аминь.

«НА НАС НАПАЛИ»¹

«На нас напали»; «я обнажил мой меч и вложу его назад только с честью»; «идите теперь в храмы»...

Так, к величайшему изумлению мира, заявил верховный вождь воинствующего германизма своим подданным после того, как *сам спешно и первый объявил войну России и послал вызов Франции*.

Эти слова будут увековечены историей, как редкий, прямо непревзойденный образец и пример обмана и лицемерия.

Кого хочет обмануть наш враг? Кто ему поверит? Неужели его комедианство в течение стольких десятилетий, которым он занимался на удивление мира, теперь нужно увенчать еще и столь возмутительную неправдой?

Итак, забыт милитаризм, угнетавший столько лет весь мир, всецело и начатый, и поддерживающийся только Германией. Забыто знаменитое кощунство о «немецком евангелии забронированного кулака», на которое, похваляясь пред целым миром, ссылался нынешней германский император и которое «возвестить» он посылал своего брата на Восток.

Не это ли, – нет, не Евангелие, не Благовестие, а мрачное *зловестие* он теперь поставил себе и своему народу, как правило поведения?

Итак, далее, забыты постоянные угрозы, постоянное бряцание оружием, забыто то, что страна философов обращена в страну казарм, поэзия заменена юнкерством, а наука вся

обращена к одной цели – выделять орудия истребления людей.

Итак, забыто то невыносимое иго, под которым стонут народы Европы, иго непрерывных вооружений Германии, и открытых, напряженных в течение десятилетий приготовлений к войне ее на два фронта – с Россией и Францией, с нескрываемым намерением вызвать европейский пожар; забыт и тот гипноз страха, который сумел постоянными воинственными угрозами и грубыми окриками внушить всем народам германский император!

Нет! *Он не обманет Бога*, в храмы Которого он теперь лицемерно посылает свой народ! Он не обманет истории, пред которой лицемерно жалуется, будто «на него напали!» Он не обманет и своего народа, у которого в глубине души, в тайниках совести, несомненно, должна оставаться мысль, что война германизма – со стороны Австрии и Германии одинаково – по существу есть война хищническая, рассчитанная на слабость других народов, на их внутренние замешательства, рассчитанная на разбойничье отобраение чужого достояния.

И не обманет германский император России, не сумеет он сковать страхом русского воина, не запугает у нас никого! Эти похвальбы его в течение десятилетий, эти воинственные угрозы, эти выходки и грубые вызовы всем надоели, и за парадами, за бряцанием саблею, очень может быть, как это и часто бывает, скрывается такая слабость, что мир удивится, когда она обнаружится неожиданно, и будет с изумлением спрашивать себя: «Неужели эту трость надломленную, с виду внушительную, а внутри изгнившую, мы принимали за силу?»

¹ По поводу речи императора Вильгельма к народу в Берлине по случаю объявления войны. Напечатано в «Московских Ведомостях» 25 июля 1914 г.

Нет, германский император не сможет лишить нас нашего утешения – сознания, что не мы вероломно готовили и объявили войну, что не мы являемся нападающею стороной, не мы являемся причиной европейской войны, не мы ищем приобретений и расширения и без того обширной державы нашей, не лишит нас счастья сознания права и правды, спокойствия духа пред лицом Бога, истории и внутреннего суда нашей совести!

Русский народ! Стань в силе своей! Внимая спокойному и правдивому манифесту Державного Вождя твоего, отгони всякие тени уныния и страха, протяни могучую руку к мечу для защиты твоей Родины, твоего будущего, для защиты всего славянства – и не о языческой «чести» своей помышляй, как германский вождь, а о славе Божией, о торжестве правды, об отражении насилия. В родные храмы твои ты можешь явиться и предстать перед Богом в спокойном духе, повторяя слова Царского манифеста, навеянные духом Православия, этого тысячелетнего воспитателя русской народной души: «С глубокою верою в *правоту* нашего дела и *смирением* упованием на Всемогущий Промысл».

Враг хотел похитить у нас это слово: «На нас напали». Но Богу ведомы мысли и дела человеческие. Он ведает правду, Он правду видит, хотя, может быть, не скоро скажет: будем же терпеливо ожидать гласа Божия, не ускоряя, не торопя событий, не падая духом, – спокойно, как подобает великому народу. За германскими страхами и угрозами может оказаться не действительная сила, а пустое место – ничего, кроме слов.

На нашей же стороне найдутся и сила, и воодушевление, и патриотизм, и – что безмерно важнее – найдется и есть то,

что могущественнее всякой человеческой силы, во что заповедала нам верить вся наша священная древность:

«Не в силе Бог, а в правде».

СВЯЩЕННАЯ ПОДАТЬ¹

Слышим наставление святого апостола: «Никто из нас не живет для себя, и никто не умирает для себя; а живем ли – для Господа живем; умираем ли – для Господа умираем: и потому, живем ли или умираем, – всегда Господни! Ибо Христос для того и умер, и воскрес, и ожил, чтобы владычествовать и над мертвыми и над живыми» (Рим. 14, 7–9).

Наставления слова Божия вековечны, и сила их – неизживаемая сила. При тех или других, иногда внезапно наступивших обстоятельствах, вдруг они загораются новым светом, оживают совсем новою жизнью, звучат новым откровением и новыми уроками!

И приведенное наставление святого апостола – как приложимо к переживаемому тревожному военному времени! Как много оно дает утешения нашим воинам, отправляющимся на поле брани, как осмысливает и возвышает их подвиг, и сколько бодрости вливает в их сердце! Тени *смерти* уже как бы носятся в воздухе, вести о жертвах войны уже приходят к нам ежедневно. Но и чувство *жизни*, как и подобает, сильно и неистребимо: мы молим и желаем жизни Родине, мы молим и желаем жизни и нашим дорогим братьям-воинам.

Но мы стоим пред неведомым будущим; оно закрыто от нас непроницаемою, густою завесою. И в этих тяжких чувствах неизвестности посылаем мы – каждый из нас – своих дорогих близких па войну; в этих же чувствах идут на брань и сами воины.

Без веры и вне христианства здесь возможна только тупая, животная покорность, естественна и озлобленность бессилия, толкающая людей малодушных на всевозможные позорные решения...

Но святая Христова вера разрешает эти тягостные чувства святым умилением, сознанием, что мы приносим *священную подать* жизни и смерти Богу, Церкви и Родине; разрешает высоким и одушевленным словом: сами себе и друг друга и весь живот наш Христу Богу предадим; она разрешает тугу сердечную утешительным сознанием, что мы всегда, в жизни и смерти, являемся орудием Промысла Божия – всегда и везде Господни! Живем ли мы или умираем – для Господа живем и для Господа умираем...

Но не в одних настроениях и переживаниях чувства мы приносим и даем нашу священную подать.

Слышим в святом Евангелии:

Во время пребывания Иисуса Христа с апостолами в Галилее, «когда пришли они в Капернаум, то подошли к Петру собиратели дидрахм (дидрахма – две драхмы; это – *определенная подать на храм*) и сказали: Учитель ваш не даст ли дидрахмы? Он говорит: да. И когда вошел он в дом, то Иисус, предупредив его, сказал: Как тебе кажется, Симон? цари земные с кого берут пошлины или подати: с сынов ли своих, или с посторонних? Петр говорит Ему: с посторонних. Иисус сказал ему: Итак, сыны свободны. Но чтобы нам не соблазнить их, пойдя на море, брось уду, и первую рыбу, которая попадет, возьми, и, открыв у нее рот, найдешь статир (четыре драхмы); возьми его и отдай им за Меня и за себя» (Мф. 17, 24–27).

¹ Сказано на Апостольском и Евангельском чтении 26 июля 1914 г. в соборе святого Василия Блаженного за литургией.

Спаситель пришел «не нарушить закон, но исполнить», – это Его собственные слова и заявление (Мф. 5, 17). Священная подать Богу обязательна и для нас, Его учеников и последователей. Но будучи сынами, а не наемниками, свободными, а не рабами, – мы свободно исполняем веление совести и долга, не в букве, а в духе, не по форме, а по существу, сообразно с условиями окружающей жизни, с течением событий.

И ныне есть, поэтому и *деятельное*, а не в одних только переживаниях чувства, проявление нашего долга священной подати. Мы разумеем помощь больным и раненым воинам нашим, пособия и поддержку семействам воинов, ушедших на поле брани. Откроются у нас в городе больницы и лазареты, откроются различными лицами и учреждениями особые сборы пожертвований деньгами, вещами, всякими приношениями и личным трудом все на те же благие цели. Принесите, братия, как сыны и свободные, вольным порывом христианской души, принесите подать любви, подать сердца – священную подать на священное дело.

Сборы начаты прежде всего в храмах. Таков завет святого апостола: в первый день недели, то есть в воскресный, за общественную молитвою отлагать часть от имущества своего, уделяя ее нуждающимся (1 Кор. 16, 2).

Духовенство и храмы с приходами города Москвы решили открыть и содержать лазареты, больницы и другие учреждения, сообразно с нуждами войны, делать сборы, посылать больным и раненым воинам пособия, необходимые вещи, помогать семьям ушедших на войну недостаточных воинов. Во-

истину, служители Церкви теперь приносят сами, просят и у нас именно *священной подати*, во имя Бога любви и щедрот, во имя Христа, заповедавшего нам любовь и самопожертвование.

Дайте же, братия, дайте нам эту священную подать¹! И да будут угодны Господу и благословенны ваши даяния и жертвы! Аминь.

¹ Сборы пожертвований во всех храмах производятся за богослужениями в особую кружку. Заявления можно обращаться к каждому священнику. Военно-Благотворительная Комиссия Московского духовенства помещается в Епархиальном доме, Лихов пер. Прием пожертвований, заявлений всякого рода, сообщение справок и проч. *ежедневно* от 12 до 2 час. дня.

СВЯТОЕ ВРАЧЕВАНИЕ¹

Вчера и сегодня воспоминала Святая Церковь святых безмездных врачей и страстотерпцев – пресвитера, то есть священника, Ермолая из города Никомидии и его славного во всем христианском мире ученика святого великомученика Пантелеимона. Получив основательное по своему времени медицинское образование, святой Пантелеимон – что значит по-русски: все-милостивый (он оправдал свое имя!) – соединил с образованием горячую веру во Христа, горячую любовь к людям, по заповеди Евангелия, и всю свою жизнь посвятил больным и страждущим, безмездному лечению недужных, облегчению скорбей.

И Господь, по сказанию жития святого Пантелеимона, дал ему в восполнение познаний человеческих во врачевании еще и дар чудесных исцелений, как бы по образу Божественного Целителя человеческих немощей, Христа Иисуса, Бога нашего... И что же? Пантелеимон не столько словом проповеди, сколько даром своего безмездного и чудодейственного врачевания, исполненного любви, обратил великое множество неверующих ко Христу, Учителю Божественной любви. Он умер, замученный нечестивым гонителем, но вот уже полторы тысячи лет, великий святой в очах Божиих на Небе, велик он и свят в памяти, в сердцах и в очах миллионов верующих людей на земле.

Наступило, братия, время, когда и мы можем приобщиться к подвигу жизни святого Пантелеимона. Начались уже сражения на войне, предстоят впереди сражения, ужасные по своей силе

и по обилию тяжких жертв. Множество больных и раненых воинов сразу будут доставлены в города внутренней России, в наш же обширный, людный и богатый город, где имеется множество подходящих помещений для лазаретов, будут ежемесячно доставляться, вероятно, не тысячи, а десятки тысяч раненых. Потребуется много средств для их размещения, содержания и лечения. И здесь-то мы можем явиться на высоте подвига святого целителя Пантелеимона в деле врачевания и милосердия: кто личным трудом, кто пожертвованием денежным, кто доставлением тех или других необходимых для лечения вещей – белья, кроватей, продуктов питания, книг для чтения, а кто и самым чтением Слова Божия, назидательных книг и т. п. Не одни лекарства и питание помогают больным и раненым: дух любви и заботливости о них, чувство и сознание, что подвиг их оценен, что они сами дороги нам, – и это поднимает душу и способствует скорейшему физическому выздоровлению.

Среди раненых и больных, может быть, найдутся и такие, которые под влиянием различного рода неблагоприятных обстоятельств потеряли веру, находятся в сомнениях, испытывают холодность сердца в отношении к молитве или чаще вообще к религии, или христианству, холодны и в отношении к ближним или озлоблены, разочарованы в людях, – словом, страдают не только телом, но и духом, отчужденные от Христа и Его Церкви, оживотворенной верою и любовью.

На таких несчастных – а они несчастны вдвойне: и телом, и духом – дело нашей любви будет действовать, подобно врачеванию святого Пантелеимона – как проповедь о Христе и Его Евангелии: оно будет умирять мятущиеся и озлобленные души, оно будет говорить о вечном учении Христа, оно будет показы-

¹ Поучение-воззвание; сказано в соборе святого Василия Блаженного 27 июля 1914 г., в день памяти святого великомученика Пантелеимона.

вать христианство в его недостижимой высоте, святости и любви. Разве это, в самом деле, не проповедь о Христе? И разве это не подражание святому Пантелеимону не только в его делах, но и в результатах и последствиях его дел?

Итак, братия, в ожидании подвига нашей любви теперь же обращаемся к вашей щедродательности: помогите и помогайте тем лицам и учреждениям, которые примут на себя попечение о больных и раненых воинах и о семьях воинов, ушедших на войну. В храмах за каждым богослужением теперь будут собираться пожертвования деньгами. Иного рода жертвы – личным трудом, вещами и т. п. принимаются и будут приниматься многими особыми учреждениями. Духовенство города Москвы также намерено создать во многих местах города лазареты и иного рода учреждения для служения больным и раненым воинам и для помощи семьям воинов, призванных на поле брани. Каждый священник знает, куда направить жертвы или заявления желающих, и сам может передать их в существующую теперь, только что открытую Военно-благотворительную комиссию московского столичного духовенства. *Ежедневно* эта комиссия будет открыта и для личных бесед с желающими послужить святому делу; письменные же сношения с нею, конечно, доступны для всех всегда и беспрепятственно¹.

Помогите, братия, пастырям Церкви города Москвы, помогите и вы своими жертвами и средствами послужить великому и святому делу – и этим все мы явимся его участниками и создателями, общниками подвига святого Пантелеимона и многих святых, подвизавшихся в вере и любви!..

Бог любви да вознаградит дело любви нашей! Аминь.

¹ Адрес Комиссии: Москва, Лихов пер., Епархиальный дом.

ГОЛОС ЗЕМЛИ¹

Святыня, в честь которой мы сегодня молитвенно торжествуем, – вы знаете, переносит нас в воспоминаниях к знаменитой Куликовской битве и подвигу славного князя Димитрия Ивановича Донского: Гребневская икона Богородицы принесена им тогда после победы над Мамаем в Москву, а великим его потомком, собирателем земли нашей, окончательно ниспровергшим монгольское иго, князем Иоанном III она была поставлена в этом, нарочито для нее выстроенном храме. Таким образом, в нашей памяти и сознании встает седая, более чем полутысячелетняя русская старина.

Тогда решался на поле Куликовом, на берегах Дона и Непрядвы великий спор Азии и Востока, Креста и полумесяца, просвещения христианского и мрака мусульманского, мира русско-славянского и монгольского – в конце же концов, спор правды и неправды.

Решается и теперь – в другой обстановке, в непомерно более грозном столкновении, еще неизвестно, на каких морских или речных берегах, на каких полях или горных высотах – спор наступающего алчного германизма против защищающегося славянского мира. Для Европы, для наших союзников он имеет свое домашнее – для Франции, Бельгии и Англии – значение, для нас это значение расширяется и возрастает до мировых судеб нашего племени.

Может казаться, что мир германский в этом своем воинственном шествии представляет собою культуру европейского

¹ Слово при служении в Гребневской церкви в г. Москве, на Лубянской площади, по случаю праздника Гребневской иконы Богородицы, 28 июля 1914 г.

человечества; и надо признаться, много для такого вывода чисто внешних признаков... Но давно известно, что в основе своей культура вырастает из культа, то есть из богопочтения, из религиозного мировоззрения, и наоборот, она и оценивается с точки зрения религиозного развития человека. Культура европейская выросла из христианства, и только им может быть оцениваема. И вот в шестивии германизма мы вдруг увидели столько языческого преклонения пред внешнею силой, столько неуважения к праву, к правде, к долгу пред ближними, к личности человека, что все вдруг увидели пред лощеным видом внешней культуры у немцев – языческое древнее варварство.

Вот когда проявило себя то протестантское искажение христианства, которое в гордыне ума и в преклонении пред плотью, в сущности, только прикрыло христианскими именами языческие начала. Вот откуда упразднение всякого международного права, насилие, обман, подкуп, шпионство, жестокость, злорадство, желанье на чужой земле создать революцию и внутренние беспорядки, захват чужой собственности, расстрелы мирных жителей и другие проявления страшной грубости и озлобления – все, чем теперь проявил себя за немногие дни брани воинствующий германизм.

И наоборот, на суд мира вынесенные теперь действия православно-христианской России показали, сколько было употреблено с нашей стороны благороднейших усилий, исходящих из глубокого христианского миролюбия, чтобы предупредить войну, чтобы сохранить блага цивилизации и мирно-культурной жизни передовых народов человечества.

Отсюда понятен единодушный взрыв негодования против всесветного насильника, против нового Мамаи и желание общи-

ми усилиями первенствующих государств Европы обезвредить возмутителя мира!

Но, как Мамай, он давно готовил и отточил свое орудие и выступил теперь, действительно, в силе тяжкой. Как Наполеон, он надеется разделить, рассеять силы союзников и стать властелином мира, диктовать ему свою волю. Как Навуходоносор, он теперь в гордыне своей грозит выше звезд небесных поставить престол свой и сесть на горах, сущих к северу, – к нашему русскому северу...

Неведомо нам будущее. Неведомы судьбы возгоревшейся страшной брани. Наш долг теперь – исполнить свой долг!

Пред Куликовскою битвою впервые воодушевление, жажда избавления и победы, религиозно-патриотическое настроение с необычайною и невиданною прежде силою охватили всю землю русскую, так что князь Димитрий Иванович и сам подивился, видя, как людны, конны и оружны шли к нему со всех сторон русские люди.

Пред Куликовскою битвою русские шли на брань с тем настроением, которое выразил князь Димитрий Иванович: «Час суда Божия наступает». Оттого поход, начатый от святынь Кремля, от Лавры преподобного Сергия, с благословения великого игумена Земли Русской, приобрел как бы значение войны религиозной, и это дало силы русскому народу совершить подвиг невероятный: не надо забывать, что ведь из нашего воинства после Донской победы осталась в живых едва только четвертая часть... Тогда, – говорит историк, – «каждый ревновал служить Отечеству: одни – мечом, другие – молитвою и делами христианскими». «Какая война праведнее сей? Счастлив Государь, обнажая свой меч по движению столь добродетельному и столь единодушному!» (Карамзин).

Дай нам Бог сохранить до конца то единодушие, которое и теперь царит по всей России; дай нам Бог сохранить и усугубить сознание правды нашей брани и тот религиозный подъем, который наблюдается в нашем народе и показывает теперь воочию, какова неизживаемая сила Православия, какова связь народа с народною своею Церковью: ибо будь мы теперь не православными, разве было бы то, что мы теперь наблюдаем и переживаем, в смысле религиозно-патриотического воодушевления? Сила Православия осеняла всю нашу историю, делала нас сознательным народом, знающим и помнящим свое прошлое, объединенным в великих святынях.

Дай нам Бог видеть победу, но дай, Боже, купить ее не такою страшною ценою, как на поле Куликовом!

Но если и потребуются жертвы – будем на все готовы, как во дни славного героя Донского!

Предание рассказывает, что и Димитрий пред решительным боем глубоко страдал за свой народ, стоя пред неведомым будущим. Родственник его воевода Боброк слыл за знатока всяких примет... «И егда заря угасе – накануне страшной битвы – и Димитрий Боброк всед на конь и поим с собою великого князя, и выехала на поле Куликово, и сташа среди обоих полков...» И вот слышат они: со стороны татарского стана – великий клич и стук, а позади – завывали волки; клектали орлы, граяли вороны, вились стаи птиц и трепетно плескали крыльями, как бы пред страшной бурей... А на русской стороне: «Бысть тишина», – там молились люди; и виделось над станом зарево, как бы от множества огней. «Огни – суть доброе знамение, – промолвил Боброк, – призывай Господа на помощь и не оскудевай верою». «И еще убо ми есть примета иная, – продолжал Боброк. И сниде с

коня, и паде на десное ухо, при niche к земли, и лежаше на долг час и вста, и абие пониче»... Долго он молчал, был печален и даже заплакал, и потом поведал князю, что он слышал: слышал он как бы горький-горький плач татарской женщины, а потом... плач и жалобный голос русской девицы. «Мы победим, но много падет и наших», – так заключил свое слово Боброк.

О, если бы мы могли теперь услышать голоса нашей русской земли!

Что скажешь ты нам, родная наша, и какой подашь нам голос?

«Я – ваша тысячелетняя Родина, – скажет она нам, – политая потом и кровью, утучненная костями ваших предков, отцов, дедов и прадедов: защитите меня, избавьте от нового нашествия!

Я породила вас телом и духом, я питаю вас невидимо для вас и неведомо всем прошлым; вы сами не знаете, не замечаете, что все, без чего вы обойтись теперь не можете, – все это я выстрадала, взяла трудом, терпением, слезами и молитвой в течение столетий; там, где вы стоите в первопрестольном вашем граде, где вы молитесь в величественных церквах, где теперь миллионное население, где теперь блещет культурная жизнь, были леса и болота: я провела вам дороги, я вырубилa леса, осушила болота, избавила страну от диких зверей, потом я привела сюда своих сынов на жизнь, полную лишений, ради великого будущего, я стоном стонала, когда меня поливали кровью моих сынов, когда меня топтали татарские и польские вражеские кони, когда задыхалась я в огне и дыму пожаров. И я дала вам в наследие великую Россию не для расхищения, не для предательства, не для распрей и раздоров, а на укрепление и расширение, на великое приумножение данного наследия.

Я много страдала, но много видела геройства, терпенья, труда, самопожертвованья от моих сынов: будьте и вы им подобны.

Я завещаю вам теперь стать около своего Государя, как некогда русские люди стояли около князя Дмитрия – все воедино, давши воинству спокойствие для совершения своего мученического подвига.

Я завещаю вам сохранить нерушимо великий дух великого народа – а он, этот дух народа, возрос в единстве веры и Церкви. Сохраните это сокровище, и вы не затеряетесь в мире, вы соблюдете и опознаете свою самобытность, вы светом сиять будете среди тьмы – ваше будущее будет славно.

Я благословляю вас голосами всех минувших веков, всех отшедших поколений на великую брань; я ставлю над вами в покров и защиту великих святых Русской земли – князей, воителей, пастырей, подвижников, простых тружеников, у Бога сияющих в вечной славе.

В татарское нашествие, в ночь битвы Куликовской, видели благочестивых людей и Петра митрополита, златым жезлом поражающего татар, и Александра Невского, вставшего от гроба и пошедшего помогать сроднику своему – Дмитрию Донскому. Помогут и нам небесные силы»...

Не впервые нам бороться и с немцами; приходили они в великой силе, с большим коварством, со многими угрозами, и не раз никла их сила пред духовною кротостью и единством русского народа.

«Того же лета (1266) князь литовский Домвит (Довмонт – Тимофей, впоследствии святой) прииде в Псков со всем родом своим, и крестися, и посадиша его у себя псковичи на княже-

нии»... Он предпринял поход на запад на Роковор. «И прислаша немцы послы своя, *лестию глаголюще*: нам убо с вами мир и любовь, а аще хотите брань сотворити, се суть роковорцы; и тако целоваша к ним крест, и умиришася». Но немцы и тогда поступили самым бесчестным образом: «И поидоша (русские) к Роковору, и ту сретиша их полки немецкие во множестве силе, яко песок: *вся бо земля немецкая собралася*». Русские, однако, не испугались ни предательства, ни силы, но, смело перейдя реку, построили свои полки. И немцы построились особым воинским приемом, который назывался на их языке «великая свинья»... И далее говорит летопись: «И бысть сеча зла, и кровь лияшеся, аки вода, и не могоша кони скакати, всюду бо беша мертвии, аки копны сворочены лежаху. Мнози убо от железных свиньи избиени быша... И се внезапно Господь Бог и Пречистая Его Мати даде помощь и победу русским»...

Вот что скажут и напомнят нам теперь голоса нашей родной земли!

Мужайтесь, не бойтесь, что и теперь вся немецкая земля собралася; не оскудевайте верою, будьте едины: и Господь, как на поле Куликовом, пред лицом этой святой иконы, так и теперь пошлет нашей Родине победу и избавление от впавшего в кровавое безумие насильника и ненавистника славянства! Аминь.

НОВЫЙ СВЯТОЙ МОЛИТВЕННИК ЗА ЗЕМЛЮ РУССКУЮ¹

В грозные дни военной страды пришелся праздник прославления святого Питирима, епископа Тамбовского.

Господь творит Свое. Никто не предполагал и не ожидал такого совпадения торжества прославления святителя с днями войны, а, между тем, оно приспело как раз ко времени, когда для русского народа особенно потребно религиозное воодушевление, когда для оставленных семейств после ухода на брань воинов нужно духовное утешение, когда для всей православной России отрадно свидетельство о благоволении Господнем к Русской Церкви, к русскому верующему православному народу.

Так, никто не предполагал, какое значение имело то, так сказать, накопление патриотического чувства в русском народе, которое явилось результатом пережитых всем русским народом славных исторических юбилеев: освобождения от поляков Троицкой Лавры, смерти патриарха Ермогена, потом его прославления, трехсотлетия освобождения России от поляков, избрания на царство Дома Романовых, юбилея Отечественной войны, юбилея освобождения крестьян... Постепенно возгреваемый патриотизм теперь проявил себя тем несказанным чувством единения, которое охватило всю Россию пред лицом германского врага, начавшего с нами несправедную брань.

¹ По случаю прославления святителя Питирима Тамбовского, 28 июля 1914 г.; сказано на площади у Спасских ворот Кремля при служении в часовне Смоленской иконы Богоматери «Великого Совета Откровение».

Ныне – новое нам ниспосылается утешение и небесное ободрение в прославлении святителя, нового молитвенника за земное Отечество свое, святого Питирима, и новый открывается источник для нашей любви к святой Родине, давшей столько великих святых.

Празднование святому Питириму совпадает с празднованием Смоленской иконы Божией Матери.

Эту икону святитель Питирим принес с собою в город Тамбов, куда он прибыл *первым* епископом; Бог судил ему приять и кончину в день торжества в честь этой святой иконы.

Мы знаем, что Смоленская икона Божией Матери много раз чудотворно помогала русскому воинству во дни испытаний.

Издревле она именуется Одигитрией, Путеводительницею, между прочим, потому, что всегда сопровождала воинство православных царей греческих.

Ее приносили и к русскому воинству не раз; она была под Бородином; она была потом в Москве. Часовня в честь Смоленской иконы Богоматери около Спасских ворот Кремля в Москве, с чудотворною иконою Богоматери, именуется особо знаменательным именем: «Великого Совета Откровение» и привлекает много молящихся. Особенно теперь, когда столько воинов направляется на войну, здесь много богомольцев.

Так в этом совпадении праздников в честь и славу святителя Питирима, новоявленного чудотворца, и Смоленской Божией Матери, Господь посылает нам великое назидание, великое утешение и источник бодрости духа.

С сими залогами небесной помощи да свершится подвиг русского народа на предстоящей, навязанной нам брани, в осенении Божьего благословения, под покровом Пресвятой Богородицы, святителя Питирима и всех святых, в Российской земле просиявших! Аминь.

СВЯТОЙ ПОКРОВ НАД РОССИЕЙ¹

Помолитесь, православные русские люди, и воздадите молитвы ваши Господеви Богу нашему! Ибо воистину ведом нам во святых и в святынях наших Бог, и на Руси велие имя Его!

Два торжества сегодня у нас в великих воспоминаниях и переживаниях святой Церкви, – и оба они ныне, во дни нежданно грянувшей брани, для нас имеют особое значение и полны отрады и бодрости.

Пред нами *Гребневская* икона Божией Матери изнесена на ту людную площадь, в день установленного ей праздника. Эта святыня в 1380 году была с знаменитым князем Димитрием Ивановичем Донским на великой Куликовской битве, предначавшей решение великого спора между русско-славянским миром и монгольским. С того времени 534 года она находится в нашем первопрестольном граде, как знамение и залог небесного покровы над Россией и русским народом. Она как бы видела и помнит здесь, в Москве, малое княжество удельное, видела потом великое княжение в Москве, новый порядок престолонаследия, объединение Руси около Москвы, видела Царство Московское, видела и образование великой Русской Империи.

Но при этом непрерывном росте жизни православного русского народа – сколько тревог и опасностей он пережил! И в этих тревогах и опасностях также была с ним *Гребневская* святыня. Она была с Иоанном III в дни его похода на Новгород – и

память этого пред нами – эта церковь на Лубянке, построенная Великим Князем для святой иконы. Она была в стане русских воинов и в другие войны; во дни нашествия поляков, триста лет назад, здесь, в Москве, на Сретенской улице, встретили русские и победоносно отразили поляков, имея при себе *Гребневский* образ Богоматери. И доселе мы взываем в церковном песнопении пред этою иконой: *«Владычице Богородице, молися Сыну Твоему Христу Богу нашему, избавити царствующий град Москву невредимо, и все православное христианство от варварского пленения и междоусобной брани»*.

Итак, среди ободряющих этих воспоминаний – и в новой, и мировой борьбе против разбойничьего натиска немецкого племени на славянство, пред лицом нового Мамаю, мечтающего кровью залить Россию, притецем, люди, ныне к сему надежному пристанищу и покрову Девы!

Прославляем сегодня же нового молитвенника за землю русскую святителя Питирима Тамбовского. И еще нам здесь знак небесного к России благоволения.

Прославление святого есть знак того, что народ православно-русский в живой Церкви Христовой давал и дает святых, – значит, и он *жив*, а не мертв: так дерево живо, если оно дает листья, цветы и плод приносит.

Прославление святого есть знак того, что есть в русском народе семя свято, род избранных, род святых, а *семя свято*, по слову Божию, есть залог стояния мира, бытия, жизни и благосостояния царств человеческих (Ис. 6, 13).

Отсюда вливается нам в сердце радостная уверенность псалмопевца: *«Не умру, но жив буду, и повею дела Господни!»* (Пс. 117, 17).

¹ Речь на всенародном молебне в Москве на Лубянской площади по случаю изнесения *Гребневской* иконы Божией Матери и прославления святителя Питирима Тамбовского, 28 июля 1914 г.

Отсюда радостное сознание, что ведом и близок нам Бог, что во Святой Руси велие имя и слава Его.

Отсюда дерзновение молитвы к небесным предстателям за землю Русскую.

Отсюда упование на благословение свыше праведному оружию народа, который и доныне, как во дни былые, дает земле праведников.

Помолитесь, православные русские люди, в сей час, в нарочитом нашем молебствии, о победе над врагами, призовите святой покров над Россией, покров Богородицы и всех святых, – помолитесь и воздадите Господеви Богу нашему! Аминь.

НЕБЕСНАЯ ПОМОЩЬ ВОИНСТВУ¹

*Спаси, Господи, люди Твоя
и благослови достояние Твое...*

Вся Русь Святая теперь с умилением воспевает эту священную песнь. Она благовременна, уместна и в нынешней праздник во славу Всемилостивого Спаса и в честь Креста Господня, и в нынешних обстоятельствах, которые переживает православный наш народ.

Праздник Всемилостивого Спаса переносит нас к стародавним временам брани христиан православных против нападавших на них и на православные святыни врагов. Замечательное совпадение событий, одинаковых и по началу, и по окончанию их, совершилось в половине XII века, – это в первые дни и годы существования нашей Москвы: какая воспоминается седая старина! Император православной Византии Мануил сражался с сарацинами; одновременно русский князь Андрей Боголюбский защищался от мусульман – татар и казанских болгар. Среди православного воинства и в Греции, и в России были святыни: иконы Спасителя и Богородицы и Святой Животворящий Крест Господень. И вот, в день битвы, 1 августа, Великий Князь Русский и все воинство увидели чудное видение: светлые лучи от иконы Спасителя покрывали все ополчение. Это видение столь воодушевило православных воинов, что они одержали решительную победу над превосходными силами врагов. Снеслись

¹ Речь на Всенощном бдении, совершенном всенародно пред Спасскими воротами в Кремле, в часовне «Великого Совета Ангел», с чудотворною иконой Спаса Всемилостивого по случаю праздника Спаса Всемилостивого, в канун 1 августа 1914 г.

потом с греческим императором, и оказалось, что в тот же день император с воинством видели совершенно такое же видение, и также оказались победителями. Вот почему и установлено одновременно и Церковью Греческою и Церковью Русскою в день 1 августа празднество Всемиловитому Спасу.

Нужно ли говорить, что это историческое воспоминание в настоящее, переживаемое нами время войны для нас имеет особое значение?

И теперь русский народ защищается, а не нападает. И теперь русское воинство одушевлено святою верой. И теперь весь русский народ возлагает упование на Бога правды.

Да будет же Сияние от образа Спасова и ныне над нашим воинством, да будет ему дана полная победа над врагами, чтобы мир утвердить, чтобы хищник был укрощен, чтобы православный русский народ мог, по слову апостола, проводить *тихое и безмолвное житие во всяком благочестии и чистоте* [1 Тим. 2, 2], не отвлекаемый от исполнения своего христианского призвания – идти чрез земное к небесному – никакими покушениями и враждебными замыслами врагов: *«Сие бо добро и приятно пред Спасителем нашим Богом, иже всем человеком хочет спастися»*... (1 Тим. 2, 3–4). Да, Он хочет нам спастися!

Спаси же, Господи, люди Твоя и благослови достояние Твое: так воспели мы сейчас едиными устами и единым сердцем пред этим чтимым столько веков образом Спаса Всемиловитого на исторических Спасских воротах нашего священного Кремля и в этой храмине святого образа, пред которым мы сейчас предстоим в молитве.

Спаси, Господи, люди Твоя и благослови достояние Твое!
Аминь.

ЖИТИЕ НЕЛОЖНОЕ¹

*Житие твое, Василие, неложное
и чистота нескверная...
(Тропарь святому Василию Блаженному).*

Слова этой церковной песни, обращенной к святому Василию Блаженному, ставят пред нами естественно вопрос: что же такое житие ложное, и может ли быть чистота скверная? Не противоречие ли здесь в самом сочетании слов и понятий?

Думается, по отношению к святому Василию Блаженному, здесь разумеется воистину святой и богоугодный подвиг его юродства, в отличие от множества бывших на Руси так называемых лже-юродивых. Народ наш глубоко почитал святых юродивых; они, действительно, благовременно жили на Руси, когда вся жизнь их была, может быть, единственно возможною тогда символическою и образною проповедью, укором и напоминаниями о святости и жестоким правителям, и бесчестным богачам, и жадным торговцам, и развращенному, опустившемуся нравственно народу. Народ почитал святых юродивых, потому что подвиг их был близок и понятен народному сердцу, да и сами юродивые большею частью происходили из народа.

И вот, в погоне за почтением народным, за славою и честью, в погоне за корыстью и материальными дарами, которыми верующий народ проявлял свое расположение к уважаемым и почитаемым праведникам, многие ложно, обманно принимали

¹ Сказано в канун престольного праздника, 1 августа 1914 г., в соборе святого Василия Блаженного.

на себя подвиг юродства, только казались подвижниками, а на самом деле искали не неба, а земли, не славы Божией, а собственной славы и собственного блага. Они также возлагали на себя вериги, они напоказ молились, они по внешности во всем походили на святых юродивых, но предавались и втайне, и открыто среди своих сотоварищей, таких же тунеядцев и обманщиков, пьянству и разврату, занимались воровством, впадали и в другие тяжкие преступления.

Житие Василия Блаженного в этом отношении было не ложное, а чистота его была действительная, а не показная, не мнимая и обманчивая: чистота нескверная.

Применим сказанное и к себе, возлюбленные. Меняются обстоятельства жизни, меняется ее внешний облик, ее условия, но внутренний мир человека, мир добродетели и греха всегда остается один и тот же.

И наше житие может быть ложным, и наша внешность и даже признаваемая всеми чистота может оказаться далеко не нескверною...

Имеем веру, приходим молиться к святыням... Вот теперь, в дни нежданно грянувшей брани как увеличилось число богомольцев, число говеющих, сколько молебствий, сколько слез и воздыханий! Все это отрадно, все это богоугодно и похвально. Но если до наступления чрезвычайных событий и обстоятельств у нас не было веры, а с уст срывались слова кощунства и даже ненависти к Церкви, если и после того, как минет опасность, опять возвратится холодность к Богу, ко храму, к молитве: то здесь – житие ложное и чистота скверная, здесь вера ненадежная! Это не вера, а торг; это не религиозное чувство, а шкурный страх; не любовь к Богу, а какая-то безумная и кощунственная

попытка подкупа Божества, – безумная, бесполезная для дела, пагубная для души, ибо Богу ведомо сердце человека и Его обмануть невозможно.

Имеем теперь единодушные мысли и чувств; все стали патриотами, все говорим одно и стремимся к одному, – ко благу и спасению Родины. Как это прекрасно и достойно хвалы! Благодарим Тебя, Господи, за эту радость единения, которым охвачены теперь все сердца! Но давно ли так, и надолго ли? Если все это – на время, если все это рухнет при возвращении мирных дней, если все это вынужденно и делается по общему увлечению, из-за страха осуждения и кары, – то не будет ли последняя горше первых?

Нет, да будут наши помыслы и чувства не ложны и намерения не скверны, и да сохранит нам Господь это прекрасное единение веры и любви навсегда, да послужит оно в будущем *основой для новой нашей жизни в Церкви, в обществе, в государстве.*

Нужно ли говорить о других проявлениях жития ложного и чистоты обманчивой? Ты трудолюбив и исполнителен в твоём служении: смотри, чтоб это не было простым житейским расчетом выгоды и своекорыстия. Все, что делаете, от души делайте, – завещает нам апостольское слово; оно же по другому поводу заповедует: не яко человекоугодницы, не пред очима токмо работающе, но яко раби Христови от души, не за страх, а за совесть... [Еф. 6, 6]. О, если бы все в нас, все наши помыслы и поступки, располагались по этому закону: как бы расцвела наша жизнь!

Ты оказываешь внимание и услуги твоим ближним: смотри, и здесь нет ли расчета! Если любите любящих вас, и привет-

ствуете тех, кто вас приветствует, и займы даете, надеясь получить обратно: то что особенного делаете? И язычники тоже творят, – говорит Спаситель в Евангелии [ср.: Мф. 5, 46–47]. Но да будет, по слову апостола, *любовь нелицемерна*, ненавидяще злое, прилепляйтесь благовому (Рим. 12, 9). И еще: кто думает, что он стоит, берегись, чтобы не упасть! (Кор. 10, 12).

Ты чист нравственно по внешности: не украд, не впал в блуд, не имеешь зазорных связей, не совершил пред всеми никаких позорящих преступлений и тому подобное. Не думай, однако, что это одно уже свидетельствует о высоком твоём нравственном развитии и совершенстве. Фарисеи тоже были по внешности праведными, а внутри – полны нечистоты и всякой неправды, уподоблялись гробам подкрашенным, и за это только лишнее принимали осуждение, по слову Спасителя. Сын *не блудный* – образ фарисея – оказался нравственно гораздо ниже, чем блудный сын; блудница покаявшаяся оказалась выше Симона фарисея, который смотрел на жену-грешницу, припадавшую к ногам Спасителя, с ледяным презрением.

Бог зрит в сердце. И это-то сердце блюсти и «хранить всяким хранением» – больше всего хранимого, заповедует нам древний библейский мудрец, заповедует примером своей жизни и святой Василий Блаженный, у которого – житие неложное и чистота нескверная! Аминь.

СОЮЗ ЗЕМЛИ И НЕБА¹

В большом религиозно-патриотическом подъеме провели мы эти последние две недели.

Гром военный обратил нас к нашему историческому прошлому, к нашим святыням. Мы молимся пред чудотворными иконами, которые были с нашими войсками в минувших войнах, мы вспоминаем небесную помощь нашей Родине, не раз явленную нам во дни испытаний. Но слушая ободряющие голоса прошлого, прислушаемся и к голосам иным, к голосам поучения и предостережения.

В житии святого блаженного Василия повествуется: раз ночью, по обычаю своему, пришел блаженный Василий на молитву в Кремлевский Успенский собор; здесь стал он на паперти, особенно долго и усердно молился и много плакал. Были здесь и другие богомольцы, ревнующие о почитании святыни. С удивлением смотрели они на слезную молитву блаженного. И вдруг все услышали какой-то необычайный шум в соборе, от которого пришли в трепет и смятение; отворились сами собою входные двери, слышен был внутри собора какой-то голос и явственно было для всех, что голос этот обличал беззакония Москвы; внезапно чудотворная икона Богородицы Владимирской сдвинулась с места, и послышались голоса о том, что Она с великими почивающими здесь святителями российскими хочет удалиться из нечестивого города... Весь храм наполнился как бы огнем, пламя выбивалось из окон и дверей; собор стал казаться и снаружи огненным...

¹ Сказано в престольный праздник собора святого Василия Блаженного за ранней литургией 2 августа 1914 г.

О чем плакал святой Василий Блаженный? Чего ужаснулись его благочестивые сомолитвенники?

Не одно предчувствие несчастья – нашествие врагов, крымских татар, тогда действительно постигшее Москву, не одно это несчастье устрашало благочестивых людей. Можно вынести много таких несчастий, можно перетерпеть потерю всяких благ земных и самой жизни, от этих благ земных можно и добровольно отказаться, как это и сделал святой Василий Блаженный. Ведь он сам что же терял с разрушением Москвы, если решительно ничего не имел и даже был нагоходцем?

Но вот потеря, вот несчастье, тягчайшее всех несчастий, – это потеря веры и благочестия в народе, потеря Божьего благоволения, потеря связи между небом и землей, которая устанавливается только постоянством и напряжением религиозных наших чувств и стремлений. Воля Божия – вот что нам знать всего необходимее; воля Божия – вот что исполнять нам всего спасительнее, и здесь-то причина скорби, ужаса и смятенья людей глубокой веры и проникновенной вдумчивости, когда они видят, что воля Божия на земле, в жизни окружающей их среды, и не познается, и не исполняется, и что святые отступают от грешных, упорно-нераскаянных людей. Тогда отходят от нас и иссякают самые источники духовной жизни; тогда отходит молитвенная помощь даже святых наших братий, уже прославленных у Бога и приявших дар ходатайства за грешных сынов земли, при условии их веры и покаяния. Так Моисею Господь сказал, что без веры и покаяния народа неприемлема молитва за него; так и Иеремию Господь открыл, что если все святые восстанут на молитву пред Ним за народ, упорно отвергающий Бога, то Он не послушает их.

Тогда отходит союз неба и земли, и в духовной жизни людей свершается то, что неизбежно должно наступить в жизни природы, в жизни физической, если бы вдруг угасло солнце; лишенное тепла и света, все живое сразу предано было бы смерти.

И о сем-то и помнить надобно нам в настоящую годину опасности для нашего Отечества. Усугубим веру, усугубим благочестие, воспламенимся желанием и решимостью исполнять ведомую для нас и открытую волю Божию. Как служитель Церкви, глаголю: о, если бы мы, каждый из нас, теперь послужили Родине, сверх жертв и подвигов, и этим обновлением нравственной жизни! Если бы каждый из нас в эту годину подъема духа с добросовестностью отыскал в себе коренной господствующий порок, страсть, греховную привычку, и вырвал бы этот губительный росток из души и сердца с корнем! Это была бы воистину жертва богоугодная, и она привлекла бы нам и нашей Родине полноту благоволения Неба, укрепила бы эту спасительную с Ним связь земли нашей. Пусть не исходят, а пребывают с нами святые своим невидимым предстательством пред Богом, своею близостью, своею помощью к нам, земным своим собратьям.

«Много помогает молитва праведного споспешествуема» [ср.: Иак. 5, 16], – говорит слово Божие.

Много помогает и общая наша вера и упование на Бога.

За веру хананеянки исцелилась ее дочь. По вере несших расслабленного исцелился сам расслабленный. За веру сотника Капернаумского исцелился его слуга. По вере Марфы и Марии воскрес Лазарь, по вере Иаира воскресла его дочь, по вере и ради слез вдовы Наинской воскрешен ее сын.

Какие ободряющие примеры!

Но есть и иные примеры: за упорство неверия фараона погубило его войско в Чермном море; за грех Давида пострадал его народ: мы видим, что близка такая же судьба и народа германского за безумную гордыню и жестокость его воинственного вождя. Но смотрите на дело еще глубже: согрешили израильтяне в земле Мадянской, и пострадали всем народом; согрешил даже один воин Ахан при взятии Иерихона, и потерпело поражение все израильское войско; за нечестие детей Илии первосвященника пострадал он и тот народ, за кого должны были молиться и приносить жертвы дети его, как священники и служители скинии.

Так и пастырям и пасомым, и воинам и мирным жителям, и отдельным лицам и целому народу в этих устрашающих уроках и примерах даны навек указания не прерывать общения с небом, не отходить от святости и святых, не пренебрегать и не оскорблять воли Божией. Такое пренебрежение никогда не проходит безнаказанным. Ибо вечно исполняется пророческое слово: несть радоваться нечестивому – у нечестивого не может быть радости...

Благо вам и да будет милость Божия вам, братия, усердные читатели того смиренного подвижника, который всю жизнь провел в искании и исполнении воли Божией, который и возлежит своими мощами здесь, в этом святом храме, в благоухании святости! К святому и блаженному Василию помолимся, да избавит нас и страну нашу своими молитвами от варварского пленения и междоусобные брани, и мир миру подаст, и душам нашим велию милость! Аминь.

НОВЫЙ НАВУХОДНОСОР¹

Из слова Божия возьмем себе ныне поучение: «Праведники во веки живут: награда их в Господе, и попечение о них – у Всевышнего. Посему они получают царство славы и венец красоты от руки Господа, ибо Он покроет их десницею и защитит их мышцею» (Прем. 5, 15–16).

Так возглашает святая Церковь похвалу святому Василию Блаженному словами премудрого Соломона (паремия вечерни). И видим мы, как в этом прославлении смиренного юродивого, Христа ради изнурившего тело свое постом, и бдением, и мразом, и теплотою солнечною, и слотою, и дождевным облаком, приявшего подвиг добровольной нищеты и даже добровольного *безумия*, – как до конца исполнилось и осуществилось слово Премудрого!

Но есть иное, тоже добровольное безумие, – не подвиг, а наглая дерзость, добровольное обьюродение, но не ради души и ее спасения, не ради смирения, не ради Господа – а ради собственной гордыни, доходящей до самопоклонения и самообожания. Библия свидетельствует о таком безумии жестокого и властного Навуходоносора, который после кровавого пира войн, после покорения всех народов, после безумий, жестокости и насилий поставил собственное изображение и повелел всем покоренным народам пред ним падать и кланяться, как божеству.

К глубокому сожалению, возможно для человека впасть в такое сатанинское состояние!

¹ Сказано в престольный праздник в соборе святого Василия Блаженного 2 августа 1914 г. за поздней литургией.

Не таков ли и новый современный Навуходоносор, который теперь внес огонь и меч в пределы христианской Европы и втягивает в разгорающийся пожар брани все народы мира?

Сказалась гордыня протестантизма, которая начала с бунта и возмущения против апостольского предания веры, начала с обличения ошибок и погрешностей римского католичества, а окончила такими религиозными заблуждениями, что от христианства осталось в нем одно только имя. Сказалось это сатанинское дело прегордого Лютера, который объявил началами жизни гордыню в области духа и чувственность в области плоти: то самое, что всем житием, всем существом отвергали наши православные святые, и особенно Христа ради юродивые, то самое, что святой Василий Блаженный обличал и осуждал в Грозном Царе, хотя видел постоянное его расположение к себе.

Выродок этого протестантизма теперь пред нами – кровавый и помешанный на гордыне вождь Германии. Как подходят теперь к нему те слова укора, которыми обличал юродивый одного из великих людей: «Умная голова! Разумей Божьи дела: Бог долго ждет, да и больно бьет».

Ужас, негодование, изумление – вот какие чувства вызывает поведение Германии и германского войска в эти еще немногие дни начавшейся брани. Обстрел и разрушение беззащитных городов, расстрелы неповинных мирных жителей, издевательства над беззащитными, над женщинами и детьми, грабежи и насилие, добивание раненых, чудовищные обманы, ограбление городов и частных лиц, убийства грудных детей, оскорбления неожиданно очутившихся в Германии русских путешественников, нарушение всяких прав неприкосновенности соседних слабых держав, грубость, задор, злорадство, зложелательство, бе-

шенная злоба на всех и вся – вот чем в короткое время успел заявить и проявить себя новый Вавилон и новый Навуходоносор. И все это исходит из того добровольного безумия страшной гордыни, которою охвачен вождь Германии; гордыня и дает плод по роду своему. Остается еще: заставить кланяться себе, как идолу и божеству; и это, оказывается, уже есть – в напеве автомобиля, на котором ездит вождь Германии... Для такой гордыни – ничто расстрел десятков тысяч человек; она хочет господствовать страхом, она действует только внешне принудительною силой, она готова весь мир залить кровью.

И вот, в утешение нам, слышится святое слово на Навуходоносора, и верим, – оно пророческое и теперь, по отношению и к новому Навуходоносору: «Так глаголет Господь на царя Вавилонска: «Ты глагола еси в сердце своем, – на небо взыду, выше звезд небесных поставлю престол мой, сяду на горах, сущих к северу, и буду подобен Вышнему. Ныне же во ад снидеши и в преисподнюю земли. Видящие тебя всматриваются в тебя, размышляют о тебе: тот ли это человек, который колебал землю, потрясал царства, вселенную сделал пустынею, разрушал города ее и пленников своих не отпускал домой?» И вот не судьба ли нового Навуходоносора преднаписанная? *«Все цари народов, все лежат с честью, каждый в своей усыпальнице, а ты повержен вне гробницы твоей, как презренная ветвь, как одежда убитых, сраженных мечем, которых опускают в каменные рвы, – ты, как попираемый труп, не соединишься с ними в могиле: ибо ты разорил землю свою, убил народ твой, – во веки не помянется племя злодеев»...* (Ис. 14, 4, 13–20).

А вот судьба и нечестивого воинства, предающегося ныне злодействам и насилиям, – и здесь научение и утешение нам в

настоящую годину брани: «Господь возьмет всеоружие – ревность Свою, и тварь вооружит к отмщению врагам; облечется в броню – в правду, и возложит на Себя шлем – нелицеприятный суд; возьмет непобедимый щит – святость, строгий гнев Он изощрит, как меч, и мир ополчится с Ним против безумцев. Понесутся меткие стрелы молний, и из облаков, как из туго натянутого лука, полетят в цель, и как из каменнометного орудия, с яростью посыплется град; *вознегодует на них вода морская, и реки потопят их свирепо*; восстанет против них дух силы и, как вихрь, развеет их. Так беззаконие опустошит всю землю, и злодеяние ниспровергнет престолы сильных. Господь всех – не убоится лица, и не устрашится величия, *ибо Он сотворил и малого, и великого, и одинаково промышляет о всех*» (Прем. 5, 17–24; 6, 7).

Так Бог гордым противится, смиренным же дает благодать [Иак. 4, 6]. Так, повторяем, преднаписана судьба нового Навуходносора, – и да утешится и умирится сердце наше, братия. Если Господь за нас – кто против нас?..

Пребудем же в вере и смирении, пребудем в мире и покое, пребудем в общении со святыми. Ты же, преблаженне Василие, моли Христа Бога, да избавит нас от варварского пленения и междоусобные брани и мир мирови подаст, и душам нашим велию милость! Аминь.

ДУХОВНОЕ ПРЕОБРАЖЕНИЕ РОДИНЫ¹

В тайне Креста и Голгофы рассматривает святая Церковь Преображение нашего Господа и Спасителя. В свете Его искупительного страдания и подвига она его изъясняет. «На горе преобразился еси, и якоже вмещаху ученицы Твои, славу Твою, Христе Боже, видеша: *да егда Тя узрят распинаема, страдание убо уразумеют вольное*»... Так в церковном песнопении праздника указывается и определяется намерение Промысла Божия в Преображении Христовом по отношению к апостолам. Не о том ли говорит и Евангелие? Явились к Преобразившемуся в славе на горе Фаворской Моисей, законодатель веры, приявший на Синае откровение Господа, и Илия, ревнитель закона и веры, и беседовали со Христом – о чем? *О исходе Его*, который Ему надлежало совершить во Иерусалиме! (Лк. 9, 31).

Итак, трудно людям без указания Божия уразуметь цели и значение страдания, попускаемого Промыслом, и люди самые вдумчивые, самые достойные всегда стояли пред этим вопросом со взором, полным недоумения. Было явление Бога, голос Его и к страдающему Иову, и друзьям его в Ветхом Завете, то есть и тогда только указание свыше дало разумение тайны страдания: «Блажен человек, его же обличи Господь, и наказания (вразумления) Вседержителя не отвращайся» (Иов. 5, 17). Преображение Господне изъясняет ту же тайну и в Новом Завете, и апостолы приняли, уразумели ее, и мирови проповедали во Христе Отчее Сияние.

¹ В праздник Преображения Господня, 6 августа 1914 г.

И донныне, и до века никакой сотворенный ум не разрешит тайны страдания и не примирит его вопля, его кричащих противоречий с голосом и желаниями человеческого сердца. Только христианство указывает его пути, его исходы, его воспитательное значение, и во Христе проповедует и утверждает Крест и вместе Воскресение, уничтожение и вместе славу в одном неразрывном целом. Только христианство в Преображении и славе Преобразившегося, явленной незадолго пред Крестом, указывает, что надобно уметь прозирать сквозь страдания к великому будущему, не стоять пред ним в тупом отчаянии, или злобе, или в одном подавляющем сознании своего бессилия. Только христианство в славе Преобразившегося, однако сознательно Грядущего на вольную страсть указывает, что есть и могут быть высшие цели и благодетельные пути Промысла в страданиях человеческих.

«Образ Я дал вам» [Ин. 13, 15], да последуете стопам Моим, – так говорит Сам Спаситель на Тайной вечери пред Своими Гефсиманскими и Голгофскими муками; и пусть этот образ ныне ярко заблестит пред нами. И прежде всего, конечно, да озарит он нас своим светом в нашей личной жизни. Страдание всякое, перенесенное нами во имя Бога, осознанное в его воспитательных целях и значении, даст нам духовное преображение, даст обновление жизни, приведет к воскресению, то есть к жизни неумирающей.

Но в эти тревожные дни, нами переживаемые, все личное меркнет пред вопросами общего блага. Пред нами Родина, родной народ, православная Церковь – стоят пред великим будущим, стоят в напряжении подвига, в напряжении всех духовных и физических сил. И стоят не только в переживаемых страда-

ниях брани вынужденной, но в страданиях, столь еще недавно пережитых. Найдем ли мы в себе силу и возможность к духовному преображению и обновлению? Дозрели ли мы до мирового значения? Уразумели ли мы смысл своей истории, пережитых и переживаемых скорбей? Видим ли мы впереди свет жизни и воскресения? Несем ли мы преображение для других страдающих народов, для славянского мира, и принесем ли мы ему пасхальную весть – благовест русского колокола о жизни и воскресении?

Миновали и пережиты ужасы безрадостной японской войны. Великий наш народ, униженный неудачей, был оскорблен тогда в своей народной душе. И если часть его, может быть, и более образованная, нервничала, растерялась, изливая свою растерянность в криках, воплях, жалобах, мстительности и злобе по отношению к правительству, то народ весь, как воспитанный в духе смирения, осмысленного терпения и покорности судьбам Провидения, все перенес молчаливо. Было полно глубокого смысла его молчание, зрела и приликала к нему сила, грозно она нарастала в нем, и теперь, верим, он стоит пред победою в борьбе, безмерно высшей по ее духовному значению, чем борьба с Японией, мало понятая в свое время в ее духовном значении, да и мало, надо признаться, объясненная. Думалось ведь, что там была борьба христианства и язычества, культуры духа с культурой материальной. Так и должно было смотреть на нее. Увы, внимание и правительства, и общества было приковано к такому вопросу, как преобладание на Тихом океане, с сопутствующими и связанными с ним другими такого же рода вопросами (постройка Китайской дороги, аренда Ляодуна, полоса отчуждения, лесные концессии)... Война, таким образом,

в замысле самих руководителей народа лишилась характера идейности – единственной силы, на которую отзывается христианское сердце русского народа. И вели ее в каком-то безумном и безудержном размахе легкомысленной удали – с пьянством, песнями, с задорными надеждами, и оказались не только без подготовки к ней, но и без порыва духа... О христианстве и язычестве забыли, и материальным хищным замыслам Японии, забыв о духовных ценностях, противопоставили такие же наши и тоже материальные вожделения. Забыто было слово: «Ищите прежде всего Царства Божия и правды его, и сия вся приложатся вам» [Мф. 6, 33].

Но вот чрез десятилетие пришлось использовать опыт горький, уроки неудач в новой брани за мир всего мира, за свободу славянства, за воскресение задавленных племен. И не только использовать опыт со стороны внешней техники и приемов войны – что видно сразу для всякого по первым дням ее – но, что главнее, и со стороны ее духовного содержания. Оно, это духовное содержание войны, духовная ее ценность сразу теперь видна народной совести, и оттого – такой теперь порыв единоплеменности, такое воодушевление, такое грозное спокойствие народа, решившегося на все жертвы, на все лишения, лишь бы исполнить возложенный Промыслом наш мировой подвиг до конца.

Миновали и отшумели дни внутренней революции в России после неудачной войны. Как порыв первой мстительности, она охватила те же классы общества, которые не усвоили себе православно-христианского мировоззрения и подменили его в сущности языческим культом силы и насилия, требований и прав, взятым с Запада от тех же немцев, которых считали образцом

культуры и человеколюбия и которые теперь воочию показали, какова их культура в действительности.

По местам и народные массы временно поддались соблазну, примкнули к революции. Но вековое христианское воспитание восторжествовало.

Как ни много было ошибок в неудачной войне, как ни много было ошибок в действиях правителей, как ни много было несправедливости в общественной жизни: все-таки грязной одежды не сделать чистою, если мыть ее в грязной воде, и народ увидел, что за ниспровержением власти стоит впереди безвластие, разброд, падение всякого духовного и нравственного порядка жизни, одичание, позор, отказ от народного существования и исполнения народом высших целей своего существования. И этот горький опыт внутренних беспорядков не сделал ли то, что мы истосковались по единению, по этому спокойствию, по общему единомыслию душ и сердец – и уроки прошлого так блистательно применили в этом необычайном единении, которое теперь, вопреки ожиданиям наших врагов, царит в России?

Не Промысл ли Божий воспитывал нас в это минувшее десятилетие, подготавливая нас к теперешнему подвигу? Не Промысл ли Божий за последние годы поставил пред нами великие юбилейные воспоминания – освобождения от смутного времени, избрания на царство Дома Романовых, мученической смерти патриарха Ермогена, его прославления во святых, воспоминание Отечественной войны, освобождения крестьян и великой освободительной деятельности царствования Императора Александра Второго? Все это постепенно как бы накапливало в нас запасы воодушевления, осмысленного патриотизма, народного исторического самосознания.

Мы не ищем теперь захватов, как плодов войны; мы теперь – едино с Царем и правительством: разве это не благое действие Промысла? Что если бы тот духовный развал, который мы пережили пред русско-японской войной, постиг бы нас теперь пред неизмеримо более опасным для самой жизни России и славянского мира столкновением с врагами, – теперь, пред войной с объединенным германизмом?

Последнее – самое важное соображение. Вечные и неизживаемые идеалы дает только религия, и именно религия христианская. Начала мира и любви, без которых немислимы и бессмысленны те идеалы братства, свободы, равенства, к которым так тянется человек, начала самоотречения и подвига, без которых – только путем права и насилия – невозможно осуществить жизнь любви и мира, и которые понятны только ради высших целей, – впервые и раз навсегда даны в Евангелии, идеал которого так высок, что его нельзя перерастить и изжить во веки. Горе веку, горе народу, горе человеку, если эти начала или забываются, или получают другую основу, вне веры христианской, обмирщаются и даже стремятся пойти против своего вековечного источника – христианской веры.

Но именно этот источник самых возвышенных чувств, намерений, стремлений – эту жизнь самой жизни не видели ли мы очень долго в поругании или хотя бы в забвении? Судьба православной Церкви, этого тысячелетнего воспитателя нашего народа, разве нас занимала? Не было ли желания вычеркнуть ее из обихода жизни, или, по крайней мере, поставить ее наряду, несколько не выше, и даже гораздо ниже всяких других сил и учреждений чисто человеческих, или даже религий самоизмышленных?

И вот теперь, в годину переживаемых тревог, пред великим будущим, мы уразумели, как дорога нам святая вера, этот неисчерпаемый родник самого чистого воодушевления; как дорога нам Православная Церковь, которая вдруг стала для нас тою объединяющею силой, тем знаменем исторического бытия нашего, тем высшим разумом, который осмысливает и брань, как путь для мира, и мир, как вожделенное благо народов, и свободу славянства, и порыв любви к Родине, и верность Царю и правительству, и мировой подвиг народа, и жизнь и смерть тех героев, которые в кровавом подвиге теперь хранят на полях брани цельность и неприкосновенность нашей жизни, нашего Отечества.

Да, чувствуется близость духовного преображения нашей Родины! Сознаются прежние ошибки и власти и народа, и пастырей и паствы – и чувствуется, что все это надобно предать забвению, чтобы вперед к новой жизни устремиться, отдаваясь почести высшего звания нашего народа во Христе Иисусе, – во свете и осуществлении христианских идеалов жизни *христианского общества и христианского государства*.

Да воссияет же нам, в осенении Церкви Православной, свет Христов присносущный! Да приблизится к нам в предстоящем мировом нашем подвиге источник нашего духовного обновления и преображения, да изречет Святая Русь новое слово мира всему миру, и сквозь крест прошлых и настоящих подвигов и испытаний да воссияет воскресение народов славянских, воскресение поправленных прав правды, мира и любви, завещанных человечеству Тем, Кто ныне стоит пред нами, – «на горе Фаворстей Преобразивыйся во славе пред святыми Своими ученики и апостолы!» Аминь.

О БЕССМЕРТИИ¹

ПАМЯТИ УБИЕННЫХ НА БРАНИ...

Святая вера христианская учит чад своих истинам небесной мудрости, главным образом, не словами и рассуждениями, а делами и событиями – *фактами* самого глубокого внутреннего значения. Жизнь Спасителя, Богоматери и святых Божиих полна такими именно уроками, и оттого-то, несомненно, таинственные истины веры, высочайшие веления христианской нравственности, несмотря на полную отрешенность их от естественного и врожденного человеку греха и себялюбия, становятся как бы понятными и близкими не отдельным только и избранным лицам, а целым народным массам, и притом глубоко проникают в их жизнь и миропонимание.

Что возвышеннее учения о бессмертии, о котором так много вразумительно проповедует событие *Успения* Богоматери, «и по смерти живой», как говорит песнь церковная?!

Какие великие умы древности осмеливались едва только подойти к этому учению! Сколько написано о нем и оставлено миру ученых и глубоких рассуждений! Сколько заблуждений и бесплодных исканий переиспытал человеческий разум, оставшийся вне Откровения и Божественного руководства, сколько тревог и мук переиспытало человеческое сердце в разрешении рокового вопроса: что там, за этою земною нашею жизнью и есть ли жизнь по ту сторону могилы и гроба? Древний Восток отвечал на это уверениями, что жизнь нашего

сознания погасает со смертью тела и будущее человека есть лишь вечный покой и беспробудный сон. И вот, под влиянием этого учения, весь Восток, с его некогда живыми и способнейшими народами, погрузился и здесь, на земле, в беспробудный сон и погиб для мировой жизни и деятельности, как это мы и видим на примере далекой Индии. Язычество греков и римлян ответило на роковой вопрос уверениями, что, при всей несомненности загробной жизни, она будет жалкою и ничтожною, так что лучше в земной жизни быть свинопасом, чем в загробной царем над умершими: это представление выродилось в обожание земной жизни и произвело такой разлив чувственности, пороков и порочных удовольствий, что погубило исповедников такого учения. Отвечало на тот же вопрос о бессмертии и мусульманство и перенесло на небо все пороки земли; оно привело народы мусульманские к современному их жалкому состоянию, которое можно назвать постепенным издыханием.

Вы видите, братия, что от решения вопроса о жизни будущей зависит облик и жизни настоящей, и в зависимости от того, как мы представляем Небо, разрешается вопрос, как мы устраиваем и землю.

Как же ответило и отвечает на роковой вопрос о бессмертии христианство?

Оно не рассуждало, как древние философы; его проповедники не писали об этом пространных «разговоров» и ученых рассуждений. Оно ответило на великий и важнейший для всякого человека вопрос фактами, самыми верными и действительными, неопровержимыми фактами, засвидетельствованными и подтвержденными словами многочисленных их очевидцев:

¹ В праздник Успения Богоматери, 15 августа 1914 г.

Воскресением Господа Иисуса и Успением Богородицы, которое ныне Церковь наша торжественно прославляет.

Как бы так говорит нам наша святая вера: «Что рассуждать о бессмертии? Вот оно пред вами в живых и глубокоубедительных образах и событиях». И, конечно, так же непосредственно должно воспринять эту истину и христианское чувство и поставить ее руководством и опорой всей жизни. Пусть ученое благочестие доказывает ее всеми соображениями разума: это дело почтенное и должно вызывать благодарность верующего сердца, но оно не заменит того, что служит основой для самой учености в данном вопросе, и без чего рухнули бы все самые красноречивые убеждения: разумею прирожденную человеку уверенность в бессмертии, непоколебимую и ничем неистребимую. Мы знаем, что если в мире не погибнет ничтожная пылинка и где-нибудь осядет на земле; если не исчезнет миллионная часть капли воды или росинки и где-либо во вселенной будет существовать в виде пара или опять жидкости, то тем более не может погибнуть и исчезнуть однажды возникшая мысль, однажды возникшее чувство, однажды возникшая духовная жизнь. Не будем здесь приводить текст Священного Писания. Возьмите сами Евангелие и весь Новый Завет; читайте внимательно и скажите: есть ли там хоть одна страница – нет, найдется ли хоть одна строка, написанная без предположения о загробной жизни христианина? И довольно здесь сказать только слово Христово, освящающее весь вопрос: *Бог не есть Бог мертвых, но живых* (Лк. 20, 38). И довольно припомнить, что Сам Спаситель называл Себя всегда *жизнью*, и жизнь, вечную жизнь Он обетовал Своим последователям. Да, слово «жизнь» почти всегда в Евангелии разумеется как *вечная жизнь*, и всегда в одном и том же

смысле: это – блаженство, назначенное нам от Бога, состояние, ради которого мы и вызваны из ничтожества. Так Бог сотворил нас для бытия, и притом для бытия вечного и блаженного.

Богу угодно, чтобы мы существовали; Он дал нам жизнь не для того, чтобы прекратить ее. Но в каком состоянии должны мы существовать и какова должна быть данная нам жизнь?

Благодарение Богу: Он открыл нам и Свои планы, и Свою волю. Этот план указан нам в том, что Бог сотворил нас по *Своему образу*, который есть образ чистоты, святости и совершенства; эта воля ясно выражена в словах апостола: *Воля Божия о вас есть святость ваша* (1 Сол. 4, 3).

Итак, вечная жизнь есть *святая жизнь*. Над дверьми Царства Небесного и вечного положено надписание, какое мы и читаем в Откровении Иоанна Богослова: *Ничто нечистое и скверное не войдет сюда* (21, 27).

В этом именно, братия, и состоит главное поучение в нынешний праздник, так ясно и внятно в Успении Богородицы говорящий и проповедующий нам о вечной жизни.

Вечно только святое и то, что может быть в нас освящено, – все наше существо, созданное Творцом, или, выражаясь словами апостола, *и дух, и душа, и тело* (1 Сол. 5, 23); это – разум, воля, чистые привязанности, чистые радости, – все, чем живет и волнуется наша душа; это – вытекающие из душевных движений наши дела в их бесконечном разнообразии; это, наконец, – и самое тело наше, которое также войдет в жизнь вечную, но очищенное, преображенное и нетленное. Только грех не войдет в Царство вечности, ибо грех есть уклонение от истинной жизни духа и тела, а не самая жизнь; поэтому все, что в жизни духа и тела заражено грехом и злом, недостойно этого Царства; и если

человек всего себя отдал греху и весь им проникся, то, само собою, не по внешнему велению или наказанию, но по внутреннему закону нравственному, еще более непреложному, чем законы физические, он сам удаляет себя от вечной жизни; он не может быть соединен с Царством Божиим, как не соединяются свет и тьма, огонь и снег, восток и запад.

Но если все, способное быть освященным, принадлежит вечности, то и вечность некоторым образом начинается еще здесь, на земле. Все высокое, чистое и благое, все, что угодно Богу, угодно Ему всегда и везде, и вовеки.

Будем же, братия, ходить в постоянной мысли о вечности и жить в постоянном ее предощущении и даже в общении иного, ожидающего нас Горнего мира. Будем вечностью измерять и оценивать и избирать все временное, и Небесным освящать и осмысливать все земное. *Горе имеим сердца* – и тогда, как изменится весь облик жизни! Станут ли привлекать нечистые радости, когда мы знаем, что они гибнущие и отверженные?

Станут ли убедительны и действенны другие побуждения, кроме требований долга и христианского закона, когда мы знаем, что все, нарушающее долг и закон, недостойно вечности и нас от нее удаляет?

Вечная жизнь предстанет тогда пред нами во всей обаятельной красе и сделает прекрасною и жизнь временную, земную. Ею подвинется слабый сын земли на всякое добро, и ею он утешится пред всякою скорбью; больному она укажет покой вечности; умирающему откроет жизнь вместо смерти; духу, возмущенному при виде зла, греха, порока, несправедливости, царствующих в мире, она обещает *новое небо и новую землю, где будет жить вечная правда* (2 Петр. 3, 13); и всякому страданию

она укажет страну радостей нескончаемых; и всякому сомнению она обещает вечную и непоколебимую истину; и всякой жажде, и всякой тоске души она укажет источник услады, успокоения и полного удовлетворения в Боге, Который в Царстве вечности будет нашим Солнцем, Покровом, Источником разума, блаженства и полноты духовной жизни. *То, что око не видело и ухо не слышало и на сердце человеку не восходило*, – все это уготовал Бог любящим Его (1 Кор. 2, 9).

О вас теперь неотвязная дума и о вас тревога любви, наши дорогие воины, кровью и жизнью защищающие теперь наш покой, нашу безопасность, нашу честь и достояние! Быть может, в настоящие минуты, когда мы в этом множестве, одетые празднично, спокойные предстоим алтарю, когда там, за стенами храма, шумно течет жизнь беззаботности и веселья, порою кощунственного в эти дни, вы, наши защитники, сотнями и тысячами переходите в страну вечности и, бесстрашные, смотрите в глаза смерти! Знаем, что уже многие-многие отдали жизнь за Родину, за ее великое будущее... О, пусть приосенит вас Небо вечности – всех вас, безвестные мученики, исполняющие заповедь любви: *ибо больше сея любви никтоже имеет, да кто душу свою положит за други своя* (Ин. 15, 13), ибо после веры и ее законов, после Церкви и ее заповедей – Отечество, возлюбленное наше Отечество, святая наша Родина, вот что должно внушать нам самые чистые привязанности, самую горячую и самоотверженную любовь, а честь Родины, ее слава, безопасность и процветание стоят всех усилий наших и всех и всяких жертв! Страна вечности да примет в свои кровы тех, кому судил Господь в брани отдать жизнь за Отечество: святые предстатели за землю русскую, бесчисленное множество отшедших ранее в

жизнь вечную сынов нашей Родины, ее святые мученики, подвижники, преподобные, ее герои, защитники, страдальцы, труженики пусть встретят их молитвою, и радостью Небесною да вознаградят их за труды, жертвы и мученическую смерть. Теперь все они нам дороги, особенно близки; пусть будет для нас особо близкою и жизнь вечная, которою они живут. Может быть, потому Господь и поставил теперь эту жизнь так близко у нашего сознания и потому так страшно и вразумительно в грозных знамениях брани напомнил о ней, что в годы покоя и безопасности мы слишком о ней забыли и от нее отдалялись. Подъемом веры, горячностью покаяния, напряжением благочестия, верностью Евангелию, преданностью Церкви, любовью к Отечеству и верностью ему в мысли, слове и деле – вот чем станем мы достойны тех мучеников-воинов, что умирают ныне за нас, и приблизимся к той вечной жизни и вечной нашей Небесной Родине, которая для них и для нас должна быть так же единою, общею и святою, как едина и обща для нас наша Родина земная! Аминь.

КРЕСТОВЫЙ ПОХОД¹

Нет в нашем Отечестве иного такого места, столь обильного великими и ободряющими дух наш воспоминаниями, как первопрестольная Москва. Здесь вековые исторические народные святыни, и все они переносят наш дух к тем временам, когда великим напряжением всех сил духовных, молитвою, слезами и трудом строилась наша земля, когда земному подвигу и деланию наших предков отвечало самое Небо, когда грешным сынам земной Родины помогали Небесные Силы.

Можно, конечно, умереть для таких воспоминаний, то есть сделаться к ним равнодушным, и это, к сожалению, наблюдается у тех, кто или замкнулся в горделивом неверии, потерявши духовную чувствительность ко всему, что не выходит за пределы рассудка, или же так ушел весь в землю, в грубые интересы и запросы плоти, обмирщился и оземленился, – что, как крот, вечно роющийся в земле и не видящий солнца, потерял духовное зрение. К счастью, однако, таких людей немного; говорим: к счастью, ибо умножение таких людей есть свидетельство духовного ослабления и признак близкой духовной гибели народа. Но и для этих немногих Господь посылает времена и обстоятельства жизни, которые как бы необычайными ударами поднимают их от сна и бесчувственности и заставляют поднять очи к забытому Небу, – заставляют вдруг вдуматься в смысл совершающихся исторических явлений и проникнуть в их сокровенный внутренний смысл, не ограничиваясь одною внешностью.

¹ Слово в Донском монастыре в день празднования Донской иконе Пресвятой Богородицы, 19 августа 1914 г.

Тогда становятся очевидными великие пути Божественного Промысла; тогда становится ясно, что жизнь людей не есть случайное сцепление бессмысленных и самих по себе ничего не говорящих событий, а представляет великое и стройное развитие какого-то, выше нас лежащего непререкаемого мирового плана истории, мирового движения народов.

Таково и переживаемое нами время. Таково значение тех святынь, которые составляют драгоценнейшее достояние нашего древлецарственного православного града. Таково поучение и нынешнего праздника в этой древнейшей святой обители в честь великой и древней святыни – Донской иконы Пресвятой Богородицы.

На поле Куликовом была она знаменем, водруженным на высоком древке, – знаменем для нашего воинства, тогда решавшего в смертном бою судьбы жизни и смерти юной России. Бог судил ей жизнь. И эта жизнь была на заре и в зачатии повита знаменем небесной помощи Пресвятой Богородицы. Высоко над рядами воинства поднималась святая икона, как бы во образ и во свидетельство того, что народ наш водился не земными расчетами, не желаниями только земного устройства, не животными и низменными видами, а возвышенными, над всею жизнью господствующими религиозными стремлениями и задачами. Мамай представлял собою мусульманский мир, и притом в ранний, самый грозный период фанатической ненависти мусульманства к христианству: Куликовская битва была всего чрез 70 лет после принятия ислама татарскими ханами. Ровно чрез двести лет после того, при набожнейшем и кротком царе Феодоре Иоанновиче, снова икона Богоматери Донская явила чудное заступление русскому народу и воинству во дни нашествия на

Москву Крымского хана Казы-Гирея. По благочестивому желанию царя, святая икона была обнесена с другими святынями вокруг Москвы, а на ночь поставлена в походной церкви царя, – как раз на месте этого святого храма, в котором мы сейчас стоим в молитве... Всю ночь провел пред нею в молитве благочестивый царь. Наступил страшный день битвы; татары со всею силою устремились на столицу. Уже победа видимо склонялась на сторону татар, значительно превосходивших в числе русское войско, но вдруг случилось что-то непонятное: уstraшенные невидимою силою враги обратились в бегство, оставив в русских руках своих и убитых, и раненых, оставив много пленных и весь свой воинский стан...

Обратимся теперь к текущим событиям нашего времени.

Не под стенами Москвы идет теперь брань, но брань эта страшная, кровопролитная! Горделиво хвастался новый Мамай, германский император Вильгельм, и обещал своим войскам всего чрез три недели после объявления войны, то есть как раз теперь, в переживаемые дни, дать им торжество и угощение в Москве. На деле оказалось: мы здесь молимся, принося в смиренном сердце благодарения Богу за дарованные нашему воинству победы, а в столицах Австрии и Германии видим смятение и ужас пред русским оружием.

История повторяется. Тогда, пятьсот лет и триста лет назад, мусульманский мир шел против христианства, и русскому народу, после падения Константинополя, пришлось только одному из всех православных народностей принять на свою грудь удары озлобленного ислама и отстоять от разрушительного потока мусульманских полчищ христианскую Европу. Ныне немецкий насильник, забыв уроки прошлого,

поднял меч против России, которой и Германия, и вся Европа обязана спасением. Правда, он исповедует христианство, но христианство давно искаженное глумлением безумного в гордыне Лютера, смешанное с заблуждениями лжеименного человеческого разума. От плодов их познаете их, – говорит Христос Господь во Святом Евангелии. И мы познаем немецкое христианство в тех ужасах насилий, жестокостей, обмана, предательства, лжи, наглости и бессовестности, которыми сопровождается путь немецких полчищ. Даже языческая Япония с отвращением отвернулась от Германии, сыны которой обучали ее войско. И где же находят себе сочувствие и, может быть, даже скоро и помощь, и содействие немцы? Только у турок – мусульман! Вот с кем они союзники, вот с кем они побратались, вот с кем они единомышленны и спаяны воедино, как спаяны хищничеством и зверством между собою участники разбойничьей шайки. Да, там, в этих разбойничьих бандах, есть своего рода и верность, и дисциплина, и настойчивость, и решимость...

И это обстоятельство сразу восполняет смысл современных событий: участие прямое или косвенное мусульман в действиях и замыслах Вильгельма сразу вскрывает пред нами значение его безумного по гордыне вызова русскому народу и славянскому миру. Это действие сатаны, враждующего против христианства, и притом христианства истинного, православного, древле-апостольского, древле-отеческого, неискаженного и неповрежденного гордынею и суемудрием человеческого разума, взимающегося на разум Божий, – христианства, страшного для сатаны и его служителей. Отныне брань против насильника является не только подвигом для спасения и свободы славянства,

просвещения, культуры, мира Европы и вселенной – она приобретает священное значение, как защита Креста Христова от соединившихся вместе врагов Его.

Верим, – что, как и встарь, сила Божия совершится и в нашей так называемой человеческой силе, то есть в мужестве и искусстве наших воинов, – и в нашем бессилии: по нашему смиренному упованию, не нам, не нам, а имени Господнему подобает всякая слава, честь и поклонение, и Ему Единому мы славу воссылаем; война, которая ведется не во имя Бога, даже и победоносная, – знаем и твердо в том убеждены, – никогда не будет плодотворна.

Верим, – что, как и встарь, сильна будет молитва наша пред нашими заветными всенародными святынями, и восстанет в помощь нам Господь Правды, восстанет со Своим ходатайством и всемогущим заступлением Пресвятая Богородица, и святые угодники, печальники и молитвенники за землю русскую.

И здесь опять, как и в исповедании Христовой веры, между немцами-еретиками и православными христианами какая разница!

Царь Феодор Иоаннович в смиренной мольбе пред чудотворною иконой Богоматери в слезах всю ночь молит Бога о заступлении русского православного царства в войне, ему навязанной.

Царь немецкий, горделиво сидя на коне и величаясь пред своим войском, первый и по своему почину нанося нам жестокую войну, на днях с кощунственной наглостью «молит старого немецкого Бога» и уверен, что «Бог ему даст добраться до шкуры его врагов»... «Волчья молитва», – метко замечает газета, сообщившая это известие. Да, воистину звериный образ и

звериный дух в этом новом Мамае, в этом друге издыхающего мусульманского турецкого трупа!

Но знаем, Мамай в свое время в виду этой святой Донской иконы Богоматери воскликнул: «Велик Бог земли русской!» Да ниспадет же и ныне превознесенная гордыня немецкая и да познает величие Бога нашего, Бога воинств, благословляющего правое оружие, поднятое не для нападения, а для защиты против всесветного насильника и обидчика!..

Позвольте, братья, одно сказать заключительное слово. Над нашими думами, в виду этой святыни, витают и восстают воспоминания великой Куликовской битвы. Она принесла нам победу после долгих лет поражений от татар, принесла луч радостной надежды на избавление от их ига.

Но много, много русских людей полегло тогда костьми на поле брани. И ныне Бог даст нам победу, если мы пребудем в этом трезвом, молитвенном настроении, которым теперь охвачен русский народ; и ныне Бог даст нам и славянам свободу от векового немецкого ига. Но не будем скрывать: много нас ожидает еще впереди сражений, много испытаний, – и кровопролитна будет эта война! Убиенным воинам вечный покой и слава у Бога и у людей, – и да причтутся они к вечной памяти достойным героям Куликовской битвы, и Казанского взятия, и защиты святой Лавры Сергиевой, и Бородинского боя.

Но есть живые страдальцы и мученики: это наши родные, милые, бесконечно нам дорогие братья, – раненые и больные воины. Раскроем сердца наши для участия к ним, откроем щедрую руку для помощи им! Пастыри города Москвы ныне объединились в работе для святого дела помощи раненым. От их великого и священного сонма я обращаюсь к вам, возлюблен-

ные, в этом молитвенном торжественном собрании нашем: помогите нам свершить во благо святое дело помощи нашим воинам-страдальцам и успокоить их здесь, в первопрестольной Москве, после ужасов нынешних смертных и кровопролитных сражений, после их трудов и подвигов, подъятых ради нас, чтоб отстоять и защитить нашу Веру, нашу Родину, наш покой и безопасность!

Нет больше любви, как кто душу свою положит за други своя, – говорит Спаситель [ср. Ин. 15, 13]. Но мы можем приобщиться к такой любви и подвигу, – приобщиться тем, что поможем потрудившимся и пострадавшим в этом подвиге нашим воинам.

Пресвятая Богородица да воздаст жертвователям Своим Небесным покровом и заступлением! Аминь¹.

¹ После проповеди собрано было в храме 76 р. 81 к.

ЗНАЧЕНИЕ БОГОДАННОЙ ПОБЕДЫ¹

Сегодня Святая Церковь празднует память апостола Фаддея, проповедавшего Евангелие Господа Иисуса Христа на далеком Востоке, в городе Эдессе; там он крестил царя Авгаря, которому Спаситель послал Свой Нерукотворенный Образ. Великое дело совершено было апостолом: из Эдессы Святая Церковь распространилась до пределов Китая, имела митрополии в теперешнем нашем Туркестане и в Закавказье.

Завтра празднуем в честь святой и чудотворной иконы *Грузинской*, пребывающей в этом святом храме: ради ее праздника и собрались мы сегодня во множестве пред древнею чтимую святынею, принесенною в Россию около трехсот лет тому назад. Она своим именованьем напоминает нам о православной Грузии, тоже имевшей связь с Церквами Апостольскими, насажденными на Востоке.

Где же потом девались эти великие Церкви? Отчего они прекратили свой рост? Отчего многие из них лежат или в развалинах, или в расслаблении?

Они сметены были разрушительным потоком мусульманского нашествия. Сначала арабы, потом турки в течение долгих веков боролись, как и доньше борются, с Крестом Господа Иисуса. Долго отстаивалась против них православная Византия, колыбель Крещения и христианского просвещения русского народа, – и пала, вместе с падением Константинополя, около пятисот лет тому назад. Долго боролась против мусульманства

и православная Грузия, пока не подпала под двойную власть мусульман: турок и персов; в Персию и была увезена, как бы в плен, та святая икона, пред которою мы ныне молимся; ее там потом и выкупил простой русский человек, один ярославец, бывший в Персии по торговым делам.

Осталась из всех православных царств и народностей одна Россия на страже Православия. Долго и она страдала в борьбе с мусульманами монголами, потом с немцами, с поляками католиками. Наконец, с избранием на престол Царствующего Дома Романовых, русский народ увидел себя в силах идти на поддержку и освобождение православного Востока. Нам удалось вырвать Грузию из рук Турции и Персии, ослабить оба эти, прежде страшные и сильные, мусульманские царства, создать самостоятельность Греции, Болгарии, Румынии, Сербии, Черногории. Все это потребовало много времени, много жертв. Нам не помогали никто в Европе, а мешали все, кто хотел, – а хотели, по преимуществу, немцы и все те, кто завидовал величию нашего царства.

У немцев же оставались в порабощении, под ярмом и рабством, и наши исконные православные страны: Галиция и Червонная Русь – с одной стороны, а с другой – часть сербов и православных славян, живущих в пределах южной Австрии. Немцы преследовали православных много веков, и недавно, в течение последнего года, мы были свидетелями беспримерного издевательства австрийцев над православными русскими, живущими в Галиции и Червонной Руси: православных священников там забирали в солдаты, бросали в тюрьмы, православных мирян судили в бессовестных судах; принятие православия австрийские власти признали и объявили политическим преступлением,

¹ Слово за всенощным бдением в церкви Грузинской Божией Матери в Москве, на Воронцовом поле, по случаю храмового праздника, 21 августа 1914 г.

караемым, как государственная измена. Насильно вводилась уния и утверждалось католичество, закрывались православно-русские газеты, православные общества – все православное осуждалось на смерть и истребление. Невыносимо тяжело было нам все это видеть, и мы дивились и недоумевали, что же смотрит русская власть?...

И вот теперь грянула война с насильниками и палачами православных – война с презренной Австрией, заклеившей себя в истории низостью, неблагодарностью, обманами и предательствами по отношению к России и славянам. Нынешнее утро принесло нам радостную весть о победе, о полном разгроме части австрийской армии и о близком занятии нашими войсками столицы Галиции, укрепленного города Львова. Отныне древний титул нашего Киевского митрополита: «Киевский и Галицкий» уже не пустой звук, а сама действительность. Отныне возрадуются кости смиренные святого Петра – митрополита, происходившего родом из Галиции – первого святителя Московского и Всероссийского, следовательно, и Галицкого. Отныне воспрянут радостью сердца угнетенных православных в Галиции и Червонной Руси, в этом древнем наследии святого князя Владимира Равноапостольного и князей русских-галицких: и к ним пришла, наконец, избавительница – Россия.

Радуйся, православный народ русский! Радуйтесь, сыны Церкви, ведающие ее судьбы прошлые, чающие ее великих судеб грядущих! Радуйся, не молчи, а глаголи, ликуй, веселися, мое сердце – так пусть теперь скажет себе каждый сын Церкви.

Но великая слава возлагает и великие обязанности. Будем достойны величия Церкви, к которой мы имеем счастье принад-

лежать. Будем достойны того звания русских и православных, которое мы имеем счастье носить.

Восходить будем в вере, в усердии, воодушевлении! Восходить будем в благочестии, в чистоте жизни, трезвости, труде, в честности, покаянии, богоугодной жизни, в служении ближним и общему благу! Восходить будем в сознании и понимании нашего долга пред Церковью и Россией! Станем добре, станем со страхом, вонмем – и в этом священном и важном настроении, в бодрости и трезвости духа, доведем до конца подвиг священной брани, будем готовы к ударам несчастий и к радостям – к твердости и воздержанию!

Бог нам прибежище и сила, и не постыдимся мы, уповающие на Него!

Весь свет преклонится теперь пред величием мужества и пред молчаливым подвигом русского воина. И немецкие газеты уже стали теперь признавать это. Но великий во брани всегда милосерд в мире. Тот, кто, подобно немцам, добывает раненых, перепиливая им горло, как это делала одна немецкая женщина, кто издевается над беззащитными: тот этим показывает только свою слабость. Русский человек – благодушный человек и по отношению к врагу, и особенно к врагу раненому. Вчера одна женщина сказала мне простое слово: «Надо поступать со всеми ранеными по-православному, а не по-немецки; пожалеть всякого солдата, особенно раненого».

Но в таком случае, как же не пожалеть прежде всего своих!

Пожалеет же, братия, наших родных, близких русских раненых, слава Богу, уцелевших от зверской расправы немцев. Их теперь, раненых наших воинов, будут десятки тысяч ежемесячно в Москве. Большая помощь нужна! Каждый день и час нам

надо себе напоминать о страдальцах. Лучше недоесть, недоспать, самим чего-либо лишиться, а им дать все необходимое: ведь они за нас приняли муки.

Пожертуйте же, возлюбленные, нашим милым братьям-мученикам на их излечение, на уход за ними и на помощь раненым, принесите, по моему пастырскому зову, ваши святые жертвы с тихою молитвою – да примет вашу жертву Господь, да благословит ее любвеобильная Пресвятая Богородица вместе с жертвами кровью и здоровьем, которые принесены нашими воинами. Больше сея любви никтоже иметь, да кто душу свою положит за други своя! [Ин. 15, 13].

ТАЙНА ЖИЗНИ И ПОБЕДЫ¹

Отчего так много святынь у русского народа, завещанных нам от минувших веков, от всей нашей истории? От глубокой религиозности русского народа!

Отчего такая глубокая религиозность у русского народа? От множества находящихся у него святынь!

Этот святой круг святых понятий невольно восстает в нашем сознании и в настоящий храмовый праздник в честь Грузинской иконы Божией Матери.

Как любили предки наши святыни христианские, церковные!

Грузинская икона пребывает в Грузии, врагами-мусульманами в XVII веке похищается и относится в Персию; здесь простой русский человек, Степан Лазарев, приказчик ярославского купца, в дни царя Михаила Феодоровича, покупает святыню; она потом пребывает и чтится народом в далекой Архангельской губернии, оттуда приходит в Москву, здесь с нее делают списки, и она становится чтимой святынею в нескольких церквах первопрестольной столицы... Какое огромное пространство обошла эта святыня! И какой широкий круг ее почитания! К ней горит усердием Всероссийская Императрица Анна Ивановна, богато украсившая икону, и простые миряне, украсившие ее и вещественными дарами, и еще более – слезами молитвы, умилением сердечным, славою полученных от святыни благодатных исцелений.

¹ Слово за литургией в храмовый праздник в церкви Грузинской иконы Богоматери на Воронцовом поле 23 августа 1914 г. по случаю победы над австрийцами под городом Львовом.

Почему так любили русские люди святых христианские, церковные?

Да потому, что дорожили общением земли и Неба, потому что любили Православие больше всего на свете, больше, чем что-либо земное, будь это даже Родина, государство, всякие земные блага или самая жизнь. Все это положило печать на весь уклад, на весь быт, на всю историю русского народа. Можно сказать, Святая Русь была всегда подобна той евангельской Марии, о которой мы сегодня слышали за богослужением и которая возлюбила то, что есть *едино на потребу*. Когда теперь мы слышим, что одни народы сражаются за свое мировое положение, за мировые рынки, другие – за Родину, иные – за честь и славу Отечества, иные же – за право, за принципы братства, равенства, свободы: то все это мало говорит сердцу православного человека. Припомните, как рассуждал некогда преподобный отец наш Сергей, великий воспитатель духа русского народа, когда «присоветовал» великому князю Димитрию брань с татарами пред Куликовским сражением. «Чего просит Мамай?» – спрашивал он князя, который стоял в страхе и нерешительности пред сражением, ибо война с татарами, в случае неудачного исхода, могла привести Россию к политической могиле. «Если золота, – отдай, если почета, – отдай, но если на веру покушается, то за веру Христову и Церковь Божию нам подобает кровь свою пролити и живот свой положить. Тогда иди, князь, без страха на безбожного Мамай!»

И здесь тайна русской истории и тайна непрерывного роста нашей русской государственности. Людям, слишком обмирщившимся и все меряющим на меру жесткого и холодного рассудка – если они ненавидят Россию, то кажется, что у нее в прошлом

одни тени и один мрак; считаешь такого историка, послушаешь, что все у нас, в России, только рабство, злоупотребления, невежество, беспорядки, несправедливости – и диву даешься, откуда же брались святые, откуда брались герои, откуда явились победы, откуда брались воодушевление и патриотизм, способность и решимость принести себя и все свое в жертву ради Отечества – и откуда, как, каким чудом жила, и не только жила, но росла, крепла и ширилась Россия?!

Если же эти горделивые умники не питают ненависти к России, то они придумают естественные причины ее существования и роста: помогала-де природа, устройство поверхности, помогало будто бы отсутствие сильных врагов, ибо кочевавшие на равнинах России и на ее окраинах инородцы не могли быть серьезными противниками России... Послушаешь, и тоже диву даешься, отчего же не половцы или печенеги, не финны, наконец, не монголы, пришедшие к нам в безмерном множестве и нас покорившие, – почему не они создали свою государственность на теперешней русской равнине, а именно русские? Диву даешься тому, почему поляки, турки, шведы, страшные для Европы, доходившие до всех столиц европейских, почему Карл XII и Наполеон вдруг оказались такими противниками, которых не стоит брать во внимание?

У слепых неверов глаз не видит духовной силы народа, и потому они так и путаются в безнадежных противоречиях. Людям же веры понятно, что именно этою-то верою жил и живет русский народ, и оттого он, подобно древней купине, горел и не сгорал, подобно золоту в горниле, очищался в страданиях, подобно юноше, укреплялся в труде, подобно сжатому хлебу, от тяжелой молотбы отделял чистое зерно от ненужной мякины...

И ныне русский народ – в великом напряжении бранного подвига, в войне с сильным, опасным противником. Что же спасет его?

Воинство? Но оно было, например, у древнего могучего Рима, однако, не спасло его от гибели в борьбе с варварами, плохо вооруженными и совсем не обученными.

Богатство? Деньги, относительно которых создалось при словье, что из трех вещей, необходимых для успешной войны, они нужны во-первых, во-вторых и в-третьих? Но золота было много-много у египтян, вавилонян и ассириян, однако, они именно чрез золото, пришедши к распущенности и расслаблению жизни, потеряли свое бытие.

Культура? Но Александр Великий силен был культурою и пронес ее до последних пределов земли, до нашего Мерва и Самарканда, до английской Индии. И что же? Читайте простые слова Священной нашей Библии об этом великом историческом муже: «После того, как Александр, сын Филиппа, македонянин, поразил Дария, царя персидского и мидийского, и воцарился прежде над Элладою, он произвел много войн, и овладел многими укрепленными местами, и убивал царей земли, и взял добычу от множества народов; *и умолкла земля пред ним, и он возвысился, и вознеслось сердце его.* Он собрал весьма сильное войско и господствовал над областями, и народами, и властителями, и они сделались его данниками».

Что же? Конец всем желаниям личным и государственным? Все получено, все достигнуто? Нет, все потеряно!

«После того он пал на ложе свое и познал, что... умирает!»

«Александр царствовал двенадцать лет и умер. И владычествовали слуги его, каждый на своем месте, и по смерти его

все они возложили на себя венцы и умножили зло на земле», и распалось, и погубило царство его! (1 Макк. 1, 1–5).

Нет, все эти плотские воинствования и условия воинствования полезны только тогда, когда есть бодрый и крепкий дух народа, когда он охвачен могучим воодушевлением. Да, нужно воодушевление, но какая же сила его даст?

Патриотизм? Но он сам по себе, без высшего освящения и смысла, является зоологическим, животным, ибо и зверь защищает свою берлогу; такого патриотизма теперь и у немцев не мало.

Расчет на земельные приобретения, на заморские колонии, мировые рынки? Но и в помыслах этого нет у нашего народа, и не было сего в других войнах, и нельзя этого привить нам, ибо тогда война даст воодушевление грабителя, а не воодушевление героя.

Свобода? Но мы не поработены чужеземцами.

Свобода, благо других народов? Но почему же мы, если только в нас живет один земной смысл, а не духовно-христианский, – почему и к чему нам тратить средства и умирать за других?

Всем этим соображениям, видимо, чего-то не хватает; что-то здесь забыто...

Нужна какая-то высшая сила воодушевления, геройства, объединения, самоотречения и самопожертвования, и эта сила – вера народная. Грузины – чуждый нам по крови народ, а икона Грузинская является нашею русскою святыней. Так родство по духу выше и важнее, чем родство по крови. И теперь нам надо Церковь родную поставить во главу объединения православных русских людей и в почетное положение пред инославными.

Пусть видят и те, кои не принадлежат к нам по вере, – пусть видят, сколь сильна, высока и свята Церковь русского народа, и пусть почувствуют к ней уважение. Иначе Империя будет только внешним механическим союзом множества племен, и подобно царству Александра Македонского или Рима, их не соединить надолго ни единством культуры безрелигиозной, ни уравнением государственного права, не опирающегося на общее для всех и обязательное понятие правды, открываемой и освящаемой только в Христовой вере.

Знают это хорошо наши враги, и смотрите, что они делали в последний год пред войною. Император Вильгельм на свои средства издавал во Львове, который теперь взят нашим воинством, с внешней стороны прекрасно оборудованный на русском языке журнал, имеющий целью распространение протестантских сект в России, а раньше его Бисмарк не пожалел миллиарда франков на поддержку русского штундизма и баптизма, заполнивши юг России проповедниками, литературою, поддерживая деньгами русских сектантов. Австрия же за последней год создала два позорные и совершенно бессовестные процесса против православных галичан, почитая и объявляя принятие Православия австрийскими подданными за политическое преступление.

Единение, воодушевление, освящение подвига патриотизма мы можем стяжать, братия, и сохранить только у наших заветных святынь православно-церковных! Попомните, возлюбленные, что именно пред ними создается невидимая и недоваемая, но могучая и живая связь поколений, живущих с отшедшими, и предки наши, если бы встали из своих могил, могли бы не узнать в нас своих потомков и правнуков по языку, одежде или внешнему облику жизни, но сразу бы узнали в нас своих и

близких – пред теми святынями, пред которыми предстояли в молитве они и предстоим ныне и мы.

В этом завет и поучение нынешнего праздника.

Будем едино всем народом в прошлом, настоящем и будущем – будем едино в религиозном чувстве, в святынях веры и Церкви: в этом тайна победы над всеми и всякими нашими врагами, в этом тайна жизни народа! Аминь.

БОГУ БЛАГОДАРЕНИЕ¹

I. СУДЬБЫ БОЖИИ

Богу благодарение! Нам, недостойным, – да, недостойным, Бог послал великую победу, которая окрылит дух нашего воинства, которая, как целительный елей утешения, падает теперь на измученное сердце нашего народа, не забывшего, – не могущего забыть, если бы он даже и хотел этого, – безрадостную последнюю русско-японскую войну. Как бы пророчески звучало в свое время слово Божественного Писания, выбитое и увековеченное на медалях в память этой войны: *Вознесет вас Господь в свое время* (1 Петр. 5, 6). И ныне это слово исполнилось!

Богу благодарение! Пусть мужественно и искусно наше воинство, пусть тысячи жертв крови оно принесло в великом самоотвержении, пусть семь дней подряд в величайшем напряжении всех сил бились наши воины на беспримерном в истории трехсотверстном пространстве сражения: все это в большей или меньшей степени было и есть и у наших врагов, как о том свидетельствуют даже наши военачальники. Однако, победа дарована нам!...

И теперь, как и древле, одно чувство должно быть у нас господствующим во дни победные – в настоящей победе и, даст Бог, в будущих, одно слово на устах: «Не нам, не нам, а имени Твоему, Господи, дай славу» [Пс. 113, 9].

¹ Речь на благодарственном молебствии в соборе Василия Блаженного 24 августа по случаю побед русского воинства в Галиции.

Сила наша – не в силе человеческой силы, а в силе Божьей правды, за которую ополчился русский народ, и Божьей милости, которая дарована православно-славянскому делу.

С разбойничьего набега на маленькую православную Сербию начала Австрия теперешнюю мировую войну: и она же теперь первая несет грозную кару, грозное поражение под Львовом за это намерение взять овечку у бедняка, о которой говорил некогда пророк Нафан Давиду, отнять виноградник Навуфея, за какое беззаконие грозно восстал некогда Илия пророк против бессовестного Ахава.

Почему дорога нам оказалась Сербия? Почему за нее встала Россия?

Потому, что Сербия – православная славянская страна, потому, что вслед за поглощением Сербии грозила та же участь всему православному славянству, потому, что здесь грозила явная опасность ниспровержения всего того, что соделал в течение веков, повинуясь Божьему призыванию, русский народ для поддержания и укрепления Православной Церкви, православной истины в мире – истины, Богом данной, истины, судьбу которой не смеет предавать никакой православно верующий народ.

Богу благодарение и за то, что Он даровал нам силу и решимость встать за эту попранную правду!

Много, и долго, и мучительно страдали православные русские в Австрии, в Руси подъяремной. Долго ждали они и надеялись, что их одинаковое с Малороссией слово: «волим под царя Белого, Православного» исполнится... В поздний час истории пришло к ним избавление! Можно сказать об этой подъяремной Руси словами нашего символа, которые мы относим к Началь-

нику всякого страдания и Подвигоположнику Господу Иисусу: была она «и страдавша», была как бы «погребенна»... Но милостью Божиею, по древним чаяниям и молитвам, по воздыханиям сердечным, по словам и писаниям лучших благоугоднейших сынов славянства, вот она становится воскресшею!

Богу благодарение за эту милость к страдающему славянству!

Кровь искупительная потребовалась и здесь; десятки тысяч наших воинов убиты, десятки тысяч ранены... Тяжко вспомнить, тяжело представить себе их страдания! Вот пред нами как бы реют сейчас в фимиаме нашей молитвы тени убиенных; разорванные бомбами, искалеченные, рассеченные на части, взорванные в минах и фугасах, простреленные, заколотые, израненные, истекшие кровью – тысячами они проходят перед нашим духовным взором: искупительная жертва за спасение томившихся в рабстве! Бог да будет вам покровом и мздовоздаянием, дорогие убиенные! Церковь Христа да будет о вас вечною молитвенницею! Вечная память о вас да не померкнет в благодарном сердце русского народа и всех приявших чрез вас теперь освобождение!

Да, тяжело нам вспомнить об этих жертвах, тяжело, мучительно представить себе, как заплачут беззвучными подавленными рыданиями старики, лишившиеся сыновей и внуков, как с воплем крепким застонут вдовы убитых, как в смятении, в растерянности, не зная, что несет им будущее, не зная, что сказать плачущим матерям, сами заплачут осиротелые дети!

И все-таки – Богу благодарение, Богу благодарение за то, что Он в общении с подвигом Искупителя Христа призвал на подвиг искупления кровью и наш православно-русский народ.

Пусть и еще ожидают нас жертвы, пусть ожидают нас не только радости победы, но и неудачи брани: до конца мы пройдем этот подвиг, лишь бы увидеть теперь завершение дела, о котором помышляли, воздыхали, молились русские великие князья, русские цари и императоры, русские верховные архипастыри, русские самые благородные души, – дела объединения свободного славянства. Много теснили его, много «орали на хребте его оратаи, проводили длинные борозды свои» (Пс. 128, 2–4), много старались истребить его от земли живых; казалось, немец под пятою своею уже задавил его... Не погибла ли надежда наша, Бог наш не оставил ли нас?... Нет, нет! Кости сухие, на великом поле славянском рассеянные, – се, восстают они, как в оном видении Иезекииловом, о коем мы, в упоении радостных и умиленных надежд мировых и премирных, возглашаем у Гроба нашего Спасителя.

Богу благодарение! Он сотворил нас победителями, но победителями *во Христе Иисусе*. В духе умиления пред великою помощью и милостью Божьей, в духе глубокого сознания своего недостойнства, в духе смирения нашего – молитвою встретим весть победную, весть о радости нашей. Смирением мы стяжать можем высокая. Смирением больше сотворим, чем превознесенною гордынею. Смирением будем накапливать больше и больше духовных сил на предстоящий нам подвиг.

О имени Господни, о имени Христовом воздадим сейчас в молебном пении Богу благодарение, всегда победители нас творящему о Христе Иисусе!

II. РАДОСТЬ РОССИИ¹

Возрадуйся и возвеселись, православный народ русский! Ликуй и торжествуй пред лицом Твоего Господа! В смиренном сердце принеси Ему благодарение за дарованную победу Львовскую!

Вознес тебя Господь в свое время (1 Петр. 5, 6), – и время сие приспело.

Отныне ты – державный народ *всея Руси*, – да, *всея Руси*, ибо теперь она уже не разделена на свободную Русь и подъяремную. Отныне нет Руси под немецкою пятою и рабством. Отныне старая Галицкая Русь, Червонная Русь, воссоединилась со всею Русью Святою. Отныне Русь наша воистину, в полном смысле единая и неделимая!

Встань из гроба твоего, святой и равноапостольный князь Владимир, Красное Солнышко наше! Благослови державного благоверного императора и множество владомых в этот час победы над вековыми насильниками и угнетателями, более опасными, чем мусульмане, в этот час возвращения твоего наследия и приобщения его к Руси великой!

Встань из гроба твоего, князь Иван Данилович Калита: сбылось твое слово, исполнилась мысль твоя о собирании *всея Руси*, и Московской, и Киевской, и Галицкой!

Вострепещите, возрадуйтесь и взиграйте, кости смиренные, и ты, святая душа Петра митрополита, святого сына Галича, Москвы основоположника, память которого мы сегодня празднуем!

¹ Речь по тому же поводу на всенародном молебствии с Лобного места на Красной площади в Москве.

Рава Русская, Рата-река, Родина Галицкая святого Петра, ликуй ныне в радости избавления от векового поработителя!

Русские цари и императоры, воссоединившие постепенно долгими трудами и усилиями Русь Малую и Белую, Волынь, Подолию, и видевши только впереди, издали, в чаяниях своих, воссоединение Червонной Руси, – возрадуйтесь ныне духом: ваши чаяния исполнились!

А над всем сим – да будет благословен Господь Промыслитель и Судия, благоволивший тако, судивший дать нам этот день радости!

Да будет покровом нашим Пресвятая Богородица, даже до днесь в Холмской и Почаевской иконах Своих являвшая силу и славу Православия угнетенным нашим братьям Червонной Руси и хранившая в них память о Святой Руси, единой и неделимой.

Да будут молитвы святых угодников земли русской, здесь, в Первопрестольной, и повсюду на Руси почивающих, хранителями и вдохновителями нашего победоносного воинства.

Идите, наши храбрые и христоролюбивые воины, на подвиг ратный! Идите о имени Господни! «Утомляются и юноши, и ослабевают, и молодые люди падают, а надеющиеся на Господа обновятся в силе, поднимут крылья, как орлы, потекут, и не устанут, пойдут, и не утомятся!» (Ис. 40, 30–31).

Летите же и вы, уповая на Господа, летите, как орлы, в силе великой и в силе мужества исполнить веление Господне: «восстановить землю, возвратить наследникам наследия опустошенные, сказать узникам: «выходите», и тем, которые во тьме: «покажитесь». «Радуйтесь, небеса, и веселись, земля, и восклицайте горы от радости, ибо утешил Господь народ Свой и помиловал страдальцев Своих» (Ис. 49, 8–9, 13). Спаси, Господи, люди Твоя и благослови достояние Твое! Аминь.

РАДОСТЬ ПОДВИГА¹

Песнь церковная говорит нам: «Днесь, – ныне, день Господень: радуйтесь, людие!»

Что может быть желаннее, что может быть возвышеннее, как доставлять и рождением, и жизнью, и даже смертью своею радость людям, радость всему живущему! Такова была Богоматерь, таковы и для нас уроки и заветы Её жизни.

Слава Богу, есть народы, есть и отдельные люди, которые ставят себе именно такие цели существования; есть, напротив, народы и люди, которых чужая радость только раздражает, повергает в злобу и ненависть, для которых жить не значит – любви служить, ближних радовать, а значит – служить только себе, причиняя другим возможно больше зла.

Не таков ли оказался нынешний вождь Германии и самый его народ? Ему тесно не только в родной стране, но и во всей вселенной. Ему представляется, что весь мир существует только для Германии; ему кажется, что никто, кроме немцев, не имеет права существовать на свете. Отсюда эта всем надоевшая немецкая кичливость, это постоянное надменное и властное вмешательство в дела других государств, эта нестерпимая зависть к чужому благосостоянию, это презрение ко всем народам. Отсюда эта жестокость на войне, добивание раненых, расстрелы мирных жителей, уничтожение целых городов. Отсюда это желание подчинить себе все народы, лишить их радости свободы, самостоятельного государственного существования, радости самого бытия.

¹ Речь при открытии лазарета для раненых воинов, в праздник Рождества Богородицы, 8 сентября.

Не обратное ли явление представляет народ русский, воспитанный в духе любви и смирения Православною Церковью? Не один, а несколько народов обязаны России своим существованием, своим воскресением к жизни. И теперь русский народ борется за правду и право, за мир мира, за свободу славянских племен. Он желает дать радость людям, радость родственным по вере и крови племенам, обеспечить мирный порядок жизни в Европе и во всем мире, чтобы люди беспрепятственно пользовались радостями мирного преуспевания жизни. И жизнь, и смерть, и здравие, и самые болезни свои от ран наши воины посвящают этому высокому назначению человека – давать радость другим, – назначению, которое освятила Своим примером Пресвятая Богородица.

Они, воины наши, там, на поле брани, свершают свой подвиг любви, – и, как слышим и видим, многие действительно совершают в радости, а мы свершаем его здесь, вдали от них, но для них, и тем приобщаемся к их великому делу. И сегодня мы открываем здесь церковно-приходской лазарет, и притом столь значительный – для 40 раненых воинов. Мы желаем страдальцам облегчить страдания, мы желаем «им радость в печали место даровать», мы желаем лечением, уходом, теплою ласкою, теплым участием загладить те муки, которые им пришлось перенести.

Да будет же благословен этот радостный подвиг любви, и да покроет его Небесным покровом благоволения Та, рождение, и жизнь, и смерть Которой принесли миру вечную радость! Да будет радость, которая будет витать в этих стенах, и нашею радостью, нашим счастьем и глубоким удовлетвореньем нашей совести! Вот где деятельное христианство; вот где приход, как

учреждение христианское, – малая Церковь, живущая и движущаяся духом любви и радостного подвига, по образу Главы и Подвигопомощника Христа; вот где истинное основание и истинное возрождение прихода, о котором ныне так много пишут и говорят. Вера и любовь, смирение и упование дадут вечную основу деятельности приходу, и в радости подвига веры и любви дадут радость и всей окружающей нас жизни.

ГДЕ И КАК ВЫКОВЫВАЕТСЯ ПОБЕДА?

За все столетие, протекшее с того времени, как в Филях знаменитый князь Кутузов предрешил победоносное завершение Отечественной войны, не было времени, столь близкого к священной памяти двенадцатого года, как переживаемые дни нашей теперешней войны с Германией. Еще не нашлось слова, которое точно и всесторонне определило бы в кратком и метком названии значение и характер настоящей войны. Но в наименовании ее «вторую Отечественную», несомненно, много правды, по крайней мере, по отношению к самой России: ибо и тогда, и теперь враг хотел поразить Россию в самое сердце и стереть ее с лица земли, как самостоятельное и отдельное государство.

На этих полях (в Филях), некогда видевших шествие русской армии Кутузова, мы поздравляем вас, православные русские люди, столько лет неизменно собирающиеся здесь для воспоминаний о героях Отечественной войны, – поздравляем с великою победою в полном смысле доблестной армии русской в славянской Галиции, в старой Червонной Руси. Двадцать дней, в беспримерном, по огромному трехсотверстному пространству, поле битвы, пред которым Бородино кажется узкою полосой, по огромному миллионному составу неприятельской армии, по напряжению сил воюющих, – сражались наши вож-

¹ Сказано в с. Фили, близ Москвы, по случаю крестного хода в Кутузовскую избу, при поминовении князя Михаила Кутузова и героев Отечественной войны, – по случаю победы русской армии над врагом в Галиции.

ди и воины, и ныне увенчаны победой. Слава и благодарение Богу, честь и хвала нашему воинству, и да будет дан скорый и почетный мир нашему миролюбивому христианскому народу!

Но – как ни странно и как ни противоречиво это звучит – мир есть цель брани и дается победою. Где же и как, так сказать, выковывается победа на брани? На этом вопросе, действительно, полезно и поучительно нам теперь остановиться.

Где и как выковывается победа? Конечно, скажут нам, ответ здесь ясен, и незачем даже спрашивать о том, что всем открыто и само собою понятно: конечно, победа выковывается на поле брани трудом, подвигом, воодушевлением воинов, искусством военачальников; победа, далее, зависит и от усовершенствованных орудий борьбы: эти военные аэропланы, блиндированные поезда и автомобили, броневые вращающиеся башни, поставленные на них усовершенствованные пулеметы, эта артиллерия, достигшая страшной разрушительной силы в своих снарядах, эта меткость стрельбы – вот что, по общему и бесспорно принятому мнению, создает, подготавливает, обуславливает победу!

Так ли это?

И так, и не так! Неоспоримо, все перечисленное нужно для армии, как нужна и самая армия для того, чтобы была победа.

Но признать только эти одни причины и условия победы, значило бы осудить весь народ и государство на бездействие во время брани и свести его к положению только безучастного и безличного зрителя совершающихся событий. Нет, есть нравственные условия победы, гораздо более широкие, гораздо более возвышенные и достойные человека, чем численность и сила орудий современного боя. Они, эти нравствен-

ные условия, владеют и победоносным воинством, которому нужно откуда-то взять воодушевление, нужно получить готовность перенести все и всякие жертвы, лишения, раны и самую смерть; они, эти нравственные условия, нужны и для народа, оставшегося внутри страны, который и до войны породил и воспитал армию и во время войны питает ее духовно, служит для нее источником высокого воодушевления.

Да, воодушевление воинства опирается на воодушевление народа и из него исходит. Воинство должно знать, что война, которую оно ведет, которая требует от него стольких трудов и несет ему столько опасностей, – что эта война не есть война и счеты только одного правительства с другим, а война народная, война Отечественная, захватывающая всех от мала до велика. Связь войска с народом – то же самое, что кровообращение в теле: с его прекращением останавливается самая жизнь.

Но единение бывает непрочным и даже греховным, если оно исходит из целей обмана, хищничества, захвата чужого достояния. Таково единение воровских и разбойничьих шаек. Таково теперь единение и германское: оно основано на зависти к чужому достоянию, оно бросает жадные взоры на земли и достояние соседних народов. Горе, если народ охвачен таким единением! Оно рассыплется при первой неудаче, оно рассыплется и при удаче, при первом дележе несправедливого стяжения. На совести народной, в таком случае, остается всегда упрек за такое нарушение правды. Война никогда не станет тогда священной, она не даст и здорового воодушевления ни народу, ни войску. В опьянении зависти, жадности, злобы и ненависти бывает то же, что и при обыкновенном опьянении: после возбуждения, искусственного и нездорового, наступит

состояние слабости, глубокого недовольства и отвращения к самому себе. Вот почему так отрадно и так бодро звучит для нас слово нашей православной молитвы во дни брани: «Ты же, Господи, вся ведый, веси, *яко несправедно* восташа на нас»: на это слово отзывается наше сердце, в нем находит глубокое удовлетворение народная совесть. Но сознание *правды* всегда коренится в религии, от нее получает и содержание, то есть указание того, что есть правда и неправда, и побуждение к подвигу ради правды и самые силы для исполнения подвига. Всякий другой источник – ненадежен и изменчив. И вот почему война, как и теперь мы видим, всегда поднимает религиозные настроения и армии, и народа; и в этом – ее очистительное действие. С грустью вспоминаем, как девять лет назад мы читали в ежедневной прессе суждения тех же самых авторов, что ныне пишут уже совершенно другое, – суждения, говорившие тогда вообще против всякой войны, хотя бы и правой, авторов, принижавших народный дух, убивавших воодушевление в армии; удивляемся мы радостным удивлением, смотря на этих авторов, которых теперь как будто кто-то подменил, которые теперь пишут и говорят в одно с народным сознанием, в одно с сердцем народа и его воинства. Мы должны всеми молитвами благодарения возблагодарить Господа за это всеобщее единение наше, и хранить, питать, возгревать его всеми силами, религиозно освящая и осмысливая его. Вот одно из главных условий создания победоносного духа и победы на войне!

При таком единении и воодушевлении армия чувствует, сознает и видит, что она любима народом, что она – его любимое детище. Мы встречаем идущего на войну воина – с горящими взорами любви, благожелания; мы восторгаемся на-

шими вождями и армией; мы относимся к раненому воину, как к своему пострадавшему брату дорогому, притом пострадавшему за нас, и готовы оказать ему все знаки внимания, всякие от нас зависящие услуги. Ведь воины – это цвет жизни народа, это – лучшие его сыны, а те, которые испытали смертельные опасности, которые подставляли свою грудь и голову под удары, которые имеют раны, эти почетные и верные свидетельства своего подвига, это – люди, достойные всякого уважения, это – люди, не способные на что-либо низкое, этими людьми мы должны дорожить. Как гордимся мы доброю гордостью, зная и видя, что наши раненые все имеют ранения в руки, в голову, в грудь, в ноги: знак, что они шли вперед, наступая или защищаясь, что они не поворачивали спины в бегстве; как гордимся мы, узнавая, что у наших воинов нет штыковых и сабельных ударов: знак, что они даже не допустили до себя неприятелей и сразу обратили их в бегство при встрече один на один. И рядом с этим приобретает особое значение то обстоятельство, что у раненых неприятелей наших, которые попали к нам десятками и даже сотней тысяч в плен, мы видим то самое, чего нет у наших русских воинов... Да, армия должна быть любима, и ныне действительно любима всем народом!

Вот когда воочию мы убедились, что значит это единение народа и армии! Знают наши воины, стоя под губительным огнем врага, стоя перед лицом ежеминутно и ежесекундно грозящей смерти, стоя на рубеже и за рубежом Родины, – знают, что позади них – великая Россия, любимая и любящая, родной, дорогой, прекрасный душою русский народ, знают, что позади них – родная Церковь с ее молитвами и благословением.

«Убьют – Церковь Бога молит», – говорил наш славный Суворов своим чудо-богатырям, и он знал, что говорил им в самое сердце! Знает воин, что убитым будет вечная память в молитвах Святой Церкви, а о семьях их позаботятся те, ради кого они принесли себя в жертву. Знают воины, что, в случае ранений, болезней, они встретят теплый и сердечный прием среди русских людей, куда бы их ни послали в России, – найдут уход, покой, получат все знаки почета, любви... Когда теперь мы наблюдаем в Москве эти трогательные встречи многочисленных раненых, когда видим это множество открываемых для них лазаретов, когда слышим о крупных и малых жертвах на содержание лазаретов, когда замечаем поразительную готовность и отзывчивость всех на святое дело любви и попечения о воинах: то воистину, чувствуем себя присутствующими как бы при некоем великом и всенародном священнодействии! Слава Богу, слава Богу! Такие переживания и такие чувства несказанны по величию, безмерны по воспитательному действию на дух и жизнь народа!

Если жизни вечной нет, если вечной силы Божества нет, если человек есть только умное животное, если земля есть первое и последнее поприще жизни человека, и за могилой нет ничего, то может ли тогда война, всякая война, быть иною, как не животную? Можно ли тогда говорить о войне правой и священной? И можно ли тогда ожидать, что воин бестрепетно и даже радостно умрет за Отечество? Если жизнь земная – одна, и она не повторится, другой же нет никакой жизни, – то не ясно ли, что человек станет цепляться судорожно за эту именно земную жизнь и ее захочет сохранить во что бы то ни стало, ценою всяких унижений пред врагом, ценою бегства,

предательства и измены, – всякою ценою?

Здесь и видим, что значит религиозная вера вообще, и в частности – религиозное воодушевление народа во время войны. Оно разрешается в *молитву*. Ибо если есть Бог-Промыслитель о мире, если в Его руках судьбы народов, то от Его Всемогущества и Благости прежде всего дается победа. История мира не раз видела, как рушились самые горделивые человеческие замыслы, как погибали сильные армии и державы, как торжествовали слабые, имея на своей истории, на своих деяниях печать Божественного Промысла. История мира знает и гибельные победы и спасительные поражения, и разве теперь есть человек в России, который усумнится в том, что неудача нашей русско-японской войны оказалась теперь благодетельна для нас, для создания нашего бодрого и единогодушного настроения, для создания этой жажды победы, для искусных действий нашей армии?

Видим мы, с утешением видим, что ныне *Русь стала на молитву*, что полны храмы, что молитвенное настроение охватило всех, что даже известия о победах не вызывают в России шумных, чисто-мирских и тщеславных манифестаций, выкриков, шумных знаков радости, а приводят нас к умиленной молитве, к тому, чтобы мы тихо и вдумчиво, в умилении и благоговении «слагали у себя в сердце» все эти знаки и явления Божественного о нас Промышления. И будем молиться, рцем вси, от всея души, от всего помышления нашего рцем: «Господи помилуй!»

Глаголет древний пророк: «Трубите трубою на Сионе, и бейте тревогу на святой горе Моей; да трепещут все жители земли, ибо наступает день Господень, ибо он близок, день

тьмы и мрака, день облачный и туманный: как утренняя заря, распространяется народ многочисленный и сильный. Пред ним пожирает огонь, а за ним палит пламя; пред ним земля – как сад Едемский, а позади его будет опустошенная степь, и никому не будет спасения от него» (Иоил. 2, 1–3).

Так изображает пророк нашествие страшного Вавилона.

И, однако, даже пред таким грозным нашествием пророк находит спасение – в *молитве* и в *подвиге покаяния*, – в подвиге, который силен умиловать Бога, силен дать народу победу, если только этот подвиг будет искренним и сердечным, если он будет не в словах только, а на деле. Читаем у пророка:

«Пробудитесь, пьяницы, плачьте и рыдайте, все, пьющие вино! Препояшьтеся вретисцем и плачьте, священники, рыдайте, служители алтаря, войдите, ночуйте во вретисцах, служители Бога моего!

И ныне еще говорит Господь: *обратитесь ко Мне в посте, плаче и рыдании... Вострубите трубою, назначьте пост, объявите торжественное собрание, соберите народ, пригласите старцев, соберите отроков и грудных младенцев; пусть выйдет жених из чертога своего и невеста из своей горницы... созовите всех жителей страны в дом Господа Бога вашего и взывайте ко Господу!»* (Иоил. 1, 5, 13; 2, 15–16; 1, 14).

Слава Богу! Видим и мы теперь всенародные молитвенные собрания и в северной столице, и в нашем первопрестольном граде, и по всей России; видим, – как недавно было у нас на Красной площади, – в дождь и в холод сотни тысяч молившихся!

И *подвиг* видим: подвиг всенародного отрезвления. Я про-

читал в газете, как офицер с казаками в неприятельском городе должен был занять один дом. Там хозяин предложил ему и воинам, с ним бывшим, сравнительно невинный напиток – пиво. Офицер за себя и за своих подчиненных ответил: «Нам Государь повелел во время войны не употреблять алкоголя». Так глубоко захватил теперь Россию подвиг отрезвления, как бы знак покаяния нашего пред Богом, это наше вретисце, эта жертва сердец, трезвение души и тела...

И если в таком священном настроении мы пребудем здесь, внутри России, позади нашего воинства, – верьте, скоро Господь даст нам хребет нечестивых супостатов: одним путем пришедши к нам, семью путями они будут бежать от нас, как бегут теперь австрийцы. Но не в дикой похвальбе, не в упоении отмщенной злости, не в животной радости встретим мы победные вести: в молитве и умилении, в решимости служить Богу добрым житием предстанем мы лицу Божию. За победами ведь стоят и виднеются нам тысячи наших братьев... Читаем о торжественном погребении славного летчика Нестерова. Героя в молчаливой сосредоточенной молитве провожают к самому почетному в России месту погребения, в Киеве, сотни тысяч народа. Красуются венки; на них – надписи, говорящие о таланте, мужестве, о заслугах покойного. Но есть там скромный венок, и на нем краткая надпись: «Милому Пете от матери и жены»...

Сколько здесь, в этих словах, сокрыто горя! Сколько здесь захватывающей печали! Уж он здесь не знаменитый авиатор, не герой, он – сын, он – муж... И у всех наших дорогих воинов, на поле брани смерть приявших, есть матери, или жены, или дети, или иные близкие... Господу помолимся! Пусть Он уте-

шит, пусть Он залечит эти горящие раны сердца у близких и родных, у нашей России, пусть Он отрет безутешные слезы!

И этою тихою молитвою, поминовением наших воинов, провозглашением вечной памяти на брани живот свой положившим за веру, за Царя и Отечество мы воистину возвысим нашу победную радость и приуготовим себе ту радость окончания брани, о коей молит Господа наше сердце, о коей глаголет пророк: «Се на горах ноги *благовествующего и возвещающего мир*. Празднуй, земля, праздники твои, исполняй обеты твои! Ибо не будет проходить по тебе нечестивый; *он совсем уничтожен!*»... (Наум. 1, 15).

ГРЯДУЩАЯ НОВАЯ РОССИЯ¹

С особым и каким-то новым чувством, которое даже трудно определить и назвать, с глубокой вдумчивостью, с тихим и как бы торжественным настроением, в предчувствии и ожидании грядущего великого будущего живут теперь, во дни мировой войны, все сыны России – и это чувство невольно проникает и настоящие наши переживания, настоящие минуты молитв по случаю начала и возобновления занятий и чтений фабрично-заводским рабочим Москвы. Трудно оторваться от впечатлений войны и ее огромного значения даже и в нашем мирном и теперь уже привычном просветительном деле.

Слава и благодарение Богу, наша столица живет спокойною жизнью, на которой не отразилось военное время: тому доказательство – наше нынешнее собрание и начало занятий. Не то теперь, например, в Берлине или Вене, где все в трепете и смятении, где все в переживании страхов и тревог брани, все в ожидании прихода отмстителей насильникам и возмутителям всесветного мира – и где, конечно, не до мирной и просветительной работы.

А давно ли в такой именно работе народы брали пример с Германии?

Всего 50, 60, 70 лет назад чем был немецкий народ? Германия времен Шиллера и Гете, и позднее – времен Гегеля, Шеллинга и Гейне, – чем она представляется в нашем воображении? Это тихая и мирная страна наук и искусств, рождавшая и воспитывавшая людей, иногда до смешного чуждых практическим

¹ Речь при открытии чтений фабрично-заводским рабочим г. Москвы.

интересам жизни, витавших в области возвышенных философски идей; это страна, создавшая философию идеализма, даже в свою религию, очень рассудочную и сухую, полученную в наследие от Лютера, внесшая черты сентиментализма, чопорности и даже мистики. Наша литература – славянофильская и западническая одинаково – зарисовала нам такие именно типы немцев как на Родине их, в Германии, так и у нас, в России, куда они попадали в наши старые барские семьи и в общественную жизнь воспитателями юношества, учителями музыки, живописи, поэзии, гуманитарных знаний. Довольно вспомнить того немца, витавшего над миром в царстве звуков и молитв, в своей тесной каморке, которого вывел Тургенев в бессмертном «Дворянском гнезде»...

Что же такое случилось с немцами за это последнее полувековье? Откуда эта грубость, жадность, злоба и та непонятная страшная жестокость – все то, что заставило их броситься в безумие кровавой войны, вызвало к ним ненависть всего мира, сделало имя их проклятым, а теперь опозорило их в глазах всемирной истории, как варваров времен Атиллы, только прикрытых снаружи блеском цивилизации, – притом совершенно бесчестных и лишенных нравственного чувства? Конечно, многое лежит в глубине характера германцев, насколько мы знаем их от времени Цезаря и Тацита, и в свойствах горделивого лютеранства, этого грандиозного подлога христианства, в сущности же полного отрицания его основ, – немецкой кичливой вере, с ее идолопоклонством пред рассудком человека, с ее отрицанием любви и ее деятельных подвигов, как одного из условий душевного спасения, с ее отрицанием и глубокого смирения в сознании греховности, без коего невозможны ни вера, ни надежда, ни любовь.

Но все же долгими веками внутренней культурной жизни и работы немцы, по-видимому, успешно боролись с крайностями проявления своего природного характера и, соответственно с ним, выдуманной ими самими, а не от Христа и апостолов завещанной и принятой веры. Орудием для того и было – просвещение, образование, успехи науки и искусств – то самое, что мы ценим, чему мы служим в этих чтениях наших для рабочих Москвы.

И что же? Мы видим, эта напряженная работа мысли не пала, научный уровень Германии не понизился, но что-то, однако, случилось, и мирный народ стал зверским, университеты ушли в тень сравнительно с казармами, люди науки и служители искусств уступили место деятелям давно подготовлявшейся войны, самая наука и научный гений обратились к изобретению и устройству орудий истребления людей; радость охватывала все германское общество при вести о том, что орудия победы человеческого гения над природой, дающие в будущем безграничное торжество культуры, – успехи авиации могут дать знаменитые цеппелины, имеющие назначением уничтожать бомбами целые города и армии. Бисмарк и Вильгельм сделали поворот германской жизни в эту именно сторону, и то, что долго подавлялось в немецком народе, – его хищнические инстинкты, его грубость и жадность, его языческое преклонение пред силою и презрение к правде и праву, – все это постепенно стало культивироваться в Германии, все эти начала греха и зла стали открыто выходить наружу, господствовать над добрыми влечениями, подавлять их. С необычайною циничностью Бисмарк и Вильгельм возводили бессовестность, неблагодарность, коварство, подлог, обман, жестокость на степень добродетелей, чисто-немецких, и

в результате явились речи о бронированном кулаке, о «евангелии немецкого кулака», о «старом немецком боге, который даст немцам добраться до шкуры их соседей», явились плоды и теперешней войны: расстрелы стариков и детей, издевательства над беззащитными женщинами, истребление целых городов, нарушение всяких человеческих прав и Божеских законов...

Что бы ни говорили, этот новый зверь, исходящий из мрака и бездны, весь красный от крови убиенных рабов Христовых, обожествивший зло, будет приведен в вынужденное смирение усилиями христианских народов. Не поможет ему противостественный по существу для христианского народа, но столь знаменательный для Германии союз с мусульманским миром и разлагающейся Турцией. Не помогут и случайные победы, благодаря временному превосходству сил или наличию изобретенных особо разрушительных орудий истребления людей: все это только оттяжка неизбежного и predetermined поражения Германии.

И перед этим-то неизбежным исходом мировой войны мы и стоим в глубоком раздумье, которое дает особый тон настроению и настоящих переживаемых нами минут, нашему настоящему собранию, созванному по совершенно определенному поводу, по-видимому, столь далекому от войны.

Что-то ждет Россию? Что-то будет с нею? Несомненно, Россию ожидает новая жизнь. Чудесно возродившееся единение и природных русских людей, и населяющих Россию других народностей, единение всех политических и общественных групп, – как бы много правды мы ни признавали в словах пессимистов о том, что это единение искусственно и таит под собою в будущем замыслы, не всегда прямые и честные, – все же – факт, факт,

как принято выражаться, симптоматический и огромной важности, которого уже ни забыть, ни выбросить невозможно! Положение России мировое изменится, и изменения будут столь же глубоки, как и отмеченное внутреннее наше чудодейственное единение. Пусть и здесь нас ожидают обиды, разочарования, измена и предательство, может быть, как некогда в Сан-Стефано и потом в Берлине: все же, несомненно, Россия станет в иные отношения к славянскому миру, к Европе срединной, к Ближнему и Дальнему Востоку – ко всему миру. Особенно изменится положение Православной Церкви, воспитавшей такой народ, как русский, содевавший такую силою духовного объединения, силою, давшей ему мужество, терпение, готовность идти на смерть и на все жертвы, – все то, что мы видим теперь среди православного нашего русского народа. Церковь Православная восстанет в силе величия и влияния, в полном смысле и всеславянского, и всемирного. Прибавьте к этому то, чего нет у германцев, – эту всесветно признанную и ныне во время войны столь ярко выраженную природную мягкость русской души, набожной, смиренной и любвеобильной, все рассматривающей и расценивающей с точки зрения вечности и вечного религиозно-нравственного идеала святости, вечного религиозно-нравственного закона христианской совести. Прибавьте к этому то, чего нет у германцев, – святую и чистую веру христианскую, к которой не приразилась ни гордыня властительства папства, ни гордыня и самообожание Лютера.

Не революцией, не насилием, а свободным волеизъявлением власти, не грубым по-немецки требованием снизу, а христианским порывом сверху, от власти, стоящей пред вечным законом Божиим, даны будут необходимые и назревшие реформы

жизни и в области церковной, и в области государственной и социальной, главным же образом, в отношении к рабочему человеку, земледельцу и фабрично-заводскому труженику.

Теперь в особенности да воссияет и усилится тысячекратно свет науки и образования! Оно нужно, как воздух, как тепло и свет великому народу.

Вот почему с особою радостью приветствуем мы и молитвою освящаем нынешний праздник просвещения народа, – открытие этих чтений и научных занятий. Но мы видим, более чем кто-либо, нагляднее и убедительнее, более чем когда-либо, – как одно просвещение в Германии не спасло немцев от ниспадения в то положение извергов рода человеческого, которое теперь объединило против них весь мир христианский и породило с ними только турок.

О, пусть просвещение на Руси не подавляет религиозных запросов и религиозного ведения, пусть оно не отводит народ от веры и Церкви, пусть оно не отмежевывается от нравственной жизни и нравственных запросов человеческой совести, пусть оно не отпадет от вечной Божией правды и не преклонится, подобно немецкой науке, пред одной внешнею силой, пред выгодой, звериной жадностью и жестокостью, пред сатанинским властолюбием и презрением к другим народам. Пусть просвещение не будет острым ножом в руках разбойника, лекарством в руках отравителя... Работай, учись, насыщайся знаниями, русский народ, приветствуй эту просвещенную образованную новую Россию, но имей в виду ту участь, в которую ниспала просвещенная Германия. Вся испытующе, добрая держите!.. Все испытывайте, но держитесь только доброго...

Пусть обновится и церковно-религиозная жизнь народа. В огромном, всезахватывающем духовном напряжении, воодушевлении, в том неожиданном нравственном перевороте, который – приводим только, как один и наглядный пример – сразу как бы выбросил из газет сделавшийся привычным и как бы неизбежным отдел об «уходящих от жизни», о самоубийцах; который на 2/3 сократил преступность, порождаемую пьянством, который принес нам вдруг трезвость, не только без ропота, но с радостью принятую в принудительных распоряжениях власти, – в таком нравственном перевороте не наряду только с другими сторонами жизни народа, а непременно во главе их стать должны и сами собою станут интересы и запросы веры и Церкви. Но пусть сюда не прирадется лживая мысль о безразличии истины и лжи, всяких исповеданий, и христианских, и нехристианских, и православных, и неправославных: Германия с ее лютеранством, которое породило безумие сатанинской гордыни у немцев, – это нам пример и урок весьма внушительный. Не о внешних, конечно, подпорках веры и Церкви говорим мы, а об укреплении изнутри, о подъеме религиозного ведения, о том подъеме нравственной крепости, который должен начала веры и христианской совестливости и любви укрепить в жизни, – пропитать всю жизнь нравственным законом до самых ее сокровенных корней.

Просвещайся, русский народ, выходи на всемирное твое положение, но не забывай твоей Матери Церкви, которая объединила на заре твоей истории славяно-русские племена, а теперь объединяет и все вообще племена славянские, которая сроднила с тобою в союзе единой веры племена инородческие, поддерживала разбитый народ во дни монгольского ига, поддерживала тяготение воедино разрозненной нашей северо-восточной

и западной части русской народности, создала и укрепила твою государственность, осмыслила и возвысила твой патриотизм, дала тебе сонм святых и всемирное множество народных героев, украсила душу народную великими и достохвальными христианскими добродетелями, из народа дикого, жившего, по замечанию Нестора летописца, «яко всяк зверь», соделала народ кроткий и смиренный, дала нам и начатки просвещения древле, благословила и новое просвещение европейское – дала тебе все то, что ныне вывело тебя на всемирное делание. Не забывай твоей святой Матери!

Приветствуем новую Россию, еще более религиозную, чем прежде, поднявшуюся и обновившуюся в сознательности, во внутреннем напряжении и внешнем приложении своего православно-религиозного строя; приветствуем новую Россию, объединенную, патриотически настроенную, в священной важности исходящую на мировое положение; приветствуем новую Россию, просвещенную, трезвую, трудовую, горящую всеми силами и воодушевлением, свойственным народу юному, видящему пред собою нескончаемое поприще работы во славу Божию и на благо человечества.

И пред нами тогда великое будущее, едва вместимое в воображение; пред нами новое слово, которое скажет миру русский православный народ, и именно потому скажет, что он – народ верующий и православный: не в современном социализме, этом грубом создании немецкого рабочего с его животными запросами только еды и питья, с его забвением вечного глагола, что не о хлебе едином жив будет человек; не в политической похоти, с ее низведением человека только к земле, и одной земле; не в порываниях бурной и необузданной свободы, которая всег-

да и неизбежно приводит к рабству, – а в утверждении вечного и всемирного духовного Царства Божия среди людей, Царства Небесного среди земли, в одухотворении мира и жизни, – во Святой Церкви как высшем и последнем единении и духовном родстве народов мира, – вот оно, это новое и вместе старое слово, это новое и вместе старое дело, ибо вечное не стареет, но вечно юнеет и обновляется. Такова да будет и новая грядущая Россия, повитая победою!

ШКОЛА И ВОЙНА¹

Счастливы то поколение, которое возрастает и воспитывается во дни народной войны, притом войны правой и священной, – войны, повитой и увенчанной победою, как милостью Божией к народу!

Смотрите, какое вокруг вас воодушевление, какой захватывающий и подъем святой веры, какая любовь и преданность и доверие Святой Церкви! Церковь сразу стала видимою священною хоругвью, священным знаменем, около которого собрался весь православный русский народ, как один великий полк. Эти храмы, полные народа, это пение молитв о победе на наших улицах, эти всенародные молебствия, эти величественные крестные ходы, коленапреклонения и падения ниц при молитвах о воинстве в храме, при возглашении вечной памяти павшим героям, эти слезы, эти подавленные вздохи, слышимые в храме, эти пылающие свечи... – что это, как не свидетельство великого одушевления веры, которое охватывает теперь все сердца и души? Пусть оно само собою переливается и в ваши сердца!

Смотрите, какое воодушевление патриотическое, какой огонь святой и пламенной любви к Родине! Это единодушие всех пред лицом грозной войны, эти жертвы кровью, жизнью, имуществом, трудом, это напряженное желание увенчать войну победою, это чувство глубокого удовлетворения совести от сознания, что Отечество наше с другими союзными народами борется за правду и право против неправды и грубой силы, это трогательное единение Царя, правительства и народа – что это,

¹ Из речи ученикам второклассной Учительской школы пред началом учения.

как не возвышенный образец высокопатриотического настроения народа? Пусть оно пропитает и воспламенит и ваши души!

Смотрите, какое высокое проявление любви к близким! Одни бесстрашно умирают на поле брани за близких своих, за родной народ, за Отечество, другие принимают безропотно раны и удары, а потом рвутся опять в армию, рвутся вернуться в бой, где грозят им опять опасности для жизни, иные же все жертвуют для раненых, есть и такие, что сами за ними с любовью ухаживают... И около вас – та же забота о раненых воинах. Только сейчас мы видели прибывших раненых воинов в лазарет, и смотрите: у всех сияющие лица, все мы рады, что приняли воистину милых и дорогих гостей, что и мы хоть несколько приобщились к их подвигу жертвами и трудом. Рядом с этим храмом вы видите мастерскую, которая изготавливает белье и все нужное для больниц, где лежат раненые воины, в которой добровольно и бесплатно работает столько женщин, нередко бедных и занятых своими домашними делами.

Что это, как не пример деятельной любви к ближнему, той любви, о которой поучает святой апостол, когда говорит: «Не любим словом или языком, но делом и истиной» (1 Ин. 3, 18).

Пусть эта любовь согреет и ваши сердца!

ЗНАМЕНИЕ ПОБЕДЫ¹

«Оружием непобедимым», «во бранех победою», «знаменем победы», «державою царей и верных утверждением» Святая Церковь именует Крест Господень в своих песнопениях (см. стихирю по Евангелии и светилен), и ныне, совершая и воспоминая его Всемирное Воздвижение, воспоминает она вместе с тем победу, победившую некогда мир, святую веру нашу, «для смерти смерти» (святой Андрей Критский), которую символически и столь глубоко изображает святой Крест.

Борьба легла и лежит в основе человеческой жизни с того дня, как зло вторглось в нее усилиями духа зла и, по началу, вольным повиновением ему человека. *Вражду положу*, вражду положу между тобою и между женою, и между семенем твоим и между семенем ее: таково слово Господа к искушителю, таково определение Всемогущего в мировой истории человечества. Богзданная духовная природа человека тотчас же после вольного прегрешения почувствовала неволю, почувствовала тяготение к Первообразу и Творцу, почувствовала потребность сбросить с себя узы и рабство зла и греха. Началась богоуказанная борьба со злом. Боролся и борется человек против зла. С тех пор, как запомнит он себя в истории, с первых дней сознания и самосознания, то есть с первых дней бытия на земле после оставления Эдема, он исповедует этот закон Творца, осуществляет его в своей жизни. О том свидетельствует вся литература, все памятники человеческой мысли и чувства, какие только остались в

истории, – не только библейские, где эта истина проходит яркою путеводною нитью с первых строк Откровения и до последних, но всякие иные религиозные, от Книги Мертвых Египта до Книг Китая, Вед Индии и памятников Персии, Греции и Рима. То, что сказано диаволу о вражде с ним человека, читаем в первых главах первой книги Библии – Бытия (3, 15), и то же самое находим чрез пять тысяч лет в последних книгах Библии: «Сие есть помышление подвига, им же подвизается на земли рожденный человек», то есть здесь *закон борьбы*, которую должен вести на земле родившийся человек (3 Езд. 7, 57).

Но вместе с сознанием необходимости этой священной борьбы человек до Христа сознавал и бессилие свое в борьбе: так тяжело был он ранен грехом, так он обессилил себя, так ослабел, что сам собою уже не мог восстать. Но «составляет Свою любовь Господь» (Рим. 5, 8): падшему в Эдеме Он обещает Спасителя, Избавителя, поддерживает ожидание Его и откровениями словом, и откровениями образами, – и в числе последних тою знаменательною, преобразовательною пасхою, в коей под образом чистого и непорочного агнца, *распинаемого крестообразно*, изображался избранным народом веры в грядущего Спасителя Предвечный Агнец Божий, вземлющий грех всего мира. И Он пришел в мир, Он учением, жизнью, страданием, смертью, воскресением даровал человеку силы победы в его вековой борьбе против зла: Он просветил человеческую душу, Он разделил царство добра и зла ясною чертой, Он образ дал нам святости и страдания за правду, Он дал человеку силы благодатные, яже к животу и благочестию (Пет. 1, 3), и в Кресте Своем Он дал нам символ борьбы, страдания тяжкого, но увенчанного победой. Оттого и воспеваем: «Кресту Твоему

¹ Слово в праздник Воздвижения Креста Господня 14 сентября 1914 г. в соборе Василия Блаженного.

поклоняемся, Владыко», и немедленно после этого указания на Распятие прибавляем: «И святое Воскресение Твое славим».

С того времени со крестом в сердце и в руках, со крестом внутренним и внешним христиане целокупно – в Церкви; и в отдельности – но тоже в живом и непрестающем союзе с Церковью – боролись и борются противу зла: они рассеяли заблуждения язычества, они возвестили миру истину веры и ею победили мир (Ин. 5, 4), они победили всю направленную против них злобу, они восторжествовали во вселенной.

Крест водружен был на победных знаменах равноапостольного Константина, Крест обретен был и воздвигаем его святою матерью царицею Еленюю, крест засиял на царской короне – и это было видимым знаменем победы христианства в мире. Самое государство отселе делается христианским и преследует цели нравственные; оно внешнею силою, вытекающею из самой природы и существа государства, поддерживает то, что воинствующая Церковь, этот духовный и духовно-вооруженный воинский стан Господень, насаждает и утверждает в мире силами и оружием духовными. Когда зло добровольно, не проникаясь внутреннею силою и обаянием добра, продолжает и усиливает свою деятельность – тогда христианское государство, возглавляемое Крестом, приемлет полномочие слова Божия: оно не без ума меч носит, оно – Божий слуга, отмститель в гнев злое творящему, оно несет страх и кару не добрым делам, но злым, оно – Божий служитель, посланец, сим самым постоянно занятый (Рим. 13, 2–6). В этом смысле, несть власть, аще не от Бога, сущия же власти от Бога учинены суть... (Рим. 13, 1). В этом смысле и государство вправе и обязано возглавлять себя крестом как знаменем борьбы против зла и как знаменем побе-

ды над злом – ибо таков именно победный, по нашей вере и по нашему упованию, исходный конец мирового процесса – духовно-нравственного процесса: Сам Господь Иисус Христос придет в конце мировой истории судить мир, и *явится на небе знамение победы, и славы*, и блистательного торжества Его, явится *Крест Христов*, и тогда пошлет Он Ангелов Своих с трубою громогласною, и соберут избранных Его от четырех ветров, от края небес до края их (Мф. 24, 30–31).

«От смоковницы возьмите подобие: когда ветви ее становятся уже мягки и пускают листья, то знаете, что близко лето» (ст. 32).

Наблюдаем по сему подобию смоковницы и знамения мировой истории – конечно, насколько дано прозирать в нее сотворенному оку и ограниченному уму. Никто во всей глубине не разумеет и предусмотреть не может, чем окончится и какими результатами скажется и теперешняя мировая война народов. Но ясно знамение, что одни народы идут во имя свое и утверждают свое личное благо, и притом узко, своекорыстно понимаемое, – и таковы германские племена, а другие идут во имя утверждения начал и идеалов мира, всестороннего преуспевания народов, и во имя одного пророческого слова, примененного некогда к Себе Самим Сыном Божиим: отпустить измученных во отраду (Ис. 61, 1–2), даровать угнетенным и задавленным народам, страдающим под пятою немецкого насильника, свободу и жизнь.

И посему-то и православный Царь наш есть, по слову церковных песнопений, Царь крестоносный, воинство – крестоносное, и Крест есть символ нашей борьбы в настоящей брани и вместе символ: «знамение победное» и «оружие непобедимое».

Крест воздвигаем... Крест воздвигаем всю жизнь и всю жизнь, воздвигаем и настоящею бранью, если ведем ее в религиозном воодушевлении, в сознании священной важности подвига, в смиренном уповании, что творим дело Господне и являемся орудием Его промыслительного мироправления.

«Егда Амалика Моисей побеждаше, на высоту руце имея *крестоявленно*, образоваше Христову страсть пречистую», – говорит песнь церковная, указывая на известное историческое событие (Исх. 17, 8–13). Знаем: Моисей иногда на Амалика егда руце воздвизаше, Израиль одолеваше, егда же руце ниспущаше, тогда Амалик побеждаше, поддерживающими же его укреплен, победи врага... (Из акафиста Богоматери).

Пусть и русский православный, христоименитый и крестonosный народ ведет теперь брань, подобно Моисею, с подъятыми к небу и Богу крестоявленно и молитвенно руками, пусть не ослабевает в этом настроении и подвиге, пусть воинство наше до конца пребудет с крестом в сердце и пред очами, в священно-важном настроении духа, а мы, всем народом, будем поддерживать его здесь, внутри Отечества, молитвою, благоговением, трезвением духа и тела, порядком жизни христианской: и поддерживающими укреплен, как новый Моисей, и наш русский воин победит врага. Крест будет – и да будет ему и оружием непобедимым и знаменем победным.

ВОЙНА И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА ДЕЛО МИССИОНЕРСКОЕ¹

Думается, нет нужды объяснять досточтимому собранию, почему нами избран такой предмет речи, как война и ее влияние на дело миссионерское. Все помыслы наши теперь прикованы к войне, все сферы жизни так или иначе или с нею связаны, или на нее отзываются. Не составляет исключения и дело миссионерское.

Говоря так, мы, конечно, не приветствуем войну вообще, как явление желанное или прекрасное. Мы – сыны той Церкви, которая молит о мире всего мира, мы – не последователи кощунственной молитвы германского вождя, который просит «старого немецкого бога» о помощи ему в намерении «добраться до шкуры своих врагов» и «проповедовать евангелие германского бронированного кулака» в языческом Китае.

Мы знаем, что война есть плод греховности человека, война есть своего рода болезнь среди людей. Но чем бы явилось пред нами христианство, если бы в ответ на вопрос, как христианину относиться к войне и как вести себя во время войны, оно, подобно Толстому, заявило бы только одно: что оно отрицает войну? Это было бы вполне подобно и другому аналогичному положению: в ответ на вопрос, как христианину вести себя во время болезни и в виду смерти, вообще на вопрос, как относиться к болезни, смерти – заявить, что мы отрицаем смерть и болезнь.

¹ Доклад 21 сентября 1914 г. в общем собрании Православного Миссионерского Общества в Московском Владимирском Епархиальном доме. (Со световыми картинами).

Это, далее, было бы самым ярким доказательством безнадежной теоретичности и абстрактности христианства и свидетельством, что это – сила бессильная, что это – не жизнь, а отвлеченное теоретическое положение. Но христианство именно есть жизнь, оно отвечает на все вопросы жизни, оно – не теория и не отвлеченность – и это оно доказало двумя тысячами лет существования. Посему-то ясно и точно оно определяет поведение человека во всех его положениях.

С другой стороны, христианство есть громоносное свидетельство и исповедание нашей веры в миродержавный Промысл Господа – и как Господь достигает Своих промыслительных и воспитательных целей по отношению к отдельным людям, между прочим и чрез их болезни и страдания, так равно Он достигает мировых Своих целей и предначертаний посредством войны. Об этом свидетельствует вся история Божественного Откровения. И вот здесь-то и сказывается, какое влияние имели и могут иметь войны на дело миссии.

Живет Израиль в Египте, исходит потом в землю Ханаанскую чрез пустыню Аравийскую; его преследует фараон: и *прослаблюсь*, – говорит Господь, – в фараоне и воинстве его [Исх. 14, 4]. Израиль чудесно переходит Черное море, яко по суху (карт. 1). Господь и зло обращает в орудие добра, и войну неправую, нападение вооруженного войска египетского на беззащитный народ, Он обращает к целям миссионерским: Господь прославился среди египтян; Египет убеждается в силе Единого Бога Израилева; сам Израиль в ней утверждается.

В пустыне Моисей умоляет Господа о победе над амаликитянами (карт. 2); Израиль одолевает врага, который на него напал. Какой результат? Опять, в широком смысле, пред нами

успех миссионерский: племена, обитающие в пустыне, проникаются благоговением к Богу Израилеву, многие кочевники-иноплеменники пристают к стану Израилеву и обращаются к вере истинной.

Война поэтому приобретает священное значение, и так именно смотрит на нее закон Божий, данный Моисею. Перед битвой священники призывают и ободряют народ на подвиг (карт. 3), они входят со святыней скинии, с Ковчегом Завета в воды Иордана (карт. 4), и вода останавливается для прохождения народа Божия; та же святыня обносится вокруг стен Иерихона (карт. 5), этой укрепленной твердыни, которая была ключом к земле Ханаанской, и крепость падает (карт. 6); пред этим, мы знаем, Иисус Навин сретаает Архистратига силы Божией и приемлет благословение на долгую войну, которая была суждена народу Израильскому, пока он займет землю Ханаанскую.

Какой результат этой брани? Опять миссионерский: далеко по языческим царствам Палестины – а их было до тридцати – пронеслась тогда весть о пришествии израильтян, о чудесах силы Господней, явленной среди Израиля, и это одно способствовало покорению земли Ханаанской народу Божию, а такое покорение, в свою очередь, способствует насаждению истинной веры среди ханаанских народов, отличавшихся особенным нечестием язычества, самого отвратительного, давно уже переполнившего меру милосердия Божия.

Раав – уже в Иерихоне из язычества переходит в царство спасаемых в Израиле, и ей дает пощаду Иисус Навин (карт. 7). Иисус Навин потом, после долгой войны, в решительной битве, останавливает солнце над долиною Аиалонской и тем заканчивает битву с хананеями (карт. 8). Эта чудесная победа далеко

вокруг распространяет славу Бога Израилева и духовное влияние Израиля на языческие племена Палестины и окрестных стран. Наступает потом 400-летний период судей, священно-героический период истории Израиля.

Деворра в песни вдохновенной воспеваает Господа за избавление Израиля от врагов, за победу рукою Варака над Сисарою, вождем царя Асорского, и за славу Господню, явленную среди язычников (карт. 9).

То же и Гедеон, муж сильный, в борьбе с мадианитянами и в победе над ними прославляет «меч Господа и Гедеона» (карт. 10), а в результате видим такие примеры, как Руфь, которая, будучи иноплеменницей моавитяночкой, из народа, с которым народ Израильский очень много и долго воевал, так привязывается к своей свекрови Ноемини, что не хочет расстаться с нею после ее и своего вдовства, и переселяется в землю Израилеву, заявивши Ноемини: «Куда ты пойдешь, туда и я пойду. Твой народ будет моим народом, *твой Бог будет моим Богом*» [Руфь 1, 16] (карт. 11). Так говорила не одна Руфь, так говорили многие из язычников-иноплеменников.

Войны с филистимлянами опять были миссионерскими, и прославили имя Бога Единого среди этих жестоких врагов Израиля: когда Ковчег Завета, взятый ими в плен, после того, как навел страх на филистимлян, чудесно из столичного филистимского города Азота возвращается в землю Израилеву (карт. 12); когда Самсон – судия свою смертью показывает силу свою и разрушает капище Дагона, идола и бога филистимского (карт. 13); когда Самуил – судия мира приносит жертву пред грозным сражением с филистимлянами, и Господь сильным громом и молнией наводит на них ужас (карт. 14); когда Давид побеждает

Голиафа – великана филистимского, издевавшегося над Богом Израиля и «проклинавшего Давида идолами своими» (карт. 15); когда Давид завоевал у иевусеев Сион, основал Иерусалим и перенес туда Ковчег Завета в скинию свидения, вновь выстроенную (карт. 16); когда язычники – жители далекого и богатого Тира при Соломоне сплавляют в Яффу деревья для постройки знаменитого храма в Иерусалиме (карт. 17), и Соломон освящает этот храм (карт. 18), переносит Ковчег Завета (карт. 19), окруженный великим сонмом священников и левитов (карт. 20), при чудесном низведении огня небесного (карт. 21), – то разве все это не благовествовало во языцех спасение Бога нашего? Разве царица Савская, приходившая к Соломону (карт. 22), преклонившись пред мудростью его, вместе с тем не преклонилась и пред Богом Израилевым? Разве это все – не миссионерские пути в мировой истории?

Припомним и другие случаи подобного же значения, связанные с войнами.

Израильское царство разрушено, народ обречен на всемирное расселение и рассеяние (карт. 23); пленники в унижении стоят пред царем Ассирийским (карт. 24); но разве израильтяне рассеянные не подготовили мир к ожиданию и принятию Спасителя?

В царстве иудейском Ахаз увлекается идолопоклонством, проводит сыновей своих чрез огонь, поклоняясь идолам (карт. 25); его образумливает пророк Исаия, встречая его на пути к сражению и прорекая о Христе (карт. 26); вера истинная торжествует и богочитание восстанавливается при Езекии (карт. 27); войско Сеннахирима поражается Ангелом Господним (карт. 28)... Результат: Кир-царь после пленения иудеев возвра-

щает сосуды, взятые Навуходоносором из храма Иудейского (карт. 29), свидетельствуя тем преклонение и благоговение пред Богом Единым, и скоро храм второй устрояется в Иерусалиме (карт. 30).

В плену же после страшной и опустошительной войны три отрока прославляют имя Господа чудом в печи горящей (карт. 31), пророк Даниил посрамляет жрецов Ваала (карт. 32), Есфирь обличает Амана (карт. 33): так свершается миссионерское делание Израиля и в победах, и в поражениях.

Александр Македонский ознакомил эллинский мир с верованиями Израиля – и покорение им Иерусалима способствовало тому, что великий завоеватель проникся благоговением к Единому Богу.

Его преемники не следовали ему в этом – и вот священник Маттафия восстает против насильников (карт. 34); победоносными сыновьями Маттафии – Иудою Маккавейским и братьями его в тяжелой, но славной и геройской войне (карт. 35) отстаивается и сохраняется целость и неповрежденность святой веры.

Наступают потом скоро времена римского владычества. Рим железными легионами, многочисленными войнами покоряет вселенную. Сказать тогда: Римская империя, это означало: всемирная империя – orbis terrarum, вселенная (карт. 36).

Что же дали римские войны? Казалось бы, только насилие над народами, стоны, слезы, порабощение?

Да, это было равенство самое печальное – равенство всеобщего рабства. Но Господь соделал чрез Рим то, чего сам Рим менее всего ожидал. Вселенная вся перестала воевать; наступили дни мира; один язык – греческий стал повсюду языком сно-

шений народов; торговля сблизила различные племена, проведенные для войны дороги послужили теперь средством для путешествия и торговых сношений во всем мире.

И кто же воспользовался этими всеми новыми условиями жизни?

Святые апостолы для проповеди Евангелия! Во всех концах мира явилось христианство. Мы перечислим главные города и страны.

Вот *Дамаск*: апостол Павел спасается здесь от смертельной опасности (карт. 37) и бежит в пустыню Аравийскую, чтоб, оттуда возвратившись, идти потом с проповедью во весь мир.

Вот он в *Филиппах* – уже в Европе, в Македонии и, будучи в темнице, крестит стража темничного со всем домом его (карт. 38).

Вот он в *Афинах*, в ареопаге (карт. 39), вот он в *Коринфе* (карт. 40), вот он в *Ефесе* (карт. 41), вот он в *Риме*, где читают христиане его послание (карт. 42), а он сам проповедует, заключенный в темнице (карт. 43). Вот апостол Иоанн на Патмосе (карт. 44).

Воистину, во всю землю изыде вещание их, и в концы вселенная глаголы их! [Пс. 18, 5].

А теперь посмотрим, что делают преемники апостолов в этом мире, принудительно объединенном римлянами после ряда жестоких войн:

В *Херсоне* (карт. 45) видим святого Климента (карт. 46), в *Смирне* – Поликарпа (карт. 47), в *Карфагене*, в Африке – святого Киприана (карт. 48), в *Армении* – святого Григория (карт. 49), в *Грузии* – святую Нину (карт. 50). И Армения, и Грузия принимают христианство именно после войны и победы Константина над

Ликинием, когда стало ясно, что христианское войско победило. В Александрии видим святого Афанасия (карт. 51).

Видим, Константин Великий после страшных и долгих войн, соделавшись единодержавным, воздвигает Крест, сооружает знамя воинское с Крестом (карт. 52) и распространяет христианство во всем мире.

Юлиан Отступник, поклявшись после Константина уничтожить христианство и восстановить язычество, гибнет на войне с персами (карт. 53), а его преемник, Иовиан, возвращается назад после победы над теми же персами и уже повелевает нести Крест пред собою: знак нового торжества христианства в мире.

Златоуст оканчивает жизнь на Кавказе, в Абхазии, сосланный воинской рукою, и полагает начало проповеди здесь имени Христова (карт. 54); Иоанн Дамаскин, после завоевания мусульман-арабов, пред Калифом становится великим и заставляя его уважать христианство (карт. 55); апостол Андрей у Киева водружает Крест (карт. 56).

Судите теперь сами: влияет ли война на распространение истины Божией, имеет ли она миссионерское значение. Факты говорят сами за себя. Весь мир потрясен войнами – и каждая война вносила что-либо в дело миссии, в дело распространения царства Божия. Так действует и творит свое дело Рука Божия.

Но в особенности и ближе всего нам видны пути Божии в деле миссии на нашей Родине, на истории Святой Руси. Что поставило языческие племена славянские в соприкосновение с православно-христианскою Византией? Войны и набеги.

Ученые полагают, что явление Покрова Божией Матери в церкви Влахернской, в Царьграде, было во дни нашествия славян, наших предков, на Константинополь в IX в. Пораженные

чудесами, многие из них крестились, и во всяком случае, в глубь южных европейских степей они принесли и внесли весть о величии Бога христианского.

Убиение Аскольда и Дира (карт. 57) уже показывает, что в Киеве было христианство; договор греков с киевлянами во дни Олега (карт. 58) предусматривает клятву части киевлян у церкви святого Илии. Все эти и военные столкновения с Византией и, как результат их, сношения мирные приводят святую Ольгу к признанию превосходства веры Христовой, и мы видим ее в Царьграде пред патриархом (карт. 59), видим ее потом уже в положении миссионера (карт. 60), когда она уговаривает своего сына Святослава принять христианство.

Что было страшнее для России монгольского ига, когда война, в сущности – истребление русского народа и опустошение его земли – длилась десятилетиями? Но и мученики в Орде, как, например, святой князь Михаил Тверской, его предсмертная молитва и исповедь (карт. 61), его смерть (карт. 62), и мученики на западе, например, в Вильне (карт. 63), и покорность великого князя Александра Невского в Орде (карт. 64), когда дело не касалось религиозной целостности православного русского народа, и стойкость его пред немцами в страшных воинских столкновениях, когда он поражает Биргера (карт. 65), когда силы небесные приходят на помощь святому князю (карт. 66) в страшном походе с немцами (карт. 67), когда он отвергает меч папы Иннокентия, предлагаемый на защиту от врагов (карт. 68), лишь бы не отдать русский народ в духовный плен католичеству, гораздо более опасный, чем татарское порабощение, – ибо все православные племена были и остаются рабами, а православные свободны: все это воинствование сопровождалось успехами

миссионерства или в смысле распространения святой веры, почтения к ней со стороны врагов, или в смысле сохранения ее в русском народе и защиты ее от враждебных поползновений.

Что такое движет русских на север и восток Европы и далее в глубь Азии? Отвечаем картинками историческими: святой Стефан среди зырян, пермяков и вогул бесстрашно уничтожает языческие божества (карт. 69), вступает в спор с волхвом Камою (карт. 70) и посрамляет его, заставляет его удалиться и уступить свое влияние новому – христианскому; схимник Пересвет в день Куликовской битвы поражает татарского богатыря (карт. 71), самая Куликовская битва (карт. 72) заставляет Мамаю признать величие Бога христианского; видение Тамерлана (карт. 73), последующая затем встреча Владимирской иконы Богоматери в Москве (карт. 74) – все это показывает, как ханы проникались уважением к христианству, и святой Алексий митрополит, исцеляя Тайдулу (карт. 75), не вносят ли еще ранее то же настроение в ханскую ставку?

Ермак в битве в Сибири (карт. 76): но это не разбойник, как хотелось бы некоторым его назвать. Мы видели знамя его в городе Омске: на нем святой Георгий побеждает дракона, а Ермак – Кучума – знак, что своему походу Ермак придавал религиозное значение; такое же знамя Ермака и в Москве, в Оружейной палате (карт. 77). Христианство быстро проникает после Ермака в Сибирь.

Идет война царя Грозного с Казанью: взрыв Казанской башни (карт. 78) отдает в руки Грозного царя татарского Едигера (карт. 79), и царь торжественно вступает в Казань (карт. 80): по-видимому, чисто политический успех Московского князя. Но знамя Грозного (карт. 81), но храм-памятник «взятая Казанско-

го» в Москве, наш чудный Покровский собор святого Василия Блаженного (карт. 82), и напряженная деятельность миссионерская во всем Казанском крае, кафедры епископские в Казани и Астрахани, построение там храмов и монастырей, Крещение татар и других инородцев десятками тысяч – все это не ясное ли, не разительное ли доказательство, как Господь и путями воинскими устраивает пути мирные для распространения славы Креста и Евангелия?

Война с Польшей дала нам Малороссию и сохранила в ней Православие. Переяславская казачья рада (карт. 83) и присяга казаков на подданство Москве (карт. 84) сохраняет и Православие в Малороссии.

Взятие Эрзерума (карт. 85), взятие Карса (карт. 86), война с Турцией, пленение Шамиля на Кавказе (карт. 87) что дали? Силу и славу Православия в Турции и на Кавказе. Вели мы русско-японскую войну – как разумел ее русский народ? Конечно, как войну против язычества (карт. 88). Мы не победили. Но спросите и скажете: разве с Японией не случилось того же, что некогда с монголами, поработителями России? Разве она не приняла в сущности христианскую культуру, христианское право и уклад жизни христианских народов? Что это значит – празднование *воскресенья* в Японии и учреждение японского *Красного Креста*? Внешне не побежденная, внутренне Япония постепенно подчиняется христианству...

Сибирь и Дальний Восток в истории своего христианского просвещения ясно показывают, как вслед за воинством двинулась туда и рать духовная миссионерская.

Уже в начале XVIII века видим мы святого миссионера Иннокентия Иркутского (карт. 89), и наблюдаем миссионерские

усилия Русской Церкви внести свет Евангелия в среду инородцев (карт. 90). Дальнейшее развитие миссии всем известно.

Вот Алтайский миссионер, знаменитый архимандрит Макарий (Глухарев) (карт. 91), другой Макарий, тогда иеромонах, с инородцем Василием трудящиеся над переводами священных и богослужебных книг (карт. 92), – ныне это наш Московский митрополит; алтайцы спешат к нему, когда и теперь заслушат о его проезде (карт. 93); имена архиепископа Владимира, протоиерея Ландышева и других незабвенны в истории миссии (карт. 94).

Вот забайкальские миссионеры вместе с бурятами трудятся тоже над переводами (карт. 95) и проповедуют слово Божие (карт. 96).

Корейцы, переселившиеся в Россию, тысячами присоединяются к Православию, особенно после японской войны; здесь они образуют правильные приходские общества (карт. 97), имеют церкви и школы (карт. 98).

На далеком Сахалине инородцы крещены и образуют особые приходы (карт. 99), на Камчатке (карт. 100) видим то же самое (карт. 101); там теперь имеется миссионерская второклассная школа (карт. 102), и местная администрация вместе с служителями Церкви заботится о просвещении инородцев светом слова Божия (карт. 103).

В Китае восстание боксеров, по-видимому, истребило с лица земли тех православных, в числе 250 человек, которые были в Пекине; но война наша с Китаем способствовала тому, что дело наше миссионерское возросло теперь в сто крат: миссионерское подворье теперь занимает огромное пространство, бывшие дворцы мандаринов обращены в храмы (карт. 104), кра-

суется русская колокольня с доброзвучными колоколами, возвещающими Пекину о Православной Церкви (карт. 105); во главе миссии стоит епископ (карт. 106), миссия переносит работу свою и в Шанхай, и из малой комнаты-церкви (карт. 107) вырастают и благотворительные учреждения (карт. 108), и прекрасная церковь (карт. 109).

Нужно ли говорить о Японии? Там и до войны вознесся к небу своими величественными и увенчанными крестом куполами храм Воскресения Христова (карт. 110), явились священники из японцев (карт. 111), и во главе их наш русский архиепископ Николай (карт. 112), явились и проповедники-катехизаторы из японцев (карт. 113), женщины принимают участие в проповеди христианства (карт. 114), и архиепископ, пользующийся великою любовью японцев (карт. 115), открыто совершает богослужение в главном городе империи (карт. 116). Но и война наша с японцами, вопреки мрачным ожиданиям и приказаниям, не воспрепятствовала делу миссии. Японские солдаты и офицеры из православных шли в храмы, освящались таинствами, прежде чем отправиться на поле брани (карт. 117), убитые православные воины из японцев также дороги японской миссии (карт. 118), и их поминают и теперь молитвою; японцы сами старательно охраняли нашу миссию во время войны (карт. 119), сами ставят в Порт-Артуре над могилами наших воинов памятники русской доблести и бесстрашию (карт. 120). Мы теперь безопасно в том самом Токио, где 10 лет назад лилась кровь христиан, собираемся на миссионерские совещания (карт. 121), совершаем крестные ходы, а погребение архиепископа Николая (карт. 122 и 123) привлекло и японцев-язычников, даже во главе с умершим

ныне микадо, к тому, чтобы воздать поклонение памяти этого великого миссионера.

И на Дальнем Востоке мы видим теперь прочно осевшую церковную жизнь, в тех же формах и проявлениях, как и во внутренней, тысяча лет уже пребывающей в христианстве России (карт. 124, 125, 126); последний миссионерский общесибирский съезд в Иркутске (карт. 127) показал, что в Сибири не осталось уже ни единого уголка, где бы не раздавалась проповедь православного миссионера. Таковы успехи миссии в Сибири и в сопредельных с нею странах в те триста лет, когда Россия шла на восток, завоеывая обширные пространства территории Азии, вынуждаемая к тому повелительною историческою необходимостью.

Ведем и ныне мы войну. Если Господь благословит наше оружие, славяне закончат свое освобождение и объединение; Православие получит доступ туда, где насилием введены католичество и уния. Русский народ восстанет в новом величии пред миром; сломлен будет его вековой враг: но разве Церковь, воспитавшая русский великий народ, не возвысится пред всем миром? Если теперь сами немцы, в лице своих серьезных обозревателей войны, заявляют, что «русская армия воюет, соблюдая все нравственные правила», что это «создает к ней всеобщее уважение», то не звучит ли здесь косвенное признание, что немецкий пастор и патер, по справедливому замечанию одного русского автора, оказались гораздо ниже в деле воспитания народа в христианском духе, чем скромный православный священник, ибо немцы, как раз наоборот, своими зверствами на войне и во время войны внушили к себе всеобщее «неуважение»?

Знаем, что война сильно отразится на делах нашего Миссионерского Общества; сократится прилив пожертвований на дело миссии, которые уйдут на дело призрения больных и раненых воинов; временно ослабнет и самое миссионерское дело. Совет Миссионерского Общества все это предвидит.

Но да свершится воля Божия! Молим Господа, да увенчает Он победами нашу правую и вынужденную брань, да возвеличит Он имя православного народа и воспитавшую его Православную Церковь, да возсияет свет Православия над всем славянством!

Оживится жизнь нашей Родины после войны, оживится жизнь и Православной Русской Церкви, и тогда – да украсится она лучшим украшением – новым подъемом миссионерского одушевления и новыми успехами апостольско-миссионерского своего дела!

Приложение.

Список световых картин к докладу.

1. Гибель войск фараона в Чермном Море (Исх. 14, 28–29).
2. Молитва Моисея о победе (Исх. 17, 12).
3. Священник, говорящий народу перед сражением.
4. Переход израильтян через реку Иордан (Нав. 3, 14–17).
5. Падение Иерихона (Нав. 6, 19).
6. То же.
7. Иисус Навин щадит жизнь Раав (Нав. 6, 24).
8. Иисус Навин останавливает солнце (Нав. 10, 12–14).
9. Деворра прославляет Бога за дарованную победу (Суд. 5).
10. Поражение Гедеоном мадианитян (Суд. 7, 9–25).
11. Привязанность Руфи к Ноемини (Руф. 1, 16).
12. Возвращение Ковчега Завета из филистимского плена (1 Цар. 6, 13).

13. Смерть Самсона (Суд. 16, 25–31).
14. Пророк Самуил приносит жертву при нападении филистимлян (1 Цар. 7, 9).
15. Давид побеждает Голиафа (1 Цар. 17, 49–51).
16. Перенесение Давидом Ковчега Завета на гору Сион (2 Цар. 6, 1–5).
17. Тиряне сплавляют по морю деревья ливанские в Яффу (2 Пар. 2, 16).
18. Общий наружный вид Соломонова храма.
19. Перенесете Ковчега Завета в новопостроенный храм (3 Цар. 8, 6).
20. Священники и левиты при освящении Соломонова храма (2 Пар. 5, 12–13).
21. Ниспадение Небесного огня при освящении Соломонова храма (2 Пар. 7, 1).
22. Соломон принимает царицу Савскую (3 Цар. 10, 1, 13).
23. Насильственное выселение израильтян по разрушении Самарии в Ассирию (4 Цар. 17, 6).
24. Еврейские пленные перед царем Ассирийским.
25. Ахаз, переводящий детей своих через огонь (2 Пар. 28, 3).
26. Пророк Исаия с сыном встречают Ахаза (Ис. 7, 3).
27. Восстановление истинного благочестия при Езекии (Ис. 36, 7).
28. Истребление войска Сеннахирима под стенами Иерусалима (Исх. 37, 36).
29. Возвращение Киром сосудов иерусалимского храма (1 Езд. 1, 78).
30. Сооружение второго храма (1 Езд. 3, 8–9).
31. Три отрока в вавилонской печи (Дан. 3, 9–24).
32. Пророк Даниил посрамляет жрецов Ваала (Дан. 14, 1–23).

33. Есфирь обличает злобные замыслы Амана (Есф. 7, 3–6).
34. Маттафия убивает осквернителя святыни (1 Мак. 2, 1–25).
35. Иуда Маккавей пред войском Никанора (1 Мак. 7, 25–50; ср. 2 Мак. 15, 33–35).
36. Карта Римской империи.
37. Бегство апостола Павла из Дамаска.
38. Темничный страж перед апостолами Павлом и Силой (Деян. 16, 30).
39. Апостол Павел пред ареопагом.
40. Эллины наносят побои начальнику синагоги Сосфену (Деян. 18, 17).
41. Святой апостол Павел проповедует в Ефесе.
42. Чтение в Риме послания апостола Павла.
43. Апостол Павел, находясь в узах, учит приходящих к нему (Деян. 28, 30).
44. Иоанн Богослов на острове Патмосе.
45. Город Херсон.
46. Святой Климент.
47. Кончина святого Поликарпа.
48. Священномученик Киприан Карфагенский.
49. Священномученик Григорий, просветитель Армении.
50. Святая Нина.
51. Святитель Афанасий Великий.
52. а. Константин Великий воздвигает Крест.
52. б. Его labarum.
52. г. Labarum. (Другой рисунок).
53. Смерть Юлиана Отступника.
54. Кончина святого Иоанна Златоуста.
55. Иоанн Дамаскин пред калифом.
56. Апостол Андрей водружает крест на торах Киевских.

57. Аскольд и Дир (убиение).
58. Олег.
59. Царьградский патриарх благословляет Ольгу.
60. Ольга уговаривает Святослава принять христианство.
61. Предсмертная исповедь князя Михаила Тверского.
62. Смерть князя Тверского в Орде.
63. Виленские мученики.
64. Русский князь перед ханом.
65. Александр Невский и Биргер.
66. Видение Пелгусия.
67. Ледовое побоище.
68. Александр Невский отвергает послов и предложение папы Иннокентия.
69. Святой Стефан рубит прокудливую березу.
70. Состязание святого Стефана с вождем Камою.
71. Схимник Пересвет и татарский богатырь.
72. Куликовская битва.
73. Видение Тамерлана.
74. Встреча Владимирской иконы в Москве.
75. Исцеление Тайдулы.
76. Ермак в битве.
77. Знамя Ермака, хранящееся в Оружейной палате.
78. Взрыв Казанской башни.
79. Сдача Едигера.
80. Грозный вступает в Казань.
81. Знамя Грозного, хранящееся в Грановитой палате (выработанное вновь).
82. Храм Василия Блаженного.
83. Переяславская казачья рада.
84. Присяга казаков на подданство русскому царю.

85. Взятие города Эрзерума.
86. Штурм Карса.
87. Сдача Шамиля 1859 года 25 августа.
88. Чтение манифеста о войне с Японией у Аничкова моста.
89. Святой Иннокентий Иркутский.
90. Миссионер среди инородцев.
91. Архимандрит Макарий (Глухарев).
92. Иеромонах Макарий, впоследствии митрополит Московский, с алтайцем-переводчиком Василием.
93. Алтайцы спешат встречать митрополита Макария.
94. Группа алтайских миссионеров во главе с епископом Владимиром (Петровым), впоследствии архиепископом Казанским.
95. Переводчик-миссионер в Забайкалье с бурятами-помощниками.
96. Забайкальский миссионер (архимандрит Ефрем) проповедует в Иргенском стане.
97. Владивостокская корейская православная община.
98. Корейская школа.
99. На Сахалине – миссионерская поездка архиепископа Евсевия.
100. Камчатка, Авачинская бухта и г. Петропавловск.
101. Архиепископ Евсевий Владивостокский в г. Петропавловске.
102. Закладка второклассной школы на Камчатке.
103. Группа местных деятелей на Камчатке.
104. Китай. Церковь в бывшем китайском доме.
105. Колокольня в Пекинской миссии.
106. Начальник Пекинской миссии епископ Иннокентий среди русских и православных китайцев.
107. Храм в Шанхае в первоначальном виде (в комнате).

108. Детский приют в Шанхае при православном миссионерском стане.
109. Современная церковь Богоявления Господня в г. Шанхае.
110. Храм Воскресения в Токио.
111. Отец Павел Савабе с сыном-священником.
112. Архиепископ Николай с японцами-священниками.
113. Архиепископ Николай с японцами-катехизаторами.
114. Архиепископ Николай среди японских православных женщин, сотрудниц миссии.
115. Депутация японская у архиепископа Николая.
116. Архиепископ Николай с многочисленным собором японцев-священников совершает богослужение в Токийском соборе.
117. Японский офицер, отправляясь на войну, причащается Святых Таин в Токийском соборе.
118. Православный офицер-японец, убитый на войне (из Сборника Японской миссии).
119. Японцы охраняют здание миссии в Токио во время русско-японской войны.
120. Японцы ставят памятник-часовню русской доблести на могиле порт-артурских героев.
121. Группа миссионеров в Токио.
122. Процессия погребальная на улицах Токио при погребении архиепископа Николая.
123. То же.
124. Крестный ход в Уссурийском крае.
125. Крестный ход у врат Уссурийского Николо-Троицкого монастыря.
126. То же. В виду обители.
127. Иркутский общесибирский миссионерский съезд в 1911 г.

ИСТОРИЧЕСКАЯ НЕПРАВДА¹

Наконец-то, обитель Высоко-Петровская имеет храм во имя святых Петра и Павла! Удивительное дело: как чутко народное сердце, как настойчиво народ ищет осуществления того, что он считает справедливым по отношению к тем или другим историческим своим деятелям! Обитель Петровская есть место прославления великого первооснователя славы и силы нашего древлепрестольного града, святого митрополита Московского Петра. Но справедливость требует сказать, что все величие монастыря, все эти прекрасные храмы, все вклады, все заботы о возвеличении значения монастыря принадлежат императору Петру Великому. Многим ученым это неизвестно, но народному сердцу и народной памяти ведомо, и народ церковный по своему это выразил; праздник святых первоверховных апостолов Петра и Павла, день именин Великого Петра, сам собою стал одним из самых торжественных праздников обители, наиболее чтимым, и он привлекает всегда великое множество народа. Между тем, храма и престола в честь святых апостолов не было... Ныне все то, что предугадывалось в течение долгого времени смутным и чего-то искавшим народным чувством, закрепляется созданием этого святого храма и нового, доселе не бывшего престола во имя святых апостолов. День их памяти и прославления есть вместе и день воспоминания об императоре Петре Великом, преобразователе России. Так заглаживается ныне здесь историческая несправедливость.

¹ По поводу освящения нового храма святых апостолов Петра и Павла в Московском Высоко-Петровском монастыре, 22 сентября 1914 г.

Но нам, в виду переживаемых теперь общественных настроений, – естественно, хочется загладить и другие исторические несправедливости по отношению к великому Государю.

Мы знаем, что его склонны упрекать в религиозной холодности вообще и, в частности, в пренебрежении к православной Церкви и православному благочестию. Без сомнения, есть тени на его имени в этом отношении, но надобно сказать по справедливости, что пред нами не одни темные стороны, есть много и светлых. Великий царь был верующим человеком и церковным человеком: это тоже не подлежит никакому сомнению. Не надобно забывать, что часто изменническая борьба против царя прикрывалась именем благочестия и ревности по вере, и поэтому трудно разделить, где и с его стороны было преследование измены, и где неуважение к ревности о вере. Но мы и то знаем, что знаменитая дубинка Петра была не раз на спине и тех, кто в его присутствии осмеливался говорить кощунственные и вольные речи о религии. Этого он не терпел. А монастырь Петровский говорит нам о глубоком православном благочестии Петра Великого. История возникновения и благолепного украшения почти всех его храмов тесно связана с именем Петра Великого. Юным царем, соправителем своего брата Иоанна (8 мая 1690 г.), Петр уже присутствовал здесь при таком же торжестве, какое мы совершаем сегодня, – при освящении церкви во имя святого Петра митрополита. А впоследствии здесь он воздвигает все величественные храмы: и Боголюбский – в поминовение своей матери, и Сергиевский – в память своего спасения в Сергиево-Троицкой Лавре от стрелецкого бунта; им же возобновлен храм Покровский, устроена величественная колокольня и «зиждемый, яко град», монастырь обстроен крепкою оградю.

Здесь красноречивое свидетельство преданности Государя святой православной вере. Есть оно и в той стране, которую Россия теперь только что завоевала: в г. Ярославле, в Галиции, гостил Петр Великий у польского короля и настойчиво просил и требовал, чтобы униатский митрополит Шептицкий, предок нынешнего униатского митрополита графа Шептицкого, яростного врага Православия, прекратил преследование православных, закрытие православных братств и т. п. Великий Царь был защитником Православия!

Упрекают далее Петра Великого в насаждении иноземщины, в подавлении всего русского. И с этой стороны на имени Петра, конечно, много темных теней. Такие обвинения звучат, конечно, особенно выразительно теперь, когда мы во дни войны с Германией увидели воочию, как неразумно, опасно и унизительно для нас преобладание немцев в нашей русской жизни. Но и в этой области да будет позволено указать на значительные преувеличения и недоразумения, да будет позволено также восстановить историческую правду. Пылкий, решительный, страстный и настойчивый нрав Царя часто переходил границы, по мере встречаемых препятствий и силы сопротивления, в насаждении иноземщины в России. Но, несомненно, Петр любил Россию, сам был русским, не переделался в немца. Ведь не из ненависти, не из презрения к России он вступил на путь своих решительных преобразований. Он понимал историческую необходимость идти в уровень с Европой в области практических знаний, и особенно воинского искусства; он понимал, что именно без этого России и русскому народу грозило бы полное поглощение теми же самыми немцами и шведами. Если бы не военная реформа Петра, теперь не было бы нашей доблестной

и искусной армии, равной, а часто и превосходящей по воинскому обучению армию германскую, нам враждебную. И еще здесь надо прибавить: тех злоупотреблений, которые были после Петра Великого, в смысле подавления русских людей немцами, нельзя ставить в вину самому Петру. В его планах мы видим, наоборот, одно стремление: в тех учреждениях, которые он вводил в России по иноземному образцу, – например, в коллегиях, – он всегда и неизменно во главу ставил русского, а ему в помощники давал немца, чтоб он учил русского, пока была нужда в учении. Цель Петра, очевидно, состояла в том, чтобы с течением времени все передать в русские руки, – и не его вина, что последующее время ушло слишком далеко от этой цели и даже до сегодня... Снимем часть, – и значительную часть, – вины и укора и в этом отношении с имени великого Петра!

С такими мирными и благодарными чувствами к Царю-Преобразователю свершили мы ныне наше торжество святое, воздвигли храм. Да будет он памятником Государю, как ктитору святых обители сея, да будет и молитвенным поминовенным даром монастыря в вечную ему память!

ИСТИННЫЙ ПОДВИГ ЛЮБВИ К ОТЕЧЕСТВУ¹

Благослови, преподобный отче Сергие, в нынешний день, в нынешних чрезвычайных обстоятельствах и настроениях, переживаемых православным русским народом, взять у тебя, великого и святого патриота, великого воспитателя русского народного духа, потребные ко времени уроки и наставления.

О, сколько войн, сколько всенародных опасностей, сколько туги и скорби народа, сколько тягостей общественных и государственных видела после кончины преподобного своего игумена обитель Сергиева! Но сохранить при всем этом мир и молитвенное настроение обители спасающихся; но хранить незлобие во время военной брани; но поднимать голос увещания воинам и звать их к вере, покаянию, бодренности духа, трезвению тела, к целомудрию, к справедливому и милосердному отношению к врагам; но пребывать в мире сердца и в устремлении духа к Богу даже тогда, когда под стенами Лавры стоят враги и покушаются истребить ее с лица земли: скажите, поведайте, ответствуйте – разве это не последование заветам преподобного Сергия, разве это не влияние его духа, разве это не высокий пример того, как надобно свершать подвиг служения родному народу?

Возьмем же от духа Сергиева и от духа учеников и последователей Сергиевых себе наставление в настоящие дни брани и подвига для Отечества.

¹ В день памяти преподобного Сергия Радонежского, 25 сентября 1914 г.

Любил ли преподобный Сергий свое Отечество? Подвизался ли за него?

Любил он Родину земную, но не больше Родины Небесной. Любил князя, но не больше Бога. Хранил законы государства, но не больше, не выше законов Христовых. Радовался славе родного народа, но не до забвения славы Божией. Радовался и победам его над врагами-поработителями, но радостью не животн-злобною, а разумною, духовною, умеренною, исполненною плодов благих. Благословлял и князя и воинство на брань, предрек и победу над Мамаем, дал и иноков в стан русских воинов, прислал князю-воителю пред самой битвой роковою благословение, просфору, ободрение и призыв к бранному подвигу: однако, во всем действовал, глагодал, мыслил, чувствовал, как воин Христов прежде всего, и потом уже и как любящий сын своей Родины.

У келлии преподобного Сергия стоял пред ним некогда великий князь Димитрий Иванович, прося благословения на битву с Мамаем. Ополчалась тогда вся русская земля; людны, конны, оружны, с удивительным единодушием, стройно и дружно, спешно и бодро шли полки за полками со всех русских городов к Москве; все знали, что предстоит великая битва, которая должна решить вопрос о свободе государственной, а главное – о свободе духовной для русского народа. Да, и духовной свободе нашей уже тогда грозила опасность! Знаем, как предки наши ценили ее. Святой князь Александр Невский, пока татары были язычниками и не покушались на веру русских, даже уважали ее, готов был смириться и, действительно, смирился пред страшною силою ханов. Он ездил в Орду на поклон, он ездил с великими опасностями жизни и в далекую Монголию. Но с немцами,

которые хотя и были христианами, однако, грозили Православию, которые, по-видимому, были тоже могучими и многочисленными противниками, святой князь боролся изо всех сил. Он знал, что здесь подчинение означало потерю духовной целостности русского народа, грозило ему участью тех славянских племен, которые жили в теперешней Пруссии, но, потеряв свою веру, так онемечились, что забыли свой язык, свое племенное происхождение и погибли и для Православной Церкви, и для всего славянства.

Ко времени князя Димитрия Ивановича многое изменилось в Орде: ханы приняли мусульманство, прежняя терпимость их к Православной Церкви и даже уважение к ней сменились фанатическим желанием ввести ислам и в России, объединив татар и русских в одной вере, воспользовавшись знаменитой всеуравнивающей силою мусульманства, которую арабы и турки опытно проявили уже и в Персии, и в Малой Азии, соединив духовным союзом веры племена, совершенно чуждые одно другому по языку и крови. С другой стороны, Мамай шел, чтобы дать своим полчищам и возможность пограбить русские города и селения, уже тогда безмерно более богатые и благоустроенные, чем татарские кочевья. «Разорить Русь, святые церкви и дома пожечь, заставить всех принять веру мусульманскую», – так представлялась русским князьям и народу цель нашествия Мамай.

Но все же хан был властителем Руси. От хана принимали власть и княжение русские князья. От хана они поставлялись. Хану они обещали покорность и верность. Как же быть с этим долгом совести? К тому же давно татарская сила считалась непобедимою; почти двести лет русские были под игмом, привыкли к нему и думали, что сломить его невозможно. Наконец, в слу-

чае поражения, неисчислимыя беды грозили Руси, и естественно, были такие советники у князя, которые советовали лучше терпеть настоящее худое, чем впасть в будущее безмерно худшее.

В таком смятении чувств стоял князь в обители Сергиевой пред лицом святого игумена и вопрошал: «Противостать ли мне лютому врагу?» Тут помолились все, и преподобный Сергей разрешил недоумения и веры, и мысли, и чувства, и нравственного сознания великого князя.

«Чего ищет Мамай и чего он хочет? – спросил преподобный. – Если ищет золота: дай. Если ищет чести: тоже дай. Но если грозит вере и души спасению: то за веру Христову и Церковь Божию нам подобает душу свою положить и кровь свою пролити»...

Так разрешился вопрос. Христианский народ защищается, а не нападает. Христианский народ защищает духовные сокровища свои, а не земные стяжания. Христианский народ идет на брань, помышляя умереть за Бога, Церковь и Родину, а жизнь и победу отдает в волю и руце Божии. И преподобный Сергей «вооружил князя верою и молитвою», дал иноков Пересвета и Ослабя, которые и умерли на брани... «Подобает тебе, княже, заботиться о стаде, порученном тебе от Бога, и выступить против безбожных», – так сказал князю святой Сергей при всех, а после наедине и еще присовокупил: «Иди, господине, небоязненно; Господь поможет тебе против безбожных; победишь врагов своих». Когда же сошлись воинские рати, наша и татарская, на Куликовом поле, утром, пред битвою, в праздник Рождества Пресвятой Богородицы, предстали пред князем посланные от преподобного Сергия иноки: святой игумен передал князю бла-

гословение Пресвятой Троицы, прислал Богородичную просфору, прислал и грамоту, в коей опять утешил князя надеждою на помощь Божию, и вновь предрекал ему победу.

Победу послал Господь русскому воинству. Что же преподобный Сергей? Во время самой битвы преподобный собрал всю братию и с нею вместе непрерывно молил Бога о даровании силы и победы русскому воинству. Он духовными очами как бы видел все, что совершалось на поле Куликовском, называл имена павших в сражении: «Котории от христиан храбрии воины убиени быша, по имени сказа, и приношение о них Богу принесе: о всем бо ему откровено бе от Бога»¹. Молитвою благодарения за победу, молитвою за оставшихся в живых и поминовением убитых воинов, советом построения обители Пресвятой Богородицы (Дубенской) святой игумен встретил возвратившегося к нему после страшной битвы князя Дмитрия Донского...

Не ясны ли нам теперь уроки и наставления твои, преподобный отче Сергие?

Ведем мы ныне войну: но не мы ее начали. Не мусульмане идут на нас, но характерно для немцев, что в Европа не нашлись у них союзники среди христианских народов, а готовы стать на их сторону только мусульмане – турки. Желают враги и разорить страну нашу, не прочь расстрелять и храмы наши, не прочь и кощунствовать над святынями христианскими, что мы видели в Калише, Ченстохове, в Реймсе. Есть и для чистоты веры нашей опасность: Австрия давно гонит Православие в Галиции, навязывая русским унию с католичеством, и не напрасно, всего через неделю завоевания Львова, в этом городе и во-

¹ Четьи-Миней, 25 сентября.

круг него народ русский тысячами возвращается в Православие из насильственной унии.

Ненависть и презрение немцев к духовному укладу русского народа такова, что они не хотят признать, не хотят даже упомянуть о нашей науке, о нашей литературе, и призывают всех намеренно замалчивать наши духовные успехи. Нужно ли говорить о ненависти к Православию того народа, который отверг самые истоки Православия: Апостольское предание в вере и дух смирения в нравственной жизни?

Не станем мечтать и говорить о завоеваниях или приобретениях земельных для России: мы не искали войны, мы поэтому не искали хищнически каких-либо кусков земли. Все это, как и самую победу, предадим в руки Божии, а сами будем готовы только терпеть, страдать, умереть, чуждые ненависти и злобы, исполненные веры и упования и возможной жалости к самым врагам нашим. Пусть победа наша и поражение врагов будут только в воле Божией!

Станем на молитву, сотворим приношение веры, моления к Богу, любви к нашим раненым воинам, заботливости о воинах, на брани подвизающихся! И радость, и скорби войны встретим с молитвою о живых и убиенных, не дадим места в сердце нашем ни жадности, ни злобе, ни мстительности – этим чувствам, для питания которых столь благоприятствует война. Станем выше этих соблазнов и искушений, вооружившись молитвой и христианским нашим сознанием!

Вот уроки, вот наставления, вот заветы преподобного отца нашего Сергия в наши тревожные дни!

ИСТОЧНИКИ ВООДУШЕВЛЕНИЯ¹

Восстанавливается древний крестный ход с иконою Спаса Нерукотворенного, когда-то учрежденный Святейшим Патриархом Никоном. Наступает время, когда все яснее и яснее начинают сказываться Божьи судьбы, Божье благословение на всех делах этого великого и незабвенного церковного деятеля, начавшего путь своего высокого церковного служения в этой обители у Спаса Нового, и с духовного образа, с имени этого Патриарха-труженика и страдальца постепенно спадают укоры, клеветы и поношения. Какая святыня почитается более Иверской иконы в Москве? А она поставлена Патриархом Никоном. Утвердилась и его реформа церковная, слабеет и обессиливает злоба против него раскольников, и уже держится она теперь только по привычке: уверены мы, что в два-три последующая поколения она сойдет на нет. Назревает и усиливается желание восстановления патриаршества: и едва ли найдется время, более благоприятное для осуществления этого желания, чем нами переживаемое и скоро имеющее наступить, когда после победоносной войны русского народа наша родная Церковь сразу возвысится в своем вселенском значении, станет в особо высокое и значительное положение к славянству и ко всему Православному Востоку.

Вместе с тем едва ли найдутся соображения и доказательства в пользу и защиту восстановления патриаршества, более сильные и веские, чем те, которые столь веско и убедительно

¹ По случаю восстановления древнего крестного хода 1847 г. с иконою Спаса Всемилового из Кремлевского собора в Новоспасский монастырь.

высказывал в свое время Патриарх Никон, отстаивая свободу Церкви внутри ее жизни и деятельности... Верим: придет час, и Новый Иерусалим, обитель Иверская и Крестная, памятники творчества Патриарха Никона, также засияют новым светом и обретутся, яко новые святыни, для русского народа. Верим, близки к осуществлению и пророческие предчувствия и упования Патриарха Никона о мировом значении Русской Православной Церкви и о ее первенствующем значении среди Патриархов Православного Востока.

Впрочем, все это говорим между прочим. Не заглядывая особенно пристально в будущее, возблагодарим ныне Вседержителя Спаса нашего за то, что восстановлено хотя бы только настоящее Никоновское торжество! Те, кто заботились, трудились, ходатайствовали о нем, и сами не ведали, к какому исключительному времени промыслительно приуготовил Господь это умиленное восстановление. Оно совпадает с временем великого воодушевления, великого подъема духа народного в дни трудной нашей брани с двумя немецкими сильными державами, к которым готов примкнуть и третий исторический наш враг – мусульманская Турция.

Нужно нам воодушевление. Оно безмерно важнее всяких воинских приемов и усовершенствованных орудий современной войны.

Откуда же взять истинное и прочное воодушевление, откуда оно обычно берется?

Говорим: истинное и прочное воодушевление, ибо знаем, что часто подъем духа быстро сменяется усталостью и разочарованием, и даже чем сильнее и решительнее бывает порыв, тем скорее он падает и идет на убыль.

Люди ищут очень часто и находят искусственные, а иногда и не искусственно вызванные, но воистину гнилые и смертельные источники воодушевления для всякого трудного дела вообще, для войны – в частности.

Что сказать, например, о том, кто обращается к вину, о тех, кто надеются в опьянении и затемнении разума найти побуждение и силы к подвигу и самоотвержению? Страшно боялись и за эту войну; вспоминались нам из времени недавней русско-японской войны пьяные полки запасных, пьяный Харбин, пьяные солдаты на передовых позициях, и роковая ночь предательского нападения на порт-артурские суда, тоже ночь нетрезвая... И что же оказалось? Читаем, что австрийцы и немцы, действительно, пьяными совершали первые свои издевательства над мирными лицами, попавшими за границу для лечения, для путешествия или торговых целей, пьяными идут в бой, пьяными сдаются в плен, пьянству предаются и у себя в боевых окопах, где после их ухода находят горы бутылок из-под спиртных напитков, пьянством вознаграждают себя и тогда, когда занимают без боя беззащитные селения и города. А русский народ внутри России, русские войска на поле брани, слава Богу, каким-то чудом твердо и с радостью стоят на высоте трезвенного подвига.

Замолкли ругательства и дикие хулиганские речи на улицах, не видно безобразных пьяных лиц и качающихся от опьянения прохожих. Как в неделю Страстей Христовых, готовится русский народ к некоей пасхальной радости!.. Дай Бог, чтобы скорее он ее услышал, услышал благовестие почетного и прочного мира! А на войне что? Читаем: «Перешли границу. В первом же немецком городе солдаты нашли погреб, в котором были бочки спиртных напитков, бутылки с дорогими винами. Тотчас бутыл-

ки были перебиты, бочки просверлены, напитки выпущены на землю»¹.

Опьянение – плохой пособник воодушевлению, оно обманывает человека на короткое время только внешним, видимым подъемом духа, а затем способствует тем большей усталости и подавленности духа.

Иные ищут воодушевления брани в ненависти к врагу. Мы видим это теперь в германцах, которые, будучи ранеными и пленными, убивают сестер милосердия и докторов, для них же трудящихся. Велика у них злоба. Но что же в ней христианского? Христианство и в войну вносит начала и чувства мира, любви, справедливости и жалостливости ко врагу; вчерашние враги, по окончании войны и сражения, уже становятся братьями. Что здесь, далее, и просто человеческого? Именно человеческие отношения тем и отличаются от звериных, что они управляются не инстинктивным, бессознательным и животным себялюбием, а нравственным сознанием, благоразумием и хотя бы только естественной справедливостью. Допускает ли все это животную ненавистную злобу, раздражающуюся бессмысленными и ненужными жестокостями по отношению к беззащитным? И к тому же – «злобою сердце питаться устанет»; это слово поэта навеки справедливо; оно не даст и в молодости, и старости источников для подъема духа, и сердце все равно устанет ненавидеть и запросит мира и покоя. Оно не даст достойного воодушевления и в брани.

В *самолюбии* личном или национальном полагают еще источники воодушевления. Нужно ли говорить, что и самолюбие –

¹ «Приходской Листок», № 15, с. 4.

сомнительная добродетель, языческая, недалеко ушедшая от животного идеала? В христианстве – это порок. Нужно ли говорить, что в нем нет ни разумности, ни справедливости, потому что утверждать, что немец потому и велик, что он немец, – это значит становиться по ту сторону разумных оснований, а вместе с тем такими суждениями признавать, утверждать и узаконивать и чужое самолюбие? Тогда падают всякие соображения о том, кто прав и кто не прав в войне, и опять люди обрекаются на положение неразумного животного.

Русский народ и всегда чуждался, а в настоящую войну как будто с особым порывом и духовною решимостью совершенно освободился от этих греховных источников воодушевления и всецело стал на высоте религиозного подъема духа, на сознании правды введомой войны, на сознании долга пред Богом, Родиной, славянством и человечеством, и здесь именно он черпает силы для подъема духа. Воистину, этот источник веры вместе с порывом покаяния и желания чистоты нравственной, что сказалось в прекращении пьянства, – этот источник неисчерпаемый, никогда не идущий на убыль! И пусть он питается и возгревается нашими молитвами, всенародными и крестными ходами, и вместе в них находит и свое выражение. Враги наши не имеют его потому, что чувствуют неправду свою, неправду своих исканий, неправду затеянной войны, а неправда рядом с религиозным воодушевлением не уживается. Но, с другой стороны, если бы враги наши могли или захотели вдуматься только в эти два явления русской жизни – в религиозный подъем всего русского общества и в отрезвление русского народа, то они должны бы были, если хорошо понимают жизнь, только от одного этого прийти в ужас и смятение. Ибо при таком настрое-

нии и поведении народ не может быть побежден, наоборот, ему непременно суждена победа над врагами.

Итак, да будет благословен сей день нашего святого торжества, этого пиршества веры, да будет благословен сей праздник нашего религиозного воодушевления! Пусть оно, это святое воодушевление наше, не падает, не умаляется, не кончается, ибо не подобает и невозможно умалиться тому, что по существу духовно и вечно, неоскудеемо. Пусть не гаснет священный огонь. И время ли теперь ему угасать? Разве скучна и бессодержательна наша жизнь? Разве нет или мало побуждений у нас для высокого настроения, когда пред нами совершаются события, потрясающие не только нас, слабых душою людей, но и весь мир? Каждый день и час мы ощущаем желание подвига, желание чем-либо принять участие в великих и потрясающих мировых событиях, что-либо сделать особое, необычное – нужное для русского народа и для его великого мирового будущего!

Пусть же эти благородные желания освещены и освящены будут святою верою, преданностью Богу и Его Промыслу, любовью к Его Святому Закону! Пусть над всею нашею жизнью предстанет наш сладчайший Спас Всемилостивый, и, пройдя в святой и чудотворной иконе Своей чрез улицы и стогны нашего града, пусть Он проходит непрестанно и живет в наших горячо верующих сердцах!

ЯВЛЕНИЕ БОГОМАТЕРИ¹

В нарочитый и торжественный день праздника нашего по поводу явления Пресвятой Богородицы и покрова ее над молящимися в церкви Влахернской невольно вспоминаются вообще явления Пресвятой Богородицы верующим благочестивым людям и просятся в душу глубокие думы о смысле, о значении и об уроках этих явлений.

Посмотрите, по каким разнообразным обстоятельствам и с какими разнообразными целями они совершаются!

Апостолам по успении Своем является Богоматерь и возвещает то, что единое, в сущности, главное и общее нужно людям: Она дает обетование, что и по смерти Своей Она не оставит мира без Своего покрова и заступления. Все прочие последующие и известные нам в истории явления Богоматери суть только частные случаи исполнения этого общего обетования.

Святой и равноапостольной Нине пред непосильным для девушки подвигом идти и проповедовать Евангелие Христово в диких горах, среди диких племен дикого Кавказа, является Пресвятая Богородица и вручает крест из виноградной лозы в знак Небесной помощи ей от Богоматери в деле благовестия Креста Господня и Евангелия.

Святителю Николаю после порыва ревности его против Ария, уничтожившего Сына Божия, когда за удар, нанесенный Арию под влиянием его хульных речей, отцы Собора запретили святителю Николаю священнослужение, – Пресвятая Богороди-

¹ В праздник Покрова Богоматери, в Покровском и Василия Блаженного соборе, накануне 1 октября 1914 г., за всеюнощным бдением.

ца, явившись, возвращает архиерейский омофор и с ним – право священнослужения и проповедания. Таким образом благословляет Пресвятая Матерь Божия священную ревность о чистоте веры, прощает святителю Николаю естественную для человека крайность действий в преданности истине, ибо лучше быть безмерным в любви к Богу, чем в равнодушии к Нему и к истине.

Преподобному Роману Сладкопевцу является Богоматерь и дает ему свиток на снадение, и он с того времени заполняет наше церковное богослужение, как многоводною рекою, струями вдохновения, великими и многочисленными молитвами и песнопениями.

У нас на Руси является Пресвятая Богородица преподобному Сергию и дает ему обетование милости и покровительства его обители, является преподобному Серафиму менее чем столетие назад и лично ему дает исцеление болезни...

Сегодня вспоминаем дивное явление Богородицы Андрею и Епифанию во время брани в дни нашествия иноплеменных на православный Царьград, в дни опасности от врагов, пришедших в силе воинской на разорение и сокрушение православного народа, города и царства.

Так, действительно, в самых разнообразных положениях, в самых разнообразных условиях жизни и отдельных людей, и целых народов является Пресвятая Богородица на призыв верующих сердец, на вопль верующих душ.

Но если и на Небе, среди небожителей, в Самой Богоматери мы видим молитву к Богу: то не тем ли более должна быть молитва на земле?

О, прииди к нам ныне, Пресвятая Богородица, покрой нас, покрой нашу Россию, покрой наше воинство Твоим Небесным по-

кровом! Ты – вождей и воинов ограждение, Ты – царств православных похвала. Ты – страны нашей православной всемогущая Заступница, Ты – воинства православного Одигитрия – Путеводительница! Не зрим мы Тебя телесными очами, подобно святому Андрею и Епифанию, но зрим Тебя в Твоей чудотворной иконе, верим в Твое Небесное заступление, и этим храмом, некогда воздвигнутым в похвалу Тебе за дарованную русскому царю и народу победу, мы убеждаемся в том, что Ты неотступна от чтущих Тебя и призывающих Тебя в молитвах веры и упования!

Буди и ныне взбранной Воеводой нашего воинства и подаждь ему с небесе победу, Едина Благословенная¹!

Не нам, не нашим земным интересам нужна победа в этой страшной брани, не нами начатой, втянувшей в спор весь мир. Победа нужна святой Руси, явление Небесной помощи нужно ей, как равноапостольной Нине, – для поставленного и указанного свыше мирового дела и призвания, то есть проповеди святого Евангелия; как святителю Николаю, – для сохранения и ограждения истины Православия; как преподобным Серафиму и Сергию, – для покрова тем, кто ищет одного служения Богу и

¹ Не лишним считаем привести здесь для благочестивых людей нижеследующее известие газет в самое последнее время:
«Исключительное по интересу письмо получено от генерала, командующего отдельною частью на прусском театре военных действий.
Написано оно 18-го сентября, почти накануне битвы под Августовом.
Приводим из него выдержку буквально:
«...После нашего отступления наш офицер, с целым полускадром видел видение. Они только что расположились на бивуаке. Было 11 ч. вечера. Тогда прибегает рядовой с бледным лицом и говорит:
– Ваше высокоблагородие, идите.
Поручик Р. пошел, и вдруг видит на небе Божью Матерь с Иисусом Христом на одной руке, а другой рукой указывающую на запад. Все нижние чины стоят на коленях и молятся. Он долго смотрит на видение. Потом это видение изменилось в большой крест и исчезло». После этого разыгралось большое сражение на западе, под Августовом, ознаменовавшееся большой победой».

Ему Единому, да тихое и безмолвное житие поживем во всяком благочестии и чистоте; как Андрею Блаженному и Епифанию, – при виде воздымающихся волн немецкой ярости, ныне вступившей в союз с древним лжеверием врагов православной и мировой империи Византийской.

И верим мы, что, принося Богородице молитвы об избавлении от бед, скоро воспоем мы Ей, как взбранной Воеводе нашей, песни победительные и, яко избавльшеся от зол, – песни благодарственные, подобно первым строителям и создателям этого памятника победы над врагом России, – святого храма сего во имя и славу Покрова Пресвятой Богородицы.

ХРАМ ПОБЕДЫ И ЕГО НАПОМИНАНИЯ¹

*Пожену враги моя и постигну я,
и не возвращуся, дондеже скончаются
(Пс. 17, 38)*

В городе Казани, в котором еще сохранились некоторые памятники от времени царя Иоанна IV Васильевича, покорителя Казанского царства, – воздвигшего в память покорения Казани этот наш чудный собор во имя Покрова Богородицы, – мне пришлось видеть старинное изображение Грозного царя со свитком в руке и со знаменательной на свитке надписью. Надпись эта словами царя-псалмопевца указывает на то, чем царь Иоанн Грозный стяжал победу и славу. Она гласит: Пожену, – я преследую врагов моих, и настигаю их, и не возвращуся, дондеже скончаются, – пока не будет все кончено... [Пс. 17, 39].

Действительно, история говорит нам, что юный Иоанн с первых дней своего царствования считал для себя ниспровержение иноверных и враждебных России царств Казанского и Астраханского делом первым, главным, неперемненным, вопросом бытия самой России. Казань – это была преграда, это был непроходимый для русских заслон в их историческом и неизбежном движении на Восток, а движение на Восток было не только политическим, имевшим значение жизни и смерти для России,

¹ Ко дню Покрова Богородицы, 1 октября 1914 г., в Покровском и Василия Блаженного соборе в Москве.

но и религиозно-цивилизаторским, духовным, мировым. Смутно царь понимал, хотя, может быть, и не мог выразить в точных и определенных словах, что народ не может жить, подобно животному, одними земными и материальными интересами, что он велик и долговечен только тогда, когда имеет пред собою ясно представляемое будущее, и в нем – великие и вечные задачи, когда приобщается к великому и вечному делу.

Человек живет в человечестве и для человечества; для христианина это значит, что он живет в Церкви и для Церкви, то есть не только в общении человеческом, но гораздо выше сего – в вечном союзе и общении богочеловеческом. Россия призвана быть орудием Христовой Церкви, она исторически и географически была поставлена и предназначена к тому, чтобы быть светом для языков, и расширение ее пределов было часто не только бесполезно, но вредно для нее политически, но необходимо для ее апостольско-просветительного назначения и призвания. Иначе она задохнулась бы в пределах узких своих земных интересов и была бы народом-карликом, а не народом-великаном, которому судил Господь великое и мировое дело, великое и мировое призвание.

Вот почему с такою настойчивостью и решимостью царь Иоанн совершает свой поход на Казань: Пожену враги моя и постигну я, и не возвращаясь, дондеже скончаются! Не легкое он предпринял дело. Он знал, что ранее этого походы русских на Казань терпели неудачу, и одна неудача стоила жизни чуть ли не половине воинства. Он знал, что на пути своем встретит он огромные препятствия всякого рода от обреченных политической смерти царств. Он знал, что эти царства будут отстаивать не только свое существование, но и религиозную идею, которую

они воплощали, – идею распространения ислама¹ и борьбы его с христианством. Он знал, что отпор татар будет решительный, и бой ожидается на жизнь и смерть.

Против такой постановки вопроса о войне нельзя было выступать только с животными идеалами, стремлениями и желаниями расширить пределы Московского царства и обеспечить свои пределы от хищников, или приобрести себе новые места колонизации и русского сбыта по привольным берегам Волги, обеспечив, с занятием Волги, завоевание Сибири, а также торговлю с далекою Персией и даже Индией. Все это пришло само собою после «Казанского взятия», но было бы огромною ошибкой думать, что царь Иоанн руководился только желанием достигнуть указанных целей – материальной выгоды и одного политического успеха. Против идеи ислама и он поставил тоже идею, но высшую и сильнейшую, – идею христианской миссии и христианского просвещения. Оттого поход Казанский приобрел в глазах царя и всего народа значение войны в полном смысле священной, религиозной, значение религиозного долга совести русских людей.

Оттого далее царь Иоанн необычайно и несказанно ликовал, именно ликовал после победы и трудного завоевания Казани, и свое торжество выразил опять-таки в формах религиозного воодушевления: в Казани он, немедля, после победы закладывает храмы, монастыри, в один день воздвигает церковь «обыденну», а в Москве строит собор Покрова, единственный доселе и непревзойденный по красоте

¹ Еще Мамай говорил:
«Возьму Русскую землю, разорю христианские церкви, их веру в свою переложу и велю кланяться Магомету; где были у них церкви, там поставлю мечети, посажу баскаков по всем городам русским, перебью русских князей».

и оригинальности памятник церковного зодчества, который в течение столетий оставался самым любимым храмом всего русского народа, самым выдающимся по красоте в Москве, предметом гордости и восхищения всей Руси. Это ликование и чувство царя можно сравнить только с настроением Дмитрия Донского после Куликовской победы, с настроением Петра Великого после Полтавской «преславной виктории». Тьма прошла, день настал для Руси, открылась жизнь духовная, вековечное дело дано народу, будущее раздвинулось до неизмеримых пределов: вот как можно охарактеризовать такие моменты истории.

Итак, собор наш, в который сегодня ради его престольного праздника собрались во множестве благочестивые москвичи, есть храм-памятник победы, храм, напоминающий нам великий исторический миг в жизни нашего Отечества, живой и наглядный как бы проповедник и наставник наш, поучающий нас, как нужно относиться нам и ныне к переживаемым тяжким дням всемирной, а для нас – русско-немецкой войны.

Какая идея руководит нашими врагами? Более низкая, несомненно, чем даже у казанских татар в свое время! Там была хоть ложная, но все же духовно-религиозная задача – распространение мусульманства, победа полумесяца над Крестом Христовым. А здесь, у Германии и Австрии, задачи только низменные, материальные, узко-земные и утилитарные: взять Сербию, присоединить Бельгию, захватить часть России, приобрести землю и рынки для сбыта своих фабрикатов... Лет двадцать пять назад вышла книга «о торжествующей Германии»¹, подпи-

¹ Разумеет Э. Гартмана и его книгу «Germania triumphans».

санная, к стыду для образованного человечества, именем известного философа, который уже разделил Россию и отдал ее земли немцам, исключительно ради прокормления их, а русских прогнал за Урал.

О религиозной миссии Германии не говорится, но в борьбе с Россией нельзя обходить вопроса о Православии, которое составляет душу русского народа и его несокрушимую силу. Надо обезличить русский народ.

Путем для такого духовного обезличения русских философ, сам неверующий и не христианин, избирает лютеранство и лютеранского характера секты, которые быстро будто бы сведут к нулю влияние Православия на русский народ. Идя по таким указаниям, теперешний император Германии отпускал большие деньги на распространение сектантства (штундо-баптизма) в России и даже издавал для сей цели особый журнал в отвоеванном теперь нами городе Львове. Окончательно целью Германии и Австрия нескрываяемо поставляют для себя уничтожение славянства, поглощение его германизмом и через это расширение и усиление могущества немцев.

Таким образом, для России и теперь война предстоит в высшей степени не только трудная, но и жизненная: она касается самого бытия русского народа и славянства. Важна была русско-японская война, к сожалению, мало понятая в свое время русским обществом и злонамеренно, сознательно искаженная в своем смысле и в своих целях внутренними нашими смутьянами. Но все-таки она не грозила в такой опасной форме самому существованию русского народа. Замыслы Германии идут гораздо дальше, чем в свое время замыслы Японии, и по существу своему гораздо опаснее.

Оттого и теперь надобно иметь в виду то же слово, которое стояло пред сознанием царя Иоанна Васильевича Грозного: «Пожену враги моя и постигну я, и не возвращуся, дондеже скончаются». Надобно иметь твердость, мужество, настойчивость, решимость во что бы то ни стало вести и довести войну до конца, не утешая себя никакими ложными надеждами на легкость или скорое прекращение брани, не упоывая на первые победы, собираясь чем далее, тем больше и больше с силами, не жалея никаких средств, никаких жертв. Надобно иметь в виду, что за победоносною войною, и притом доведенной до конечных ее целей, стоит великое будущее России.

Каковы же эти конечные цели? Прочный и достойный мир народов мира, для мирного и духовного преуспевания; освобождение славян и России и других народов Европы от постоянных алчных захватов и покушений зверского себялюбия и жестокости немцев, а паче всего – сохранение Православия нашего, духовной нашей свободы, великого нашего мирового призвания и предназначения: усвоить, сохранить и распространить истину правого христианства.

Война при таких условиях, притом не нами начатая и вызванная, есть не только война за самое существование наше, не только война вынужденная, не только война правая, но и война, имеющая самые возвышенные цели, тоже своего рода крестовый поход против современных гонителей христианских идеалов мирного жития народов мира.

Некогда Пресвятая Богородица явила покров Своей православной Византии ради ее Православия и ради великих мировых задач ее и назначения нести истину Православия народам

Востока и Запада. Она явилась взбранной Воеводою, и даровала победу Византии.

Византия, однако, своими грехами, а больше всего ересями, отступлениями от целостности и чистоты Православия не удержалась в своем призвании, и как только пошла на корыстный союз с Римом и стала торговать самою истиною Православия, она тем подорвала право свое на существование и пала под ударами турок.

Россия явилась преемницей Византии, и покорение царства Казанского было одним из проявлений ее призвания нести истину христианскую народам Востока.

Будем же, по слову апостола, блюсти, како опасно ходим, чтобы подобно Византии не отойти от своего призвания и не потерять великого права пред Господом, права умолять Его о победе; будем хранить, ценить, распространять наше Православие и в нем находить смысл самого бытия нашего народа.

Некогда воздвигся пред изумленными очами наших предков этот величественный и чудной красоты храм победы, наш Покровский и Василия Блаженного собор. Пусть не умолкнут его уроки векам и поколениям: все и начинать, и вести, и заканчивать в Боге и для Бога.

Молись, русский народ, молись, молись, Россия, крепись и мужайся в подвиге и восходи к нему с этим твердым словом боговдохновенного пророка-царя, царя-воителя и вместе псалмопевца: «Пожену враги моя и постигну я, и не престану, – не престану, дондеже скончаются!» Аминь.

ЦАРЮ-ТРУЖЕНИКУ, ЛЮБЯЩЕМУ И КРОТКОМУ¹

Библия повествует нам, что старейшины и все колена Израильского народа после избрания царя Давида, «царя по сердцу Божию и по сердцу народному», явились к нему и сказали: «Вот мы все пред тобою, плоть твоя и кости твои»... (2 Цар. 5, 1).

Трудно более наглядно выразить единение и связь царя и народа, народа и царя.

Русскому народу давно ведома и в вере, и в самой жизни эта истина. «Царь – от Бога пристав», «без царя земля – вдова, без царя народ – сирота», – так по-своему, в присловиях народных он выражает мысль. Но едва ли часто встретятся в истории моменты, когда бы народ наш так глубоко жил одною жизнью с Царем, можно сказать, ежедневно и ежечасно помышляя о нем, – как в переживаемые нами теперь дни.

Двадцатилетие восшествия на Престол Государя Императора застаёт Его в величайший и вещей исторический момент, когда Он, во главе со Своим народом, принял на рамена Свои тяжчайшее бремя разрешения тысячелетних и мировых задач и вопросов, когда Он воистину является пред нами отмеченным Божественным Промыслом, как исполнитель Его велений. Россия вызвана на брань с тремя державами, с трех сторон должна и себя защищать, и освобождать от плена, угнетения, рабства и векового насилия славянские племена, довершая и увенчивая

свое великое православно-христианское освободительное дело среди народов мира.

Противу нашего Царя, как бы Божиим особым указанием, стоят силы и лица, представляющие полную Ему противоположность.

Любовью и кротостью преисполнен наш Государь как Личность. От Него веет духом первых царей Романовых. В труде Он не знает ни усталости, ни отдыха. В обращении и во всей Личности Своей исполнен Он простоты несказанной: весь – искренность, весь – подвиг труда, весь – доступность, весь – отрицание всякой фразы, деланности, фальши, позы или картинности.

Ему, как яркая противоположность, противостоит германский Вильгельм, воплощенная гордыня Навуходносора, заносчивость, дьявольская жестокость, жалкий актер и фигляр на троне, у которого ни одного слова спроста, ни одного движения искреннего...

Удивительною по глубине и смирению христианскою верою и преданностью Церкви Божией блистает кроткая душа нашего Царя.

Ему противостоит издыхающий султан гибнущего мусульманского мира, корчащегося в предсмертных судорогах и безумно воздымающего теперь бессильные руки, чтобы нанести последние удары противу Креста Господня.

И хочется нам сегодня, в памятный для Царя день, сказать Ему голосами всего нашего народа:

«Царь наш любимый! С Тобою весь наш православно-христианский народ, с Тобою Господь, с Тобою Церковь. На рамена Твои Господь возложил тяжелое бремя, но его разделит Небо и земля – Твоя святорусская земля, и понесет его вместе с Тобою!

¹ Слово в день восшествия на Престол Благочестивейшего Государя Императора Николая Александровича, 21 октября 1914 г.

Тебе, как первому кроткому и молчаливому Романову, царю Михаилу Феодоровичу, вопреки человеческим расчетам и предположениям быстро устроившему Русь после смутного времени, – предречено расширить, укрепить, прославить Россию, поставить ее на высоту мировую, во свет языкам, и на новые триста лет обеспечить ее процветание.

Кротким Господь обетовал, что они наследят землю.

Тебе, Кроткому Царю нашему, предречено приять и даровать в достояние России новые земли, на которых почиет благословение православной веры, – этой веры нищих духом, кротких, алчущих и жаждущих правды, милостивых, чистых сердцем и всемирных миротворцев!

Тебе, как второму Романову, тишайшему царю Алексею Михайловичу, предречено увидеть Святую Православную Церковь в новом восходящем сиянии, предречено исполнить неисполненные святые намерения тишайшего царя, в трех столицах – Цареграде, Москве и Петрограде – осуществить величавые упования Святейшего Никона Патриарха, сделав Церковь Русскую возглавляющею весь православный Восток, к себе приявшею Вселенского Патриарха Цареграда.

Наш Любимый, наш Державный! Гряди в осиянии веры и самых заветных чаяний Твоего народа, в осиянии величайших исторических предужазаний и предзнаменований!

В сей день Твоего восшествия на превознесенный престол Твоих Царственных Предков молим мы о Тебе Господа нашего всеми молениями любви, всеми порывами горящего верою сердца: «Дни на дни приложи, Боже, Царю, и лета на лета», – и да свершит Он пред Тобою все, во славу Твою, для насаждения Царствия Божия в мире и во благо народа Своего!» Аминь.

ПРЕСТУПЛЕНИЕ ПРЕД ХРИСТИАНСТВОМ¹

Известно, что знаменитый в своем роде Конт во время прусско-французской войны так был поражен жестокостями немцев, что, не будучи верующим и христианином, однако, верил в христианскую силу воспитания народов Европы и предрекал скоро грядущий мир народов: он уверял, что война та была последней в мире. О жестокостях немцев того времени засвидетельствовала и художественная литература устами Шатобриана и впоследствии – Золя и Сенкевича. Но тогда все-таки мало придавали значения этому свойству немецкого народа: борьба была локализована и казалась лишь частным эпизодом в истории Европы; оттого ее, так сказать, и не использовали для мировых выводов.

Теперь Германия с первых же дней войны постаралась обратить ее в мировую, потому что в движении империализма она, действительно, давно уже далеко вышла за пределы Европы и связала себя с мировыми интересами. Поэтому-то и выводы, на которые нас теперь наводит война, являются более широкими. Пусть бы уж была в войне у немцев одна жестокость! Мы приписали бы ее характеру немцев, жестокому и, так сказать, машинному по силе упрямства; мы могли бы видеть в ней древнюю тактику тевтонов – *furor teutonicus* – имеющую целью устрашить всех и вся и отбить у кого бы то ни было всякую охоту воевать с немцами. Но в настоящей войне гораздо более пора-

¹ По поводу объявления войны России Турцией, по наущению Германии.

жает тот имморализм, который открыто, цинично проповедуется и осуществляется Вильгельмом, и притом в полном единении с немецкими учеными, с представителями общественной жизни и политических партий, не исключая и социал-демократов. По-просту говоря, все ведется бесчестно: захват Люксембурга, нарушение нейтралитета Бельгии, бомбы с аэропланов, бросаемые в храмы и здания, не имеющие военного значения, обстрел Красного Креста и т. п. Немцы ведут себя так, как будто никакого права, никаких связующих действия договоров никогда не существовало и не существует, как будто не было и нет у народа и отдельных людей ни совести, ни нравственности. Получилось впечатление, как будто ни религии, ни христианства для Германии вовсе и не существовало в Европе и в мире. Сравнительно с немцами, японцы десять лет назад оказались прямо джентльменами. Представьте себе человека, который на ваших глазах десятки лет вращался в обществе, казался воспитанным, человеком с «правилами», и вдруг, как только почувствовал себя безнаказанным, – в путешествии, на море, один-на-один в вашем доме и т. п., – обнаружил все свойства форменного разбойника с большой дороги: полез за вашим кошельком, забрал ваши лучшие вещи, раздел вас, избил, оскорбил гнусным образом вашу жену и дочь и т. п. Таково именно впечатление и от поведения Германии после объявления войны.

Последняя выходка Германии в Турции, наконец, с этой стороны переполняет всякую меру терпения. Если в Европе и по отношению к европейским народам Германия явила зрелище полного нравственного одичания, то здесь она является в роли руководительницы мусульманского народа. Оказывается, то самое, что всегда мешало туркам быть европейским народом и

полноправным членом всемирного союза народов, именно отрицание ими, как мусульманами, общих основ морали, преклонение пред одною внешнею силой, – это самое и внушено теперь Турции *христианским* государем. Некогда заключение посла в семибашенный замок в Стамбуле вызывало негодование всего мира: но ведь нападение, вероломное и разбойническое, немцев в фесках на Черном море нравственно гораздо омерзительнее. В языческом Китае, при полном недоверии к нравам народа, безопасность послов европейских держав обычно охраняется особыми отрядами европейских же войск, которые, мы видим, в 1900 году, действительно, исполнили свое назначение. Не придется ли теперь ставить послов европейских держав в такое же положение и в Берлине?

Да, пред христианством Германия совершила незамолимое преступление! Когда в 1900 году Вильгельм послал в Китай Вальдерзее мстить за убийство Кетелера и провозгласил на весь мир теорию «евангелия» немецкого кулака, – тогда эта фраза всех покорила, но все же казалась только фразой неуравновешенного и вообще несдержанного в словах кайзера. Теперь мы увидели уже не слова, а дела... Для сынов христианской веры – какое великое испытание веры! Для апологетов христианства – какое новое препятствие в доказательствах воспитывающего влияния христианства! Для миссионеров, проповедников христианства среди язычников и особенно среди мусульман, – какой трудно объяснимый факт из жизни культурного христианского, «евангелического» народа! Для врагов христианства – какое торжество!

Как теперь кайзер будет служить свои литургии? Как посмеет он произносить имя Христа? Как он сможет делать свои

выступления в роли проповедника, говорить свои напыщенные проповеди?

Протестантство в лице Германии на всемирном экзамене и испытании в силе своего действительного проникновения духом и силою Евангелия оказалось совершенно безответным. Начавши якобы ревностью о духе Евангелия и свободном отношении человека к Богу и Искупителю, оно на четвертом столетии своего существования очутилось рядом с мусульманством, в числе врагов Креста Христова.

Протест, как один протест, никогда, нигде и ни в чем не давал положительных и творческих сил и плодов жизни!

ПЕРЕСОП¹

В мои руки доставлено письмо, из которого адресат его просит напечатать некоторые выдержки. Он справедливо озаглавливает эту часть письма так: «Во что обратилась наша веротерпимость в Галиции?»

Вот эти строки:

«Привет вам из освобожденной моей дорогой Родины. В развалинах она, но счастлива! Взошла давножданная заря свободы!

Молитесь за нас и не забывайте.

Мой слабый ум не в силах выразить ту великую благодарность, ту невыразимую признательность, то радостное чувство, которые меня сейчас волнуют.

Я сейчас работаю в Золочевском и Зборовском уездах. Пока почти бесплодно!

Два села Золочевского уезда послали депутацию к преосв[ященному] Евлогию с просьбой дать им вследствие их перехода в Православие священника... За ничтожными единичными исключениями все жители голодны. И вот, на нашей совести лежит обязанность прежде всего накормить их. Для этого у нас составлен комитет, на обязанности которого – разузнать, как велика нужда, и изыскать средства. Что касается самого великого дела – дела Православия, то оно поставлено очень плохо. Прежде всего и хуже всего то, что прибывшие *православные священники связаны по рукам и по ногам*. Им даны самые строгие инструкции, а именно: не делать никакого насилия (?). Где нет униатского ксендза и крестьяне (не меньше 2/3 всего

¹ По поводу положения дела православия в завоеванной восточной Галиции.

населения) *без всякой пропаганды* по собственному желанно заявят о переходе в Православие, туда по распоряжению генерал-губернатора (вследствие рапорта архиепископа) назначается православный священник. Где есть униатский ксендз, *там нельзя уговаривать крестьян к переходу*, потому что этим самым делается насилие над униатским ксендзом (?). Так что, напр[имер], в нашем селе, где почти половина крестьян уже два года православные, и ни в одной православной семье нет ни одного мужчины – все арестованы, – там сидит униатский ксендз-мазепинец и с церковной кафедры бунтует народ, говоря, что русские власти дали ему бумагу, в которой сказано, что уния будет всегда и никто не имеет права пропагандировать «шизмы» (то есть Православие), а посему: «Если бы кто-либо сказал вам переходить в Православие, то берите кол и по голове его», и т. п. Все присутствовавшие в униатской церкви 28 сентября слышали это.

Плашовецкий (фамилия этого ксендза) и по сегодняшней день благодушествует и впредь будет терроризовать народ (факт). И это в православной России!? Между православными ужасное смятение, говорят: «От чего это нас освободили? Разве от той надежды на свободу, которая до последней минуты теплилась в наших сердцах и согревала нас? Теперь мы лишены всего: и мужей, и отцов, и братьев, и сыновей, и имущества, и надежды. Отняли у нас иконы и молитвенники, *нет святого храма, где выплакать горе*». Это один из множества случаев, так сказать более типичный».

Этим кончаем выдержку из письма.

Итак, во что же, в самом деле, обратилась наша веротерпимость в Галиции? Да в тот обычный пересол, который в этом

вопросе всегда и везде наблюдался и наблюдается в России: в покровительство инославию и в гонение на Православие.

Как только в печать проникли слухи о первых обращениях униатов Львовской губернии, началось обычное ворчанье по поводу всякого нашего церковно-миссионерского успеха, и сейчас же стали, по чужой указке, выводить на справку случаи насильственных обращений, якобы бывших некогда в Холмщине, стали ссылаться на воззвание Главнокомандующего, обещавшего всем свободу веры. Эту свободу ухитрились понять так, что нельзя принимать Православия, если бы русские галичане даже и захотели этого! Забыто все: забыто, что эти русские из Галичины тысячами и тайно до сего времени переходили границу, лишь бы помолиться в Почаевской Лавре; забыто, что недавно бывшие два судебных процесса в Австрии показали, сколько преданных сынов Православия заплатили за свою преданность ему годами тюремного заключения, всяких преследований, до обвинения в политической измене включительно!

Конечно, полицейские меры – не миссионерские меры. Конечно, нехорошо сводить успехи миссии к обольщениям, обещаниям и ими завлекать в Православие. Конечно, нельзя поощрять всяких карьеристов миссионерского дела, которые готовы на легких успехах создать себе имя, положение, получать награды и т. п. Но пусть это отнесут к Австрии, к иезуитам и к хитрому Андрею Шептицкому!

Надобно разбираться в делах и людях, надобно понять глубокое психологическое требование миссионерства, без которого не бывает живой веры и живой любви к Богу и ближнему. Было бы странно, прискорбно и прямо страшно, если бы среди служителей Русской Церкви не явились люди, которые немед-

ленно – да, именно немедленно – после соединения Галичины с Россией не пошли бы с живым словом проповеди о Православии к тем, кто насильственно отторгнуты были от Православия, или, по крайней мере, не помогли бы тем многим, которые таили, как лучшую мечту жизни, желание соединиться с Православною Церковью.

Не тут-то было! Надобно, чтобы этих таивших свое желание было 2/3, а если не хватит двух человек, то им надо еще ждать! Есть ли еще более возмутительное господство формы над сущностью? Есть ли более возмутительное воззрение на «свободу» религиозной совести? И где же закон? Статья 90-я ведь ясно говорит, что одно только Православие имеет право свободного привлечения последователей в России (а Галичина, слава Богу, – уже Россия!), а всякая пропаганда другого религиозного учения в России воспрещена! Кто же смеет отменять неотменный еще закон? Кто смеет вытравить из душ и сердец галичан представление о Русском Царе как о Покровителе Православия?

Слышим ответы: «Подождите! Теперь де не время!» «О, умолкните! – ответим мы. – Умолкните, люди холодные и равнодушные, расчетливые даже в вопросах веры и даже вечного душевного спасения!.. Вы все боитесь крайностей в самой истине и добре. Вы все добродетели заменили одною: именно – осторожностью, и по неосторожности и ее потеряли!... Кто бы смел сказать апостолам: подождите проповедовать? Такой силы, такого человека нет на земле, и быть не может. И мы имеем право и обязаны сказать: *pop possumus!* Подождите – до какого времени? Пока сорганизуются раздробленные теперь вражеские силы? Пока возобладают Плашовецкие? Пока выплечут очи несчастные люди? Пока они потеряют последнюю надежду? Пока

будут искать 2/3 согласных? Пока соберется иезуитская рать? Пока опутают правительство гвалтом и клеветами с места? Покаждемся повторения того, что было при Екатерине II, когда миллионы бывших униатов 8 лет ожидали разрешения присоединиться к Православию?..»

Пусть будет изгнано и прогнано от всякого дела все недостойное, все нечистое: с этим мы вполне согласны. Но пусть никто не смеет отводить от дела распространения Православия тех, кто горит верою и ревностью, кого Церковь уполномочила и облекла не только правом, но и долгом послужить благовестию чистой Евангельской Православной истины!

Я заканчиваю свою статью призывом к пастырям и к мирянам Москвы. Лично я, как настоятель собора святого Василия Блаженного, одновременно с сим обращаюсь с ходатайством к митрополиту Московскому, Высокопреосвященнейшему Макарию, разрешить взять из собора все ненужные иконы, ризы, церковную утварь (кроме древних и исторических) и послать все это архиепископу Волынскому Евлогию в его полное распоряжение для православных церквей Галиции, ибо ему поручено Святейшим Синодом попечение о них; думаю, что то же самое могут сделать более ста церквей Москвы. Засим, препровождая редакции *Московских Ведомостей* при сем *сто рублей* личной своей жертвы в пользу бедных православных в Галиции для пересылки этой суммы архиепископу Евлогию, я усердно прошу редакцию открыть сбор на этот предмет среди своих читателей. Я убежден, что на призыв святой отзовутся очень многие.

Пусть не говорят, что есть теперь другие нужды. Да, они есть. Но различен милования образ и широка заповедь любви – широка зело!

КРЕСТ ВОИНСКИЙ¹

В дни брани особенно часто мы слышим молитву за Царя и Отечество: «Спаси, Господи, люди Твоя – и Твое сохраняя Крестом Твоим жительство». Молитву эту поют в храме, ее поет по улицам и площадям собравшийся во множестве народ, ее же воспевают и воины.

Жительство, жилище Божие – это все мы, христиане, и охраняемся мы, как сказано в молитве, крестом Господним.

Что это значит? Крест – это видимое знамя нашей христианской жизни, борьбы и победы, и поэтому-то крест, от времен первого христианского царя Константина Равноапостольного и до наших дней, возглавляет воинские стяги и знамена. Христианин всячески ведет борьбу со злом, она для него неизбежна и обязательна, ибо кто не борется со злом, тот тем самым помогает и содействует злу, следовательно, и служит злу. И борьба эта есть борьба внутренняя, прежде всего, неизбежно выражающаяся и вовне. Так и крест для христианина и для воина-христианина есть прежде всего крест внутренний, а вместе и внешний, как видимое знамя. На этом-то внутреннем кресте, без которого нельзя уразуметь креста внешнего, мы и остановимся размышлением. О нем так говорит нам Спаситель в Святом Евангелии: «Иже хочет по Мне идти, да отвержется себе, и возьмет крест свой»... (Мк. 8, 34).

Это наставление сказал Господь при особых обстоятельствах и особым образом: «*Призвав*, – сказано в Евангелии, –

¹ Речь воинам больным и «командам слабосильным», состоящим из бывших раненых, по выздоровлении снова отправляющимся в действующую армию.

призвав и народ, и учеников Своих...» (Мк. 8, 34). Таким образом, здесь дается, очевидно, заповедь важнейшая, притом составляющая самое существо учения Спасителя, обязательная для всех Его последователей. Крест каждому указывается свой: он, действительно, у каждого из нас особый; крест повелевается без всяких оговорок, без возражений, покорно и благодушно сразу взять и нести всю жизнь. Не делается никому, нигде никаких исключений, не указывается никаких условий: кто хочет идти за Христом, то есть всякий Его ученик, всякий верующий, отвергнись себя, не жалея себя, не размышляй, возьми крест свой...

Знаем, что необходимо прежде всего напомнить нам в этом случае о самоотречении и самоотвержении, ибо мы всегда склонны жалеть себя, роптать, свой крест считать непосильным, слишком тяжелым, а крест других людей – легким и удобным. Знаем, вероятно, все и вразумительный рассказ о том, как усталый путник нес крест и жаловался на тяжесть ноши и как его вразумил Господь. Представилось ему в видении, будто он находится в какой-то обширной и безграничной палате, где стоят кресты человеческие, и предложено ему взять тот, который ему понравится; долго выбирал путник и примеривал ношу: один крест мал, да тяжел, другой и легкий, да как-то неудобен, чтобы взять его и нести, – и так без конца. Наконец, выбрал он крест, который показался ему наиболее подходящим во всех отношениях. И что же? Это и оказался тот самый крест, который он нес и на тяжесть которого он жаловался. Пришел в себя путник – и уразумел наставление Господне.

Уразумейте его и вы, братья-воины. Тяжел и ваш крест, и во дни войны его тяжесть особенно увеличивается: сотни раненых, присутствующих здесь за богослужением, – яркое тому свиде-

тельство. И все-таки – верно слово Господне и всякого приятия достойно: отвергнись себя и возьми крест свой, каждый воин! Не смотри завистливыми очами на других, не отправившихся на брань: у них есть свои кресты, свои тяготы.

Рассмотрим же с добрым христианским чувством и с добрую христианскую рассудительностью тяготы креста воинского и увидим, как он, этот крест, и высок и необходим, и как подобает его нести достойно и с усердием.

Воин оставляет свой дом, свою семью; бросает поле, бросает налаженный труд, который давал ему и его близким пропитание; он оставляет семью иногда без верных и надежных средств, детей – без призора. Тяжело все это, нечего и говорить, хотя должно заметить, что еще святой Давид изрек, что он, много проживши, не видел семьи благочестивого человека брошенной, и детей праведника просящими хлеба (Пс. 36, 25), и святой апостол уверяет нас – и поверьте его неложному слову и обетованию, что Бог никому не посылает испытания больше сил его, больше, чем он понести может, и вместе с испытанием дает и избытие, дает и силы, и возможность перенести его (1 Кор. 10, 13). И то нужно заметить, что с каждою новою войною возрастают заботы государства о семьях призванных на войну воинов, которые получают такие пособия, о которых в прежнее время и помыслить было невозможно.

Но и помимо всего этого, вообще рассуждая, есть ли что-либо важное, великое, ценное, что приобреталось бы нами легко? Не наоборот ли: что легко достается, то малоценно само по себе, мало и нами ценится? Если, по присловью народному, «под лежач камень и вода не идет», то что же пойдет под лежачий народ? И прошлая история говорит нам явственно, что народы, потерявшие

способность к труду, подвигу, напряжению сил, потерявшие способность «отвергаться себя», жертвовать собою, своими благами и интересами всегда были обречены гибели. Велико и мощно было царство ассирийское, весь мир завоевало, но когда стали цари его изнеженными, народ и войско развратились в роскоши, то царство ослабело и стерто было с лица земли. Велик был Вавилон – «молот всей земле» – по слову пророка: но когда царь его и правители предавались веселью, пьянству, пришел его последний час. Все это читаем в Библии. А история говорит нам о могучей Римской империи, которая завоевала весь мир, которая называла себя в горделивом сознании вечным Римом, железным царством. Но пришли какие-то дикари, одетые в звериные шкуры, плохо вооруженные, даже не обученные воинскому строю, и разрушили великое и грозное царство. Почему это случилось? Потому что римляне стали изнеженными, потеряли способность жертвовать собою и личными благами ради общего дела, ради Отечества. Очень знаменательно, что в одной из битв, гораздо ранее этого времени, во время междоусобной борьбы, один полководец распорядился, чтобы воины его били римлян в лицо: римляне в это время так дорожили своею наружностью, своею красотою, что убоялись этого больше смерти и бежали с поля сражения. Надо уметь народу стать выше таких привязанностей, выше даже любви отдельных лиц к своей собственной жизни, чтобы дать жизнь, благо, свободу, будущее развитие своей Родине и тем народам, которых мы теперь освобождаем из-под немецкого ига. Во всей широте жизни исполняется евангельское слово: кто хочет душу свою, – жизнь свою сберечь, тот потеряет ее, а кто потеряет ее – в добровольном подвиге ради Христа и Евангелия, ради любви к Богу и ближним, тот сбережет ее (Мк. 8, 35).

Воин, далее, терпит во время войны всевозможные лишения: усталость пути, дождь, зной, холод, бесприютность, ночлег под открытым небом, лишение в пище, питье, в сне и отдыхе, в одежде и жилище, – всего не перечислишь! И с этой стороны тяжел, конечно, крест воинский, иногда очень и очень тяжел. Но все, что сказано нами сейчас о лишениях дома и семьи, о самоотвержении и подвиге ради Отечества, всецело относится и к этим испытаниям похода и военного времени. И опять спросим: какое же великое дело совершается без напряжения? Без труда нет плода, без борьбы нет заслуги, нет победы, нет венца и победного конца!

Еще одна сторона креста воинского: воин обязан во время войны беспрекословно повиноваться распоряжениям военного начальства, идти куда прикажут, исполнять всякое порученное дело. И дело – делу рознь: служить в обозе – не то, что брать крепость; быть на передовых позициях – не то, что охранять занятый город; разница и в том, кто и в каком роде оружия служит. Здесь все – только в единой воле Божией; ибо никакая сила человеческая не дает в этом случае равенства и справедливого разделения подвига: всегда придется на долю одних больше трудов и лишений, больше опасностей, на долю других – меньше. У воинов истинных в этом случае то же должно быть чувство, что у христиан в их взаимных отношениях: *честию друг друга больше творяще*, – говорит апостол (Рим. 12, 10). Надобно иметь эту «священную распрю»: искать для себя труднейшего, для других – легкого – и тогда не будет поводов к недовольству и зависти.

Часто, далее, воину совершенно непонятно: зачем наступают, зачем, по-видимому, без нужды отступают, зачем так называемые диверсии и демонстрации, кажущиеся ненужными сра-

жениями, в которых, однако, люди получают и раны, и увечье, и смерть. Здесь-то и испытание крестоношения воинского: надобно уметь подавить в себе поднимающиеся в душе сомнения и недоумения. Если бы я, вошедши сегодня в здание огромных казарм только коридором и лестницею в церковь, стал бы по одному этому судить о всем здании, об его расположении, удобствах, назначении и т. п., я бы, конечно, был неблагоприятен и непременно впал бы в ошибки при рассуждениях. Так и воин, судящий о войне только по одному небольшому клочку земли, на котором он поставлен, не может судить о всем плане войны, и даже всего сражения о сложных замыслах полководцев, вынужденных сообразоваться и с действиями врага, и с временем подхода войск, и с характером местности, и с теми или другими обязательствами по отношению к союзникам и т. п. Доверие, терпение, решимость исполнить до конца свой долг – вот что облегчит эту тяжесть креста воинского и даст силу победить соблазны.

А соблазнов может быть много, и поводы для жалоб, для ропота всегда найдутся, особенно у больных и раненых воинов. Естественно, у них может быть уныние, раздражительность, недовольство. Естественно, могут у них быть жалобы на свое положение. Жутко и больно читать и узнавать, что часто раненым долго приходится лежать в поле, долго не есть и не пить, оставаться без перевязки, ожидать подхода санитаров, иметь потом плохое помещение, недостаточный уход... Но где большое дело, там всегда возможны замешательства; ум человека ограничен – всего не предусмотреть; силы человека слабы – всего, что нужно, не сделаешь; дела слишком много – всего сразу исполнить не успеешь. Много-много тяготы придется и приходится встретить на войне, и все это надо заранее ожидать, чтобы не

обманывать себя ложными надеждами, на все нужно быть готовым, потому что война – не шутка, это – великое испытание крепости духа и выносливости народа. Надобно, чтобы русский воин выдержал это испытание блистательно. И слава Богу, так оно и есть: по доходящим сюда немецким газетам мы можем судить, что и враги наши удивляются стойкости русского солдата, его покорности воле Божией, его терпению и выносливости.

Ожидать надо и смерти. Но ведь только слабодушные люди трепещут смерти. Она для воина – венец его подвига! Она для воина – приобщение к сонму мучеников. В древности, когда христианство было гонимо, бывало так, что уверовавшие не успевали принять Крещение, как уже были убиваемы за веру. И тогда смерть мученическая называлась Крещением кровью и вменялась им вместо этого великого Таинства, которое вводит в Царство Божие.

Так и смерть воина вменится вместо второго крещения, а вторым крещением называется покаяние во отпущение грехов; смерть на брани покроеет грехи убиенных и они предстанут пред лице Божие, как исполнившие заповедь: «Больше сея любви никтоже имать, да кто душу свою положит за други своя» (Ин. 15, 13).

Есть еще тягость креста воина, приявшего уже раны на войне: по выздоровлении ему снова надлежит идти на войну, возвратиться к своей воинской части. Здесь в особенности может закрасться в сердце искушение – отдохнуть, пойти домой, излечиться более основательно. Здесь естественно чувство саможаления. Но здесь-то и нужно стать на высоту христианского крестоношения и самоотвержения. Надобно исполнить подвиг до конца и не останавливаться, не ослабевать на полпути. Семя, падшее на камень, скоро пускает ростки, но и скоро засыхает, и

плода не приносит. Так говорит евангельская притча Спасителя (Лк. 8, 13). Напрасно тогда и сеять это семя! Человек, ринувшийся на подвиг и на дело и при первом лишении упавший духом и помышляющий о прекращении подвига, негоден для дела и недостойн награды. «Некто, как повествует Евангелие, подошел к Иисусу Христу и сказал: я пойду за Тобою, Господи, но прежде позволь мне проститься с домашними моими»... Казалось бы, естественна была просьба. Спаситель, однако, ответил вопрошающему: «Никто, возложивший руку свою на плуг и озирающийся назад, не благонадежен для царствия Божия!» (Лк. 9, 6). Запомните это вы, многочисленные выздоравливающие раненые, здесь присутствующие: идите снова со всем усердием любви, со всею ревностью идите снова на поле брани, довершайте ваше великое дело, ваш великий подвиг!

Итак, возьми, воин, крест свой и неси благодушно все тяготы его. Донесешь до конца: примешь венец и души спасение; бросишь на пути: погубишь душу свою. Так говорит и Господь в Евангелии Своем. Какая польза, – вопрошает Он, – какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит? Или какой выкуп даст человек за душу свою? (Мк. 8, 36–37). Следовательно, сохранение земной жизни, сохранение всех выгод земных, покоя, довольствия – и не только это, но и все сокровища мира, весь мир во всей его совокупности не стоит одной души христианской и ее спасения!

Есть побуждения, есть соображения выше земной жизни, говорящие о Боге, о Небе, о Вечности, о Церкви, о Родине, о родном народе и о благе всего человечества. К ним и призывает нас Христос Спаситель, к ним и призывается христианский воин-крестоносец. Аминь.

ДУХОВЕНСТВО ВО ФРАНЦУЗСКОЙ АРМИИ¹

«Гони природу в дверь – она влетит в окно». Справедливость этой пословицы ярко сказалась во Франции во дни текущей войны, по отношению к духовенству.

Масоны вдруг куда-то спрятались. Замолкли ожесточенные речи против Церкви и христианства, и вчера гонимое духовенство уже призвано теперь и на броненосцы, и в армейские полки.

И духовенство оказалось на высоте положения. Теперь уже не повторится то, что было в 70-х годах прошлого столетия после франко-прусской войны, когда вся французская пресса упрекала духовенство в равнодушии к судьбе и страданиям Родины, в преданности одному только Риму, в отчужденности от народа в тяжкие дни его жизни. Наоборот, теперь духовенство справедливо может указать французскому правительству, что ни гонения, ни клеветы, ни отобрание имуществ, ни закрытие конгрегаций – ничто не могло поколебать благородной любви клира к Родине и его глубокой связи со страдающим народом.

В *Приходском Листке*, ежедневной газете, которую теперь издает Святейший Синод для осведомления духовенства о текущих событиях, мы читаем выдержку из сентябрьской книжки французского журнала *Revue du Clergé Français*, в которой сообщаются весьма интересные и поучительные данные о том, что делает теперь духовенство во Франции.

¹ Статья из газеты «Московские Ведомости».

«Во Франции, – пишет журнал, – теперь только одно сердце и только одна душа – мужественное сердце, рвущееся на бой с врагами Отечества, и взволнованная до своих глубин душа, выливающаяся в христианской молитве. Развеваемое страшным ветром битвы знамя объединяет всех французов в одном энтузиазме... Число отправившихся на войну для защиты государства священников равняется двум пятым всего французского духовенства. Приходских священников отправилось на войну от 18 000 до 20 000 ч[еловек]. Пошли на войну и члены монашеских орденов: иезуитов – около 380, францисканцев – около 200, маристов – 100 и т. д. Один доминиканский монастырь du Saulchoir дал 44 солдата. Много дали солдат и другие ордена – лазаристы, бенедиктинцы, ассомпционисты, редемптористы и др. Все они пошли защищать французское знамя, забыв о притеснениях, которым недавно подвергало их правительство. Отношение солдат и офицеров к духовным лицам прекрасное. К духовной помощи этих «священников с ранцем за плечами» обращаются постоянно даже те, кто не склонен был делать это в мирное время. Напр[имер], депутат Эна Пьер Гужон, зять защитника Дрейфуса и врага католичества Иосифа Рейнака, пожелал исповедоваться у своего однополчанина-священника под градом картечи. Некоторым священникам вверили знамя, так как были уверены, что они сумеют отстоять его. Храбрость многих уже отмечена в дневных приказах по армии. Некоторые произведены в чин лейтенанта. Не мало священников уже пало на поле чести, и – увы! – с каждым днем список этих героев удлиняется! Не менее славна смерть священников, взятых в качестве заложников и безвинно со зверской жестокостью убитых врагами. Но и те священники, которые не были под огнем,

проявили свое мужество, оставшись на своем посту в опасный момент. Таков, например, Марбо, епископ города Мо. Городу угрожало нашествие германцев, и жителям предложено было его покинуть. Бежали даже власти. Только епископ не согласился оставить город и остался-таки вместе с 2 000 жителей, не успевшими бежать, в качестве их утешителя и охранителя. Он был «всем вся»: поддерживал порядок и общественное спокойствие, распределял съестные припасы и вообще выполнял одновременно обязанности и мэра, и префекта, и интенданта. Он сам изготовлял и расклеивал прокламации к населению. «Я – губернатор Мо», – шутливо говорил он. Но на самом деле он был добрым пастырем, который знал своих овец и которого знали его овцы. Он лишь принял на себя ту роль *defensor civitatis*, которую с такою славой выполняли епископы первых веков христианства! И Марбо не был исключением».

Газета *Petit Parisien*, далеко неблагоприятная к католицизму, писала, что в местах германского нашествия почти все мэры и чиновники бежали и остались одни настоятели приходов («кюрэ»).

Недавно был опубликован и в русских газетах факт, который показывает, что во Франции жива вера и живо доверие к Церкви и ее служителям.

Генерал ушел в армию со своей семьей сыновьями. Дома осталась только подавленная скорбью мать. Один из сыновей генерала убит был в сражении. Отец только склонился к нему, закрыл лицо, а сам отправился далее в бой... Сообщить матери тяжелую весть о смерти сына было поручено приходскому священнику. Мать пришла в церковь, ничего не зная о своей горе, и подошла принять святое причастие. По лицу священника и

по его взору она догадалась о роковой вести. Она подошла принять Святые Тайны и только одно слово прошептала ее побелевшие губы: «который»?..

Гонение на Церковь во Франции всегда лежало камнем на душе ее русских друзей. Можно надеяться, что война и в этом отношении произведет большой переворот во Франции.

В ПОУЧЕНИЕ РАНЕНЫМ ВОИНАМ¹

I. СВЕТАЯ ПРОПОВЕДЬ

Светлую Воскресения проповедь, от Ангела уведевша Господни ученицы, и прадеднее – древнее, идущее от Адама и Евы, наших праотцев, – осуждение отвергша, апостолам хвалящаяся, глаголаху: испровержеса смерть, Воскресе Христос Бог, даруяй миру велию милость (Воскресный тропарь).

И пока, возлюбленные, мы – христиане, дотоле святая вера наша будет всегда для нас светлою проповедью о ниспровержении смерти, о помиловании грешного мира, о будущем Воскресении.

Вот вы все – раненые воины; все вы смотрели в глаза смерти, все ожидали ее, думали о могиле, все знали, на что идете. Много братьев ваших остались там, на поле брани, зарытых и в одинокие, и в общие братские могилы; многие умерли и от ран, умерли, уже привезенные в лазарет, среди заботливого ухода. И наш лазарет посетила смерть, у которой мы не смогли вырвать из челюстей ее тяжко раненого и много перестрадавшего Ивана Кирилова, – да будет ему Царство Небесное. Вас Господь сохранил для жизни. Слава Ему, Милосердому!

Но жизнь и смерть одною светлою проповедью святой нашей веры освещаются и осмысливаются. Без нее жизнь – пуста и бессмысленна, смерть страшна и тоже бессмысленна. С нею же – со Христом – все ясно, и ничто не страшно.

¹ Два поучения раненым воинам в лазарете Московского епархиального духовенства: 25 октября за всенощной, 26 октября за обедницей.

Говорю это и по собственным переживаниям, всего несколько дней назад, как и вам известно, постоявши, так сказать, у грани возможности смерти...

Итак, живем ли мы, – для Господа живем, умираем ли, – для Господа умираем; живем ли или умираем – всегда мы Господни! (Рим. 14, 18).

Выздоровеете, скоро ли или не скоро, – призовут вас опять к воинскому делу. Снова станете пред лицом смерти; снова будут пред вами стоять смертельные опасности. Будьте, братия, тверды и мужественны; переносите лишения, злопостражди каждый, как добрый воин Иисуса Христа (2 Тим. 2, 3), служение твое известно сотвори!

И во дни жизни, и в виду смерти всегда и неизменно звучит над нами светлая проповедь о том, что Христос, наш Спаситель, победил нашу смерть, даровал нам прощение грехов и примет нас в вечные кровы, если мы исполним Его заповедь. А она гласит: «Да не смущается сердце ваше, веруйте в Бога и в Мя веруйте; в дому Отца Моего обители многи суть» (Ин. 14, 1–2). Аминь.

II. ДОБРЫЕ И ХУДЫЕ ВОИНЫ

Святая Церковь сегодня празднует память славного воина – святого Димитрия Солунского. Язычник-царь, гонитель христианства, поставил его начальником войска и правителем города Солуни, – теперешние Салоники или Фессалоники, – и поручил ему истребить в городе всех христиан. Но Димитрий с детства был крещен, веровал во Христа, возлюбил Его святое Евангелие. И он нашел в себе мужество, вопреки

повелению царскому, творить совершенно обратное: он проповедовал о Христе жителям Солуни, а когда прибыл царь на допрос, то прямо объявил ему о своей вере и обличил безумное заблуждение царя-язычника. Святой Димитрий брошен был в тюрьму. В это время царь устроил казнь христиан на потеху язычникам. Любимец царский, воин Лий, вызывал на единоборство христиан, царь приказывал им идти, а Лий, искусный боец, с высокого моста сбрасывал христиан в присутствии множества язычников, жадных до кровавых зрелищ, вниз на расставленные копья. И вот некто Нестор, юный воин, наученный вере святым Димитрием, проник к нему в темницу и, получив его советы и благословение, вызвался идти против Лия. Укрепленный Божественною силою Креста, он, невзирая на молодость и слабость, малый ростом, как Давид, победивший Голиафа, победил страшного Лия и умертвил его. Разгневанный царь приказал воинам язычникам убить и Димитрия, и Нестора.

Так пред вами, братья, в воспоминаниях жизни святого Димитрия проходят и добрые воины, и худые. Господь избирает верующих и добрых воинов в орудие исполнения Своей святой воли. Господь прославляет память доблественно пострадавших за Христа воинов вечною славою на Небе, славою и на земле в земной Своей Церкви. Прошли 16 столетий со дня смерти святых Димитрия и Нестора, а Церковь Божия доселе неизменно и ежегодно празднует их священную память.

И вы – воины христианские. И наша брань ныне – правая и освободительная брань противу немцев, гонителей Православия, а теперь и против турок, исконных врагов Креста Господня. И ваши раны, полученные на войне, – священные раны.

Сохраните же святую веру; не употребляйте вашего звания во зло, для насилия над беспомощными и бессильными; не уподобляйтесь зверям, коим подобны немцы и турки, издевающиеся над безоружными и беззащитными, над женщинами, стариками и детьми. Но, как добрые воины христианские, исполните ваш долг по христианской совести ради славы имени Божия, ради свободы угнетенных и гонимых, ради Родины, дорогой и любимой, по слову и приказу земного богоданного Царя, уже не царя-язычника, как в дни святого Димитрия Солунского, а Царя единой с нами веры, единого упования, Защитника и Охранителя святой веры и Церкви! Аминь.

КУЛЬТУРНЫЕ ЗАСЛУГИ¹

Яд космополитизма еще долго будет давать себя чувствовать в воззрениях и настроениях наших образованных людей, из которых большинство, так сказать, вошло на немецких дрожжах... Школьные влияния, домашнее воспитание, часто при немецких учителях и гувернерах или боннах, заграничные впечатления, воздействие передовой печати в течение столетий, – все наклоняло в одну сторону русских юношей, – в сторону презрения ко всему русскому и восторженного преклонения пред всем заграничным, и особенно немецким. Мне помнится одна семья передовых интеллигентных людей, притом людей, по душе очень хороших: отец – убежденный работник по крестьянскому делу, опытный и трудолюбивейший труженик по земству, дочери – очень образованные девушки, с общественной жилкою, с обычною у русского интеллигента и высоко развитой способностью самопожертвования. Зашел разговор – это было лет двадцать назад – о тратах государства на армию и флот. Я слышу горячие слова осуждения по поводу отпуска из Государственного казначейства на флот, на армию. Говорю: что же, ждать нам, значит, что придет Вильгельм и заберет нас голыми руками? Слышу единодушный ответ двух сестер: «Ну, и прекрасно! Пусть придет, пусть возьмет, мы тогда по крайней мере будем причастны к высокой культуре Германии!»

Как сходятся крайности! В это самое время крестьяне-штундисты на юге России ставили в своих домах портреты немецкого кайзера и говорили, что скоро-скоро придет Вильгельм, завоюет

¹ Статья из газеты «Московские Ведомости».

Россию и будет гнать Православие, а сектантам даст свободу веры и полное господство...

Среди русской бюрократии высшей и средней тоже столько немцев и друзей немцев, что неудивительно и в правящих верхах встречать горячую защиту немцев.

Таким образом, при некоторой общности в части интеллигенции немецких или германофильствующих бюрократов и нашего сектантства, всегда тяготевшего к немцам, ибо они сами «немецкой веры», – стоит появиться какому-либо пустячному благоприятному обстоятельству, и вопли в пользу немцев у нас сразу могут необычайно усилиться. Уже пускают пробные шары. В газетных статьях прогрессивного лагеря нет-нет и проскочит, пока еще кратко и мельком, заметка о том, что Пруссия – это еще не Германия, что пруссаки – не то, что симпатичные баварцы, что виновно в войне и ее теперешних безобразиях не все немецкое население, а только германское правительство, что нельзя бранить вообще германизм, германцев, потому что немцы – это носители культуры, и они имеют огромные культурные заслуги в истории и в этом отношении безмерно превосходят Россию, которая, хотя бы и победоносная, должна все-таки с почительностью относиться к Германии в виду ее мировой исторической и современной культурной роли.

Суждения подобного рода так распространены, что на них стоит внимательно остановиться.

И прежде всего, возможно ли сравнивать Германию и Россию в их служении мировой культуре по тем условиям, в которые были исторически поставлены эти народы и страны?

Германцы пришли в Европу и сели на местах так сказать, уже насиженной римской культуры: хотя, подобно туркам, сво-

им теперешним союзникам, и они начали свое пребывание в Европе с разрушения культурного римского государства, все-таки они унаследовали цветущие города, как Кельн и Трир; прекрасные военные дороги; они получили развитую литературу, римское право, римскую государственность, римскую военную науку, римскую дисциплину жизни. Славяне русские явились на пятьсот лет позже германцев и сели, вследствие жестоких стеснений именно от германцев, в диких местах у Днестра и Ильменя; они жили в непроходимых болотах, в дремучих лесах, среди диких, враждебных племен; они разобщены были бесконечными южными степями, которые к тому же были засорены всякими печенегами и половцами, – и бурным Черным морем и от центров византийской культуры.

И все-таки русский народ сумел рано оценить и принять христианство, всего на 1–2 столетия, а не на 500 лет позже германцев; русский народ и в христианских исповеданиях безошибочно подметил и рассмотрел вечную истину Православия в то время, когда немцы были в сетях католичества, этого «грандиозного подлога под христианство», а потом попали в сети протестантства, этого «полного отрицания христианства» (приводим в кавычках слова немца же, Шопенгауэра); русские распространили христианство на востоке и севере Европы, приобщили к нему десятки инородческих племен по Волге и ее притокам; пронесли Крест и Евангелие за Волгу и Урал, до самой Камчатки и Великого океана; учредили государственность и зачатки культуры христианской в огромных пространствах Сибири, – там, где раньше не ступала нога образованного европейца: и всюду Россия строила города, заводила торговлю, насаждала ремесла, промышленность, – и при каких условиях? При усло-

виях, о которых и помыслить не может культурная Германия! Россия грудью отстояла образованную Европу от монгольского нашествия; Россия работала на Востоке в суровом крае, среди редкого населения, при невероятно тяжелых путях сообщения; работала в своей тяжелой исторической доле под постоянными угрозами врагов, среди беспрерывных войн. Россия одновременно вынесла на своих плечах бесконечные войны с врагами культуры, – с теми самыми турками, которые некогда грозили при Солимане Вене, а теперь являются друзьями немцев, ибо те и другие – исконные враги славянства и Православия, оба, как мы уже заметили, начавшие и исторический путь свой разрушением древних цивилизаций Рима и Византии. Девять раз воевала Россия с Турцией – а Германия? Россия в полном смысле создала и породила свободу Греции, Румынии, Сербии, Болгарии, Черногории. Что подобного сделала Германия?

Она шла на Восток, но для собственного обогащения. Она создавала колонии, но для того, чтобы иметь мировые рынки и высасывать все соки из населения. Она презирала тех, кто подпадал под ее «культурное влияние». Германская торговля, промышленность, наука, искусство, по рецепту и завету теперешнего ее кайзера, непременно должны служить национальным немецким интересам. Его бронированный кулак и «евангелие» этого кулака известны всему миру. Вместо создания других государств и освобождения угнетенных племен, на совести германцев лежат венеты и полабские славяне, поглощенные и онемеченные, униженная и ограбленная Дания, разбитая Австрия, лишенная гегемонии, а теперь брошенная Германией в бездну опасностей, порабощенные Эльзас и Лотарингия, а теперь – бесчестно захваченные Люксембург и Бельгия и про-

вокаторски погубленная Турция, исключительно в целях выгод Германии. Пишущему эти строки приходилось встречать немцев в самой глубине Китая, в Японии в разных концессиях и селlements Дальнего Востока: это – напыщенные, самовлюбленные, в полном смысле по-свински сытые и самодовольные хищники. Сравните в этом отношении нашу русскую работу в Туркестане, нашу Средне-Азиатскую железную дорогу, построенную исключительно руками солдат, наши военные поселения Кавказа и особенно Закавказья, эти благоустроенные культурные уголки, которые оживляют и обогащают край, а не разоряют его. Сравните и английскую торговлю и колониальную политику Англии в Индии, где действительно насаждаются прочно плоды европейской культуры, – и вы увидите, что такое культурность Германии. Сколько упований возлагали на немецкие колонии в России! Немцы за двести лет в этих колониях не научились даже говорить по-русски, никому не передали своих земледельческих и сельскохозяйственных навыков и знаний и, в конце концов, путем двойного подданства, обратились в те же военные авангарды фатерланда. Только «немецкую веру» – протестантские секты: штунду, баптизм и адвентизм они насаждали усердно в России, и опять-таки при помощи немецкого заграничного золота и в политических целях ослабления России и обращения ее в рабу и данницу Германии. Что такое немцы-учителя в наших гимназиях? Это бездарные тупицы, люди педантизма и муштры, которые едва не загубили русской школы. Особенно ярки они в деле насаждения классицизма, которой они ухитрились из великого гуманитарного средства воспитания духа свести к казарменному военному постою, притупляющему ум учеников и вызывающему у воспитанников ненависть на всю жизнь. Мне

бы очень хотелось удосужиться зарисовать немцев Кавказа, Закавказья, Сибири и Дальнего Востока, с которыми приходилось встречаться за тридцать лет службы, – прямо людей анекдотических, которым за немецкое происхождение, при тупости и даже малообразованности, давались ответственные должности и звание руководителей русских талантливых и образованных людей... Может быть, когда-либо мне и удастся сделать это. Но прослужив во многих средних учебных заведениях и издавши многих «европейцев»-немцев в роли педагогов, – по совести могу сказать, что разве только педантической и не всегда умною исправностью и точностью они могли выделяться из ряда других, но по широте ума, по пониманию истинных педагогических идеалов и задач они всегда были ниже русских. «Машинность», – конечно, иногда полезное свойство; но это – черта не творцов жизни, не истинных носителей и вдохновителей культуры, а ее лакеев и наемников. И таковыми всегда и везде были у нас немцы.

Нужно ли к этому прибавлять и то, что всем теперь известно: в области литературы, науки, математики, медицины, в области искусств, – везде Россия породила и воспитала великих людей в полном смысле мирового значения?

Нужно ли прибавлять, что молодой русский народ есть восходящее светило, а состарившийся германский – склонившееся к западу?

Нужно ли еще говорить о том, что предчувствуется нашим сердцем: что подобно тому, как после 1812 года, после необычайного подъема русского самосознания, Россия дала в 20, 30 и 40-х гг. целый ряд талантов во всех областях, так и теперь – эта молодежь, эти дети, рвущиеся в добровольцы, дадут в будущем

великих носителей сил духовных и таланта, творческие и национально-русские плоды мысли и жизни во всех областях?!

Теперь, слава Богу, у многих спадает повязка с глаз, и русское общество в лице лучших своих представителей приходит к отрезвлению, рушит прежние немецкие кумиры, быстро освобождаясь от идолопоклонства пред всем немецким.

БОДРЫЕ ПРИЗЫВЫ¹

1. СМЫСЛ ЖИЗНИ И СМЕРТИ

*И стояше Мария во гробе, ищущи
Пречистаго Тела Твоего.*

Бывают слова молитв, которые невольно от буквального и исторического понимания их переносят нас к смыслу символическому и таинственному.

И мы, все люди, подобно Марии, можно сказать, стоим во гробе, стоим пред гробом. Ибо, независимо от постигающих нас опасностей смертных, – если взять и понимать все безотносительно, то что значат эти самое большее пять-шесть десятилетий сознательной жизни, которые проводит человек на земле? Если же все кончается гробом и могилою, если с первых проблесков сознания стоит пред нами этот неизбежный конец: то к чему все труды, радости, печали, надежды, предположения? Кому приходилось хоть раз стоять пред смертельною опасностью, тот знает, как сразу блекнет и сбегает тогда вся мишура жизни, как сразу спадает повязка с очей, и человек убеждается, что все томление его жизни, его интересы и напряженные заботы – суета сует и всяческая суета!

Все суета, – однако, кроме того, что сильно и способно перейти за грани смерти и могилы. А перейдет с нами не мертвое Тело Христа, которого искала Мария во гробе, думая, что и Он взят и побежден могилою, подобно всем

¹ Поучения в Покровском и Василия Блаженного соборе в воскресенье, 2 ноября 1914 г., за все-нощной и за литургией.

людям, – а Он Воскресший, вечно Живой и с нами неразлучный. Его Тело на земле – это, по слову апостола, святая Его Церковь, живой союз наш со Христом, это и действительное Его Тело в Таинстве Святого Причащения. И как Мария заплаканными глазами сразу не узнала Христа, а приняла Его за садовника и просила указать, где Христос, – так и мы, подавленные часто скорбями и заботами, не узнаем Христа, не ценим и Церковь, и думаем даже, и повторяем обвинения и подозрения врагов Церкви – не сокрывает ли Она от нас Христа и Его учение. И как Мария, вся преисполненная радости, бросилась ко Христу, когда узнала Его, с одушевленным приветом и возгласом: Раввуни, Раввуни, еже глаголется – Учителю, так и мы, познавши Христа в Церкви, познаем и признаем в Нем нашего вечного Учителя, и Его ни на кого и ни на что не променяем!

Тогда и жизнь, и смерть – все сразу преисполнено будет для нас смысла: вера, упование, мир, покой, твердость, терпение, труд, подвиг, неиссякаемая бодрость духа – все это дается нам Воскресшим нашим Господом. Воскресый из мертвых, Господи, слава Тебе! Аминь.

II. ВЛАСТЬ ТЬМЫ И ВЛАСТЬ СВЕТА

Вчера говорили мы о силе Христа Воскресшего. Ныне евангелие свидетельствует нам об этой силе Его не только над всеми скорбями людей, но и над усилиями темного царства диавола.

Он исцелил страшного бесноватого в стране Гадаринской, Он изгнал легион бесов, Он вызвал у них признание и исповедание Его Сыном Божиим.

Несомненно, велика вообще власть тьмы. О ней Сам Спаситель сказал врагам своим, когда они возложили на Него руки в саду Гефсиманском и связали Его: «Се ваша година, и область темная» [Лк. 22, 53], – ваше теперь время и власть тьмы! Однако, свет Его Воскресения и озарил и рассеял эту тьму, и Христос явился Вечным Победителем смерти, греха и диавола.

И нас часто теперь окружает область темная. Видим, как путь нечестивых преуспевает. Видим, как нагло торжествует насильник. Видим столько несправедливостей в человеческой жизни: обиды, неблагодарность, жестокий эгоизм, злобу, зависть, ненависть, страдания, которые не находят ни поддержки, ни сочувствия, гонения за правду, клевету, незаслуженные унижения. Возьмите одну только нынешнюю войну: клевета Германии, наглый натиск Австрии на Сербию, истерзанная Бельгия, расстрелы беззащитных людей, разрушение беззащитных городов. В частных отношениях людей не то же ли самое? И все-таки, христианин, – не верь в торжество тьмы, не отчаивайся в победе добра, не падай духом, не признай в диаволе больше силы и мудрости, чем в Боге!

Какая бы ни была тьма, самая кромешная, в комнате, стоит только зажечь самый малый свет, самый маленький огонек, – и он уже виден человеку: нет такой тьмы, которая бы его поглотила. Стоит его немного раздуть, как уж бегут темные тени, и свет все ярче и ярче разгорается...

И вера Христова есть свет на земле, а Сам Христос есть Свет всемирный и вечный, по Его слову и свидетельству: «Аз есмь Свет миру!» [Ин. 8, 12].

Возьми этот свет, возьми с собою в путь жизни Христа, Его слово, Его Церковь, и с тобою, над тобою исполнится то, что

сказано о Нем во святом благовестии Иоанна Богослова: «Свет во тьме светит, и тьма его не объят!» [Ин. 1, 5].

Ночь темна и холодна, но знаем мы, что ее непременно сменит день. Жизнь часто представляется темною и беспросветною, как ночь: но было бы безумием думать, что ночь продлится вечно. Придет день – и имя ему: день невечерний, день без вечера; возсияет Солнце, и имя Ему: Солнце незаходимое. Христос есть наше Солнце Правды! И тогда побегут тени ночи, и тогда с воплем вынужденного исповедания силы Христовой побежит диавол, и тогда нравственно-бесноватые, объятые злом и грехом, если захотят освободиться от власти тьмы, смогут сесть у ног Иисусовых, как оный исцеленный Гадаринский бесноватый. Исполнится моление наше ежедневное, ежечасное: Да придет Царствие Твое! Он воцарится на Небе и на земле, и Царствию Его не будет конца.

С этой верою и с этим ожиданием не страшно засилье зла, не страшна область темная, будь она сама смерть; жизнь тогда становится полною, бодрою и радостною. Дерзайте убо, дерзайте, людие Божию, ибо Той победит враги, яко всеислен! Аминь.

МИРОВАЯ БОРЬБА¹

I. ВОЙНА

В день прославления Архангела Михаила, Архистратига Небесных воинств, изображаемого и на иконе святой с воинскими доспехами, невольно мысль переносится к той войне, которую мы переживаем и которую естественно желает осмыслить наше христианское сознание и чувство.

Откройте книгу тайнозрителя Иоанна; в его Апокалипсисе читаем, что произошла некогда брань на Небесах: «Михаил и Ангелы его воевали против дракона, и дракон и ангелы его воевали против них, но не устояли, и не нашлось уже для них места на Небе» (Апок. 12, 7–8).

Итак, брань, война, борьба, по Божественному откровению, не только наполняют историю всемирную, но открывают историю, так сказать, даже домирную. В среде разумно-нравственных существ, способных различать и воспринимать доброе и злое, в отличие от низших тварей, различающих только полезное и вредное в грубом смысле, – и самая борьба должна по своим причинам и целям соответствовать их природе. За славу Божию, за верность Богу, за торжество добра, то есть воли Божией, боролись Архистратиг Михаил и все Небесные воинства. Несомненно, и в царстве человеческом, как в царстве существ, подобных Ангелам по духу, малым сим умаленных от Ангелов (Пс. 8, 6), борьба должна вестись тоже возвышенная – тоже за славу Божию, за верность Богу и Его святой воле. Но как сре-

¹ Два поучения 8 и 9 ноября 1914 г. в соборе святого Василия Блаженного.

ди горних духов, среди небожителей нашлись ангелы падшие, восставшие против Бога, так и среди людей, из которых все повреждены грехом, есть такие, которые ставят, подобно возгордившимся злым духам, основой своей жизни гордыню и превозношение, и за эти греховные основы, а не за добро и свет ведут борьбу. Такова и ныне война со стороны немцев и турок. У воинств Небесных, как существ только духовных, – и борьба духовная: у людей, как существ духовно-телесных, – и борьба духовно-телесная.

Итак, смотри, христианин, на эту переживаемую ныне нами войну, именно как христианин. Ищи в ней высших целей: прославления Бога, утверждения истины христианства, утверждения мира, низложения гордыни тевтонской, упразднения насилия немцев и турок над поработченными племенами славянскими. Не славы личной, не обогащения народного, не мстительности и злобы ищи в этой войне, но, ненавидя зло, жалея самого злодея, жалея и скорби об окаменении сердец врагов наших, желей их скорейшего вразумления. Не радуйся пролитию крови, хотя бы и вражеской; смотри на войну, как на неизбежное несчастье, и с тем большим усердием моли Бога воинств Небесных и земных, да укротится и сокрушится сила и злоба надменного врага нашего, ничего не ищущего, как только удовлетворения своих животных, звериных вожделений – подчинить себе весь мир насилием, кровью и жестокостью.

Небесные воинства да станут с нами в тяжелой брани, да сопутствуют боголюбивым и крестоносным воинам нашим, и да возгремит скоро оный глас, слышанный в домирной борьбе Архистратига Михаила после победы его против дракона: «Ныне настало спасение и сила и царство Бога нашего и власть Хри-

ста Его, ибо низвержен клеветник братий наших!» (Апок. 12, 10). Этого искало Небесное воинство; этого будем искать и мы.

II. МИР

Вчера беседовали мы о смысле войны. Мы говорили, что целью брани должно быть не наслаждение войною, как войною, а мир и покой, как самое желанное благо для христианина. Ныне апостольское чтение, возглашенное в храме за литургией, говорит нам о том, каков должен быть и мир. Ибо и мир может быть недобрый, непрочный, даже пагубный. Сам Спаситель говорит Своим апостолам: «Мир Мой оставляю вам, мир Мой даю вам», и при этом предупреждает: «Но не как мир дает, Я даю вам» (Ин. 14, 27).

Апостол сегодня указывает нам истинный источник истинного и доброго мира: «Христос есть мир наш, соделавший из обоих, – из иудеев и язычников, вечно враждовавших, – одно, и разрушивший стоявшую посреди преграду; Он примирил обоих с Богом посредством Креста, убив вражду на нем. И пришедши, Он благовествовал мир вам, дальним и ближним, потому что чрез Него и те, и другие имеем доступ к Отцу, в одном Духе... быв утверждены на основании апостолов и пророков, имея Самого Иисуса Христа краеугольным камнем, на котором все здание, слагаясь стройно, возрастает в Церковь Святую о Господе, на котором и вы устрояетесь в жилище Божие Духом» (Еф. 2, 14, 16–18, 20–22).

О мире, конечно, теперь все помышляют. Но, помышляя о мире, не видите ли, как более и более воюют? О мире, конечно, помышляет и новый Навуходоносор, прегордый вождь

германцев: но разве мир, который он думает водворить насилем и подчинением себе всех народов, может быть прочным? Древний Вавилон, «молот всей земли», по выражению пророка, все сокрушил и себе подчинил; ему и ранее и позднее подражали Египет, Ассирия, Греция и Рим. Но разве это упразднило войны?

Мира желают прочного и вечного и нынешние писатели, руководители общественного мнения; они уверяют, что окончательная победа над немецкими полчищами, над этими зверями в образе человеческом, их обезоружение – упрочить навсегда мир среди образованных народов. Прекрасные пожелания! Как к ним не присоединиться?! Но сбудутся ли они? Давно ли с таким же увлечением мечтали водворить мир на земле посредством толстовщины, совсем отрицавшей и власть, и государство, и всякое насилие и оружие. И что же? Увидели вокруг умирающего Толстого и потом около могилы его такую злобу, такую борьбу, такую разнузданность страстей, что самые горячие поклонники не могли не разочароваться в силе этого якобы мирного учения. Не потому ли и день годовщины смерти Толстого позавчера прошел, как день совершенно неприметный? Давно ли мечтали водворить мир на земле посредством социал-демократии, объявившей уничтожение народностей и религии и признававшей только экономическое объединение людей? И увидели столько крови и злобы! И увидели, что разделение на классы, на основе различий в экономическом положении людей, вдруг во время этой войны разлетелось во прах, а разделение на народности и племена, на государства осталось в силе!

И какая неисправимая вера во внешние меры! Точно и в самом деле, унизив и обессилив германского вождя и его народ,

мы подойдем к прочному миру! Не повторение ли это роковой ошибки того же вождя Германии, который также думает насилем водворить мир себе на пользу? Нет, не обманывайтесь тщетными надеждами! Если в душе не будет Бога, а в сердце – любви, если злоба останется среди людей, то опять исполнится слово Христово: «Услышати имате брани и слышание бранем, зрите, не ужасайтесь, подобает бо всем сим быти. Восстанет язык на язык и царство на царство... и друг друга предадут, и возненавидят друг друга, и за умножение беззакония изсякнет любви многих»... (Мф. 24, 6 и 9). Отнимете оружие? Уничтожите военные корабли? Разрушите заводы для выделки оружия? Люди все-таки будут друг друга угрызать и съесть, по слову апостола (Гал. 5, 15), останутся у людей для борьбы руки, и ноги, и зубы, останутся вместо оружия камни и деревья. Рим покорила и обезоружила все племена, а дикари пришли в звериных шкурах и без всякого усовершенствованного оружия сокрушили железные римские легионы...

Нет, «Божество вселите во свое вы сердце, и Оно сойдет к вам с мирового трона!». «Христос есть мир наш!» [Еф. 2, 14]. Он в Церкви дал единственную на земле ограду мира и любви. И вот почему, желая мира, в поисках мира будем прежде всего внедрять в свои души веру и любовь; будем всеми силами утверждать Святую Церковь; будем помогать делу Церкви – ее заветному желанию: агарянское – турецкое царство и мир мусульманский обратить в упование христианское, а уклонившихся от истины апостольского учения христиан обратить в Святое Православие. Тогда, живя в единстве духа и веры, будем жить вместе с тем и в союзе мира (Еф. 4, 3), ибо: «истина только в Иисусе» (Еф. 4, 21).

Будем, далее, избегать греха и страстей, ибо где грех, где страсти, там нет путей мира (Рим. 3, 17), и, наоборот, где христиане поступают сообразно званию своему, там господствует заповедь: «поступать со всяким смиренномудрием и кротостью и долготерпением, снисходя друг другу любовью» (Еф. 4, 1–21).

Тогда будет мног мир у кротких и любящих Господа (Пс. 36, 11; 118, 165); тогда в Церкви Христа исполнится древнее о Нем пророчество: «Мира Его несть предела» (Ис. 9, 7). И только тогда может быть мир и прочный, и долгий, мир вожделенный, которого ищет наш усталый дух и жаждет наше тревожное сердце. Не увидим его на земле – дождемся на Небе! Но он будет непременно, ибо верен и вечен Христос, а Он есть мир наш, и Он возвестил мир всем нам, ближним и дальним.

УСИЛЕНИЕ СУВЕРЕНА¹

Сегодня нам приходится побеседовать с вами по особому случаю и особому поводу.

Во дни тяжких испытаний народных, когда ежечасно смерть грозит нам и нашим братьям, обыкновенно усиливается и поднимается религиозное чувство. Так бывает и во время войны. И бывает не только с людьми верующими вообще, но часто и с людьми неверующими. И слава Богу, что хотя бы и тяжкими, и грозными испытаниями некоторые холодные к вере души обращаются к Богу: начав с этих, невысоких в нравственном отношении чувств страха, жалости и опасности за себя, за свое благосостояние и за своих близких, они потом могут, как это очень часто наблюдается, подняться до высоты искренних, бескорыстных и прочных чувств преданности Господу и высших духовных упований.

Но часто в этом оживлении религиозное чувство принимает формы и направление не надлежащие. Это наблюдается во дни настоящей войны. Не раз ко мне обращались с просьбою напечатать и распространить особую молитву-заклинание, которая является для воинов средством заговора от пуль, ран и смерти. Обращался с настойчивою просьбою о том некто, имеющий даже генеральский чин, имеющий высшее образование. Но вот я несколько раз получаю по почте письма следующего содержания: «Молитва: Господи Иисусе Христе, молимся Тебе, Святой Боже, Святой Крепкий, Святой Безсмертный, помилуй нас, всех людей Твоих, избави от всякия муки ради Пречистые

¹ Сказано в соборе Василия Блаженного.

Крови Твоя ныне и присно и во веки веков. Аминь». Потом прибавлено: «В Иерусалиме был слышен голос, говоривший: кто будет читать эту молитву, того Бог избавит от бедствия. Эта молитва была прислана епископу, чтобы он разослал ее девяти лицам, и было сказано: кто не исполнит, будет наказан. Один купец получил эту молитву, взял, сжег ее, и за это был наказан: он лишился единственной дочери, которая была убита на третий день по получении этой молитвы. Поэтому и вы разошлите девяти лицам это письмо с молитвой, и на девятый день вы получите большую радость Р. Х. Это необходимо сделать, чтобы вы разослали эту молитву не дольше трех дней спустя по получении, это очень важно, не пренебрегайте этим».

К молитве далее особая приписка, что ее надо распространять особенно среди воинов, идущих на брань и находящихся на поле брани.

Молитва эта давняя. Я знаю о ней лет тридцать; она видоизменяется в подробностях самых молений и приписок к ней, но всегда одинаково, при всяком разнообразии в чтении ее наблюдается запугивание, связывание совести читающего и приказ – непременно лично переписать молитву и разослать известному числу людей. По некоторым признакам сужу я, что молитву переслал ко мне человек, искренно меня уважающий и искренно верующий.

Итак, не будем судить строго, не станем укорять или обличать, побеседуем дружески и братски, а я – и пастырски, ради исполнения долга моего пред святою Церковью и пред вами.

Что такое наша святая вера? Это есть, в отличие от человеческих измышлений и верований, – религия Богооткровенная, религия духа и свободы. Бог же наш ест Бог разумов, создав-

ший разумные твари и на разумных престолах – Ангелах почиваяй, Бог милости, Бог всяческого доброго устройства, а не беспорядка, не произвола, не неразумия (1 Кор. 14, 33). Так нас учит слово Божие.

Соответствует ли молитва, о которой у нас речь, такому высокому учению о Боге?

Она прежде всего полагает спасение не в духе, а в плоти, не внутрь человека, а во *внешности*. Почему дана молитва в Иерусалиме? В других видоизменениях – она дана на горе Типор, а это есть неграмотная переделка слова Фавор, по-иностранным Табор... Почему же на горе Типор? Почему дана именно эта молитва, а не другая? Почему надо ее непременно написать, а не напечатать? Почему рассылать надо девяти человекам – ни более, ни менее? Какому это епископу, где и когда и кем была послана эта молитва? Какой это купец, где и когда он был наказан? И почему смерть его дочери произошла не от другой какой-либо причины, а от неверия в молитву и ее силу? Кто это сказал и чем подтвердил сказанное? К чему тут число девять?

Есть и в Церкви Божией определенные числа, но они всегда разумны, символически изображают и выявляют глубокие мысли и поучения: троекратное погружение крещаемого, троекратное хождение вокруг купели, две и три свечи при архиерейском благословении, единый только хлеб Святого Причащения, девять частиц просфор на проскомидии и т. п. Здесь изображается то единство Тела Христова, то троичность Божества, то семь Таинств, то девять чинов Ангельских и т. п. А в молитве рассылаемой что изображается? Почему девяти человекам рассылается молитва, а не шести, не одиннадцати, не двумстам? Почему выходит так, что не вера, не преданность Церкви, не любовь, не

молитва, не добродетель привлекают нам Божие благословение, а только внешнее исполнение – словесное (читать) и письменное – данной молитвы? Почему не неверие, не отчаяние, не злоба и клевета, не пороки и страсти вызывают кару Божию, а именно только неисполнение от кого-то данного поручения относительно переписки и рассылки молитвы?

Мы, далее, видим в этой молитве, – которая сама по себе не заключает ничего противного вере и Церкви, – по замыслу и пониманию рассылающих ее некоторое волшебство и искушение Господа требованием неразумного чуда. Чудеса святой веры нашей – это ведь чудеса особые. Это не мусульманские рассказы о том, как Магомет, когда было темно читать ему книгу, засветил собственный палец и присвечивал строки, или пальцем разделил луну и спрятал ее в свою муфту, или на луне съездил в отдаленный город. Это не рассказы подложных (апокрифических) евангелий о Христе, похожие на сказки, по которым выходит, что Иисус Христос, будучи отроком, лепил из глины птиц, оживлял их и пускал летать, или в играх со сверстниками, если кому полагал руку на какой-либо член тела, то этот член – голова, рука, нога – моментально отпадал... Чудеса Святого Евангелия высоко духовны, возвышенно разумны. Спаситель для Себя не сотворил чуда превращения камней в хлебы. Спаситель совершал чудеса только ради славы Божией и по несказанной любви к людям. Скажите же, какое это чудо: молитву читать, девяти человекам ее в переписанном виде послать и чрез это избавиться воину от пули, а всем прочим – получить чрез девять дней – ни больше, ни меньше – большую радость Р. Х.? Какое это чудо: евангельское, церковное, или самоизмышленное? И

что оно обозначает: глубину ли, или поверхность в понимании святой нашей веры?

И в Церкви есть непрестанные чудеса: пастыри совершают тайны, соединяют нас со Христом, прощают грехи, врачуют немощи. Есть в Церкви святые мощи, святые иконы, святая вода, вообще святыня: и пред ними, и от них по вере нашей и смиренной молитве совершаются чудеса. Но для совершения Таинства требуется право: и Господь даровал его пастырям. Он сказал: «Сие – тайну совершения Тела и Крови Христа Господа – творите в Мое воспоминание; примите Дух Свят, имже отпустите грехи, отпустятся им; якоже посла Мя Отец, и Аз посылаю вы» [ср.: Лк. 22, 19; Ин. 20, 21–22]. Он же сказал им: «Больных исцеляйте, бесов изгоняйте, прокаженных очищайте» [Мф. 10, 8]. А для приятия чуда требуется вера и принадлежность к Церкви: «Вера твоя спасла тебя, по вере вашей будет вам...; шедше, покажитесь священником» [ср.: Мф. 9, 22, 29; Лк. 17, 14]... Кто же дал право рассылающим молитву обещать, да еще с точностью исчисления дней – чудеса исцеления, спасения от внезапной смерти и т. п.? Кто сообщил им право как бы давать обязательство от лица Бога? Не кощунство ли это? Не самозванство ли это, тем более пагубное, что оно действует именем Божиим и ссылается на какой-то голос с неба, неизвестно когда и кем слышанный, ни в Писании, ни в Предании Церковном не обретаемый? И затем: как же можно обещать и радость, и чудо, и спасение людям, не требуя от них ни веры, ни послушания Церкви?

Но самозванство усугубляется здесь в своей виновности еще и тем, что рассылающие письмо в полном смысле связывают, насилуют и мучат совесть тех, кому они пишут, угрожая наказанием за неисполнение приказа о рассылке молитвы. Сколь-

ко людей слабых душою, не исполнив такого приказа, будут смущаться в совести, ожидать наказаний и приписывать этому всякие свои скорби и несчастья! Сколько дается ненужной муки ближним, – и из-за чего? А вместе с тем, сколько простых душ соблазняются этим в полном смысле учением *легкоспасенчества* – ибо иначе нельзя назвать его. Царство Божие, по слову Христову, силою берется, и употребляющие усилия получают его (Мф. 11, 12); чтобы приять его, потребны труды, усилия, подвиги, нужно идти узким, а не пространном путем, тесными, а не широкими вратами (Мф. 7, 14). А здесь что предлагается? Внешний прием, легкое дело, своего рода колдовство, – и спасение обеспечено...

С другой стороны, что же делать тем, кто не может писать или не умеет писать? Таковые не могут разослать молитвы девяти лицам... Им, очевидно, предречены только несчастья! А ведь Спаситель наш есть Спаситель *всех* человеков, говорит апостол (1 Тим. 4, 10), а не только умеющих писать, и Бог наш есть Царь над *всеми* народами (Пс. 112, 4), Отец *всех*, Который и над *всеми* и во *всех* верующих (Еф. 4, 6).

Возвращаемся к началу нашей речи. Не думаем, что писавшие и рассылавшие молитву водились дурными мыслями и намерениями: вернее, они подпали под власть суеверия, того же избытка веры, который надо обратить в русло Святой Церкви, чтобы сделать его путем заслуги перед Господом и вечного спасения.

Да, нужно нам молиться и о прощении грехов, и о спасении всего мира, и об избавлении нас от напастей и скорбей, и о спасении наших дорогих братьев-воинов. Но нужно не выискивать для того путей самоизмышленных, не отступать от испытанного

и спасительного руководства Святой Церкви. У Церкви много молитв – и та молитва, которую рассылают суеверные люди, если она благословлена Церковью и не обставлена условиями, обещаниями и угрозами, как это мы видим в письмах, о коих у нас сегодня была речь, – и эта молитва – добрая.

Все, еже не от веры, грех есть, говорит святой апостол (Рим. 14, 23), и все, что не от Церкви и идет мимо Церкви, тоже есть грех и путь заблуждения.

СПОКОЙСТВИЕ¹

Вести о победах нашего воинства радуют наши сердца. Не один раз мы уже приносили за них благодарение Богу. Не раз говорили мы, и ныне повторяем то поучение и пожелание, которое Святая Церковь предлагает нам в подобных случаях: «Радующимся – воздержание».

Святой апостол Павел, облагодатствованный величайшими дарами божественными, совершивший великие подвиги, «паче всех потрудившийся», по собственному его признанию, однако, говорит: «Похвалитися не пользует ми». Он предпочитает иное: «Сладце убо похваляюся паче в немощах моих, да вселится в мя сила Христова» (2 Кор. 12, 1, 12). Ибо смирение родит успех, а безумное превозношение расслабляет человека и часто приводит дела его к гибели. Таков закон всякого дела, таков закон и брани, хотя бы и самой правой. И поэтому уместнее и бесконечно приятнее видеть и теперь среди русского народа деловитое настроение, деловитый тон, спокойствие, сознание и признание силы врага, серьезности положения, а не пустые похвальбы, не задор и легкомыслие. Говорят и пишут, что и теперь были такие, правда, очень немногие из среды даже власть имущих, которые хвалились, что через месяц будут в столице врага, – и должны были потерпеть неудачи и уйти в тень, а те, что молча, серьезно и вдумчиво вели свое дело, совершили беспримерные подвиги в Галиции и порадовали Россию великими победами. Русское главное воинское начальство в своих сообщениях – удивительно кратко, всегда правдиво, оттого и внушает всем доверие. Это

¹ Сказано в соборе Василия Блаженного.

отмечают даже наши враги. Таково действие вдумчивого спокойствия.

Но надобно все иметь в виду и все предупредить. Настроение народное всегда и везде бывает неустойчиво. От шумных ликований оно способно быстро переходить к упадку духа, и не только от ликований, но и от спокойного деловитого настроения оно может переходить в уныние, ропот и жалобы. Толпа жаждет каждый день подбадривающих известий, и если их нет, долго не выдерживает спокойствия и начинает «хмуриться». Вот почему, имея долг, по особому повелению архипастыря духовенству, во дни войны утешать народ и внушать ему бодрое настроение, разъясняя ему смысл текущих событий и указывая подлежащее поведение, – и мы, пастыри, вынуждаемся касаться вопросов войны. Не будем, русские люди, толпою, а будем народом, притом народом, каким нас Бог создал, – великим народом. Великий же народ умеет всегда перенести и радости, и скорби, и удачи, и неудачи без крайностей в своем настроении: глубокого моря не обнажит до дна самая страшная и сильная буря, а мелкую лужу выплескивает и небольшой ветер...

Итак, прежде всего не станем смущаться краткостью известий с войны или даже полным молчанием военного начальства, не станем пугаться пробельными местами в газетах. Боже, сколько по этому поводу ненужных страхов и неосновательных толков! Забывают, что если во всяком деле речь – серебро, а молчание – золото, то тем более это надобно иметь в виду в таком серьезном деле, как война, да еще с таким серьезным врагом, как немец, который имеет буквально миллионы ушей и глаз у нас, в России, в лице многочисленных собратий своих, живущих во всех концах нашего государства.

Забывают, что никогда и нигде умолчание даже об успехе до поры до времени, пока все дело окончательно не выяснится, не вредно никому, а преждевременная похвальба нередко открывала врагу действия сражающихся и заставляла его принимать меры к тому, чтобы воспрепятствовать дальнейшему развитию успеха противника.

Но больше всего будем остерегаться слушать, а затем невольно и распространять всякие, якобы вернейшие, но для всех пока неизвестные сведения о том, что делается на войне, о чем будто умалчивают оглашаемые начальством сведения. Конечно, всегда такие вернейшие сведения касаются неудач и несчастий, – иначе, о победах, конечно бы, и само начальство давно нас известило. И вот, ползут в народе невероятные слухи об изменах командующих лиц, о расстрелах генералов, которые, однако, потом оказываются не только живыми, но и награжденными знаками военных отличий; распространяются слухи об успешных и неожиданных наступлениях врага с той стороны, с тех позиций, которых будто не предусмотрели наши вожди; распространяются сведения о бегстве или уничтожении целых полков, которые, как потом оказывается, и в бою еще не были, о разрушении железных дорог, о взрывах мостов, станционных сооружений и т. д. без конца. Все эти наводящие страх и уныние вести передаются, как секрет, как нечто достоверное, как сведения, полученные прямо из армии. Нарождаются во дни войны особые лица, так называемые «всезнайки», которые говорят с таким видом и таким тоном, будто бы они только сегодня разговаривали с самим Главнокомандующим, будто им одним доступны самые сокровенные бумаги и документы главного управления Верховного Вождя армии. Кто же пользуется эти-

ми вестями и вестниками? Кому невольно служат эти «всезнайки»? Кому же другому, как не нашим врагам?! Для врагов наших важно и нужно внести в нашу жизнь как можно больше смуты, замешательства, страхов, уныния, недоверия к власти. И вот, какой-либо тайный немецкий шпион, или просто немец, живущий в России, из преданности к Германии выдумает и сообщит какую-либо клевету на армию и ее вождей, но для ее распространения он скажет об этом русскому болтливому и легковерному «всезнайке» – и цель врага достигнута: сплетня поползла, дело сделано. Посмотрите, как серьезные люди делают всякое серьезное дело: они и газетам не верят, и слухам не доверяют; они все проверят, и только, когда убедятся в чем-либо наверняка, тогда наверняка и действуют. Только дети, да легкомысленные люди, которые никогда никакого дела большого не делали, обыкновенно живут и питаются слухами, вечно возбужденные, вечно встревоженные, не идущие дальше слов ни в чем, не способные ни к какой напряженной и последовательной работе. Но таких людей обыкновенно и не допускают ни к какому делу, ничего им не поручают, ни в чем не доверяют.

Не следует и нам их выслушивать; особенно не следует доверять различным, даже и подлинным письмам, полученным ими с войны. Ведь и на войне есть люди, склонные к неосновательным суждениям, и часто то, что видит участник войны в трех шагах от себя, он описывает в таком духе, точно это касается всего сражения на пятьсот верст и всей войны.

Есть достоверные сведения, что враг наш ищет теперь для себя почетного мира. Как же ему не стремиться к тому, чтобы, запугавши народ наш известиями о трудностях и несчастьях войны, не расположить всех к выгодному для него миру?

Но что всего возмутительнее в разных неосновательных разговорах – это рассказы о том, что думает и что намерен делать Сам Государь. Шепотом передаются слухи о том, кто и как влияет на Царя, Его Семью, какие и от кого Государь получил письма, какие Им предлагаются решения о войне и проч. Стыдно все это слушать, позорно и преступно принимать участие и в распространении подобных, часто опасных, нелепостей.

Откуда все это идет?

Конечно, из желания видеть войну поскорее оконченной. Кто же и в самом деле этого не желает? Но здесь все зависит от душевного настроения человека. Если у нас дело рассчитано на год, то месяцы ожиданий для нас тогда незаметны; но если дело было рассчитано в наших мыслях на несколько часов, то такое же месячное ожидание уже невыносимо. Терпение и спокойствие в ожидании и настойчивость всегда в своей силе и напряжении соответствуют степени и содержанию наших пожеланий и намерений: так, мы напрягаем и физические силы неодинаково, чтобы прыгнуть через маленькую канавку, или через широкий и глубокий ров или ручей. Таков закон человеческой духовной жизни.

Примените все сказанное и к войне. Если внушите себе мысль о том, что у нас есть сильные союзники, что враг скоро должен смириться, что война скоро окончится, – тогда, естественно, будет ожидание скорого окончания войны, а при оказавшейся затяжке времени сами собою явятся нетерпеливость, беспокойство, уныние и страх. Но кто же говорил и говорит о скором окончании войны? Начиная от первого манифеста Государя Императора и кончая всякою серьезною статьей газеты, мы слышим от всех знающих людей одно: враг силен, враг

упрям и настойчив, враг дерзкий и бесчестный, он в бессовестности своей и жестокости на все пойдет и ни перед чем не остановится. Войну даром не начинают, и войну нельзя считать ни шуткой, ни прогулкой.

Поэтому надобно оставить ложные надежды: может быть, и действительно, война окончится скоро, а, может быть, она продлится и очень долго. Война – несчастье, великое испытание народа. Это испытание надобно перенести терпеливо, вдумчиво и спокойно, в надежде на Божию помощь, а не в злобе, не в чувстве мстительности: эти последние чувства всегда рожают нетерпение. «С великою радостью, – наставляет нас святой апостол, – принимайте, братия мои, когда впадаете в различные искушения, зная, что испытание нашей веры производит терпение, терпение же должно иметь совершенное действие»... (Иак. 1, 2–4).

Вот что по долгу пастырскому считаем мы необходимым сказать тем православным русским людям, которые обыкли у пастырей Церкви и от лица Святой Церкви слышать и принимать наставления.

Не наше бы дело говорить о войне и ее течении; это дело гражданского и военного начальства. Но ведь и пастыри – граждане и они – сыны своего народа; и пастыри – не чужие, а свои для России. И к тому же, если мы замечаем некоторую перемену в настроении верующего народа, нетерпеливость и склонность к унынию, жалобам, ропоту, обвинениям и т. п., – наша обязанность ответить должным образом на такое нравственное настроение пасомых.

«Похвалитися не пользует ми», но и унывать – тоже не пользует никому. Каково действие уныния? Известно, что во время

холеры очень многие заболевают не от заразы, а от мнительности и чувствуют болезненные припадки немедленно после того, как прочитывают вывешенное объявление о холере... Так страх и ожидание несчастья могут сами по себе принести несчастье.

В спокойствии, достойном великого народа и великих исторических задач, разрешение которых Господь возложил на наше поколение, будем терпеливо вести дело, ожидать конца его. В спокойствии будем уповать на помощь Божию в нашем правом деле. Тогда и самыми немощами, по апостолу, будем мы хвалиться, но не для ослабления сил, а для того, чтобы вселилась в нас всеильная сила Христова. Аминь.

«РАДУЮЩИЙСЯ – ВОЗДЕРЖАНИЕ»¹

В одной из церковных молитв, возглашаемых на всенародных молениях, мы находим указание того, что должно иметь человеку в самых разнообразных своих положениях и состояниях, чего просить себе и другим у Господа: мы просим Бога дать обидимым – терпение, обидящим – страх Божий, больным – здравие, грешным – покаяние и спасение, печальным – утешение, а радующимся – воздержание.

В день победной радости, в час благодарения Господу за дарованные русскому воинству и всему народу нашему победы, и в первые минуты по получении радостных известий, и в последующие, когда все больше и больше восстает пред нами во всем величии значение нашей победы, и в настоящей победе и, дай Боже, в будущих, – помни, христианин, помни, брат возлюбленный, что радующемуся подобает воздержание.

От кого победа? Не от нас, а от Бога браней, венчающего победою правое оружие, дающего и поражение тому же правому оружию, если это нужно для Его Промыслительных о нас целей, всегда о нас – благих и милующих. Итак, прежде всего не возносись, не гордись, а благоговей, благодари милосердие и щедроты Отца Небесного, будь готов по слову зова: аще благая прияхом от рук Божиих, злых ли не стерпим?! [ср.: Иов. 2, 10].

Мог ли и может ли любой военачальник, самый гениальный и искусный, предусмотреть и устранить всевозможные случайности, от коих зависит исход сражения? Может ли он поручиться

¹ На благодарственном молебствии по случаю побед российского воинства в Польше над германцами.

за мужество каждого из миллионов солдат, идущих в бой? Все от Бога, все от Его милующей десницы! Итак, Ему прежде всего воздай благодарение и смири ту естественную гордыню всякого человека, которая готова приписать себе все заслуги, вознести свою славу.

Ручаешься ли ты поэтому за то, что и впредь тебя ожидают победы? Ручаешься ли ты, что враг не отнимет у тебя и настоящей победы, собравшись с силами и нанеши тебе поражение? О, прежде конца не блажи никого же – так заповедует древняя библейская мудрость, так подсказывает нам и наша обыкновенная мудрость, повитая опытом жизни. Если предадимся необузданному горделивому ликованию: тяжело, вдвойне тяжело будет разочарование в случае неудач, тяжело и горько будет терпеть успехи врага, которые всегда могут и случайно и не случайно изменить общий победный тон идущих теперь с войны известий. Итак, поостерегись, жди конца, да и тогда знай, что конец этот может быть назван так только в соображениях человеческих, на языке несовершенном, человеческом, а на деле, по воле Божией, по неразрывной связи исторических событий, последствия войны идут целыми десятилетиями впереди истории народа, и являются они благими при благоразумии народа, при условии, что он использует их в согласии с волею и заповедями Господа.

Посему, только ли сознание радости несет победа? Нет, она несет и должна нести также сознание обязанности, сознание возлагаемого долга, сознание ответственности за настоящее и будущее, сознание необходимости много и долго трудиться впереди, чтобы закрепить за собою победу, чтобы сделать ее плодоносной, плодотворной.

Пошли же нам, Господи, по милости Твоей, победу за бедою, но даруй нам, при сем и дар воздержания, вдумчивости, благоговения – того серьезного, важного, высокого настроения души и сердца, которое есть свидетельство жизнеспособности народа. Не в пьянстве похвальбы безумной, не в диком разгуле страстей, не в злобной мстительности к врагу, не в злорадстве, не в насмешках над поверженным в прах противником – не в этом величие наше. Пусть этому предаются враги наши. Не воздремлет, не укоснит им возмездие! Сотни лет назад безбожно, обманом, несправедливо и безжалостно немцы победили Францию и взяли от нее насильем две цветущие провинции. Взяли – и от этой победы только страдали. Они пролили много крови, они употребили много усилия, но не спаяли нового края со своим государством: нельзя спаять дерево и железо... И вот приходит и пришло к ним теперь возмездие, о коем они никогда и не помышляли. А сколько было ликований, сколько гордыни, сколько похвальбы и сколько насмешливого злорадства!

И в радости победной должно помнить то, что всегда должно помнить смертному: погибели предшествует гордость, а падению – надменность (Притч. 16, 18). И еще: Бог гордым противится, смиренным же дает благодать (1 Пет. 5, 5). И еще: На кого воззрю, глаголет Господь, только на кроткого и смиренного, и трепещущего словес Моих (Ис. 66, 2). Аминь.

*Религиозно-просветительное
издание*

Священномученик Иоанн Восторгов

ВО ДНИ ВОЙНЫ. ГОЛОС ПАСТЫРЯ-ПАТРИОТА

ВЫПУСК 1

Редакторы – протоиерей Павел Самойленко,
священник Евгений Шишкин

Дизайн и верстка – Любовь Галкина

Подписано в печать 23.04.2024 г. Формат 72x104/16. Бумага офсетная.
Гарнитура Arial. Печать офсетная. Усл.-печ. л. 13,95. Тираж 500 экз.

Религиозная организация – духовная образовательная организация высшего образования
«Ставропольская духовная семинария Ставропольской и Невинномысской епархии
Русской Православной Церкви»
355017, г. Ставрополь, ул. Дзержинского, 155
stpds@yandex.ru, www.stpds.ru

Отпечатано в типографии ИП Ютишев А. А.
344033, г. Ростов-на-Дону, ул. 1-я Круговая, 86
Тел.: (863) 263-05-56. E-mail: office@omegaprint.ru
Заказ № ... 2024 г.